

ISSN 2412-8562 (print)
ISSN 2658-7777 (online)

ДИСКУРС

■ ■ ■ *DISCOURSE*

1/2026

ФИЛОСОФИЯ

СОЦИОЛОГИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Санкт-Петербург
2026

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 12. № 1/2026

DISCOURSE

Volume 12. No. 1/2026

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2026

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по каталогу «Почта России» П4332.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Н. В. Казаринова, канд. филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

И. В. Кононова, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

Р. В. Светлов, д-р филос. наук, проф., Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, Калининград, Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгеева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; история философии; эстетика; этика; логика; философия науки и техники; социальная и политическая философия; философская антропология, философия культуры; философия религии и религиоведение).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (языки народов зарубежных стран; теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;

и усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "The Post of Russia" catalogue П4332.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Prof. Popov Str., St Petersburg 197022, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Nadezhda V. Kazarinova, Can. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Inna V. Kononova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Roman V. Svetlov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Aleksey Nesteruk, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Mansoor Maitah, Ph. D., Prof., Czech University of Life Science Prague, Prague, Czech Republic

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, history of philosophy; aesthetics; ethics, logic, philosophy of science and technology, social and political philosophy; philosophical anthropology; philosophy of culture; philosophy of religion and religious studies);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (languages of the peoples of foreign countries; theoretical, applied and comparative linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Хлыновская С. А., Изгарская А. А. Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 2. Эпистемологический поворот.....	5
Быльева Д. С. «Рассуждения» больших языковых моделей: оценивание пользователя и метакommunikация	20
Филиппов С. И. «Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис лояльности местных элит	32
Борисова Т. В., Исаев Р. О., Стоцкая Т. Г. Региональная онтология и перспективы анализа социотехнических систем.....	45

СОЦИОЛОГИЯ

Игнатьева И. Ф., Исаев Б. А. Управление дестинациями как инструмент региональной политики в области туризма	56
Замотин М. П. Дискуссии о предмете социологии музыки	74
Пивоваров А. М. Массовое общество: эволюция от индустриальной к платформенной эпохе	83

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Чжао А., Ян С., Ван С. Влияние межъязыковых факторов на усвоение фонетики русского языка китайскими студентами. Исследование динамической взаимосвязи между восприятием и воспроизводством взрывных согласных	105
Соколова А. С. «Видимость» и «невидимость» переводчика при лингвокультурной адаптации реалий: диахроническое исследование переводов «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.....	126
Аль-Мисфир Мухамад Мустафа М. Ценность «верность/преданность» в англоязычной и арабской лингвокультурах: кросс-культурный корпусный анализ	139
Миронова М. Ю. Научный дискурс: обзор исследований в зарубежной лингвистике	154
Власов А. С., Боднарук Е. В. Номинации лиц с ОВЗ в современном немецком языке	170
Правила представления рукописей авторами	182

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Khlynovskaya S. A., Izgarskaya A. A. Stages of Cultural Research in the World-System Approach. Part 2. The Epistemological Turn.....	5
Bylieva D. S. “Reasoning” in Large Language Models: User Evaluation and Metacommunication.....	20
Filippov S. I. “Tighten or Loosen the Screws?”: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government to a Crisis of Local Elite Loyalty.....	32
Borisova T. V., Isaev R. O., Stotskaya T. G. Regional Ontology and Perspectives for the Analysis of Sociotechnical Systems	45

SOCIOLOGY

Ignatyeva I. F., Isaev B. A. Destination Management as a Tool of Regional Tourism Policy.....	56
Zamotin M. P. Discussions on the Subject of the Sociology of Music	74
Pivovarov A. M. Mass Society: Evolution from the Industrial to the Platform Era.....	83

LINGUISTICS

Zhao A., Yang X., Wang X. The Impact of Cross-Linguistic Factors on the Russian Phonetics Acquisition by Chinese Students. Exploration of the Dynamic Relationship between Perception and Production of Plosive Consonants.....	105
Sokolova A. S. “Visibility” and “Invisibility” of the Translator in the Linguocultural Adaptation of Realia: A Diachronic Study of Translations of F.M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”	126
Al-Misfer Mohammed Mustafa M. The Value of “Loyalty/Devotion” in English and Arabic Linguocultures: a Cross-Cultural Corpus Analysis..	139
Mironova M. Yu. Scientific Discourse: An Overview of Research in Foreign Linguistics	154
Vlasov A. S., Bodnaruk, E. V. Nominations of Persons with Disabilities in Modern German.....	170

Оригинальная статья
УДК 130.2
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-5-19>

Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 2. Эпистемологический поворот

Софья Александровна Хлыновская¹, Анна Анатольевна Изгарская²✉

¹Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС, Новосибирск, Россия

²Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

¹s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7117-0619>

²✉aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>

Введение. В конце 1980-х гг. в науке складывается представление о несоответствии установленных в колониальную эпоху дисциплинарных границ актуальным задачам исследований и необходимости реконструкции общественных наук. Переосмысление системы организации науки и производства научного знания как элемента культуры капиталистической миросистемы стало попыткой решения этой проблемы. В статье реконструированы ключевые идеи миросистемного подхода к развитию научного знания.

Методология и источники. Становление миросистемных исследований в области эпистемологии социальных наук рассматривается как третий сдвиг проблем в научно-исследовательской программе анализа культуры капиталистической миросистемы. Сетевой метод был использован при обосновании выбора работ Р. Э. Ли в качестве основного источника для реконструкции эпистемологического поворота.

Результаты и обсуждение. В миросистемном подходе предлагается, во-первых, рассматривать модель производства и воспроизводства структур знания как части капиталистической миросистемы. Это позволяет преодолеть антиномию «прошлое–настоящее» и увидеть науку как сферу культуры в повторяющихся волнах экспансии капитала и циклах мировой гегемонии, описать с этих позиций развитие двух линий картезианского дуализма природы и человека, получивших в XIX в. разграничение в форме естественных и гуманитарных наук. Во-вторых, в миросистемном подходе утверждается, что социальные науки с их претензией на объективность и ценностную нейтральность возникли в XIX в. как решение внутренних противоречий европейской культуры, как ответ на крайние варианты адаптации к идеи прогресса структур знаний в проектах консерватизма и радикализма. В третьих, системный спад гегемонии в текущем цикле миросистемы сопровождается кризисом устоявшихся структур научного знания.

Заключение. Исследования в области эпистемологии открывают возможность миросистемной проблематизации истории западной философии и науки, поднимают проблему развития теоретических конструкций для объяснения динамики культур и процессов познания в полупериферийных и периферийных зонах миросистемы, включая Россию.

Ключевые слова: миросистемный подход, культура, эпистемология, дисциплинарные границы, гегемония

© Хлыновская С. А., Изгарская А. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Хлыновская С. А., Изгарская А. А. Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 2. Эпистемологический поворот // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-5-19.

Original paper

Stages of Cultural Research in the World-System Approach. Part 2. The Epistemological Turn

Sofia A. Khlynovskaya¹, Anna A. Izgarskaya²✉

¹*Siberian Institute of Management – branch of RANEPА, Novosibirsk, Russia*

²*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia*

¹*s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7117-0619>*

²✉*aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>*

Introduction. By the late 1980s, a strong consensus had emerged within the academic community that the disciplinary boundaries of the social sciences, established during the colonial era, were no longer appropriate for contemporary research challenges and that the social sciences needed to be restructured. An attempt to solve this problem was made through rethinking the system of organizing science and the production of scientific knowledge as elements of the culture of the capitalist world-system. The article reconstructs the key ideas of the world-system approach to the development of scientific knowledge.

Methodology and sources. The emergence of world-system studies in the field of social science epistemology is seen as the third shift in problematics in the research program on the culture of the capitalist world-system. The network method was used to substantiate the choice of the Richard Edward Lee's works as the main source for reconstructing the epistemological turn.

Results and discussion. First, the world-system approach proposes to consider the model of production and reproduction of knowledge structures as an integral part of the capitalist world-system. The representatives of the world-system approach thus overcome the antinomy of «past-present» and view science as a sphere of culture within the recurring waves of capital expansion and cycles of world hegemony. From this perspective, they interpret the development of two lines of Cartesian dualism of nature and man, which, in the 19th century, became delineated in the form of the natural and the human sciences. Secondly, the world-system approach asserts that the social sciences, with their claim to objectivity and value neutrality, emerged in the 19th century as a solution to the internal contradictions of European culture, as a response to extreme versions of adaptation to the idea of progress of knowledge structures in the projects of conservatism and radicalism. Thirdly, the systemic decline of hegemony in the current cycle of the world-system is accompanied by a crisis of established structures of scientific knowledge.

Conclusion. Research in the field of epistemology opens up prospects for the world-system problematization of the history of Western philosophy and science, sets the task of developing theoretical constructs to explain the dynamics of cultures and processes of cognition in semi-peripheral and peripheral zones of the world system, including Russia.

Keywords: world-system approach, culture, epistemology, disciplinary boundaries, hegemony

For citation: Khlynovskaya, S.A. and Izgarskaya, A.A. (2026), "Stages of Cultural Research in the World-System Approach. Part 2. The Epistemological Turn", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-5-19 (Russia).

Решение эпистемологических проблем будет одновременно влиять и зависеть от решения более крупных вопросов, касающихся того, какую историческую социальную систему мы будем строить в ближайшие тридцать-пятьдесят лет.

И. Валлерстайн. «Заключение?»

Введение. Эпистемологическому повороту в исследовании культуры в миросистемном подходе предшествовал почти десятилетний период критического осмысления общего состояния научного знания. Публикуя работы, посвященные онтологии культуры в миросистеме [1–3], И. Валлерстайн одновременно поднимает проблему пересмотра границ социальных дисциплин и содержания их категориальных аппаратов. Философским основанием пересмотра стала теория диссипативных структур И. Пригожина¹. Следуя за И. Пригожиным И. Валлерстайн утверждал, что вся наука – это «гуманитарная наука, наука, созданная человеком для человека» [5, р. 34]. Позитивистская идея универсальных законов и заложенные еще в колониальную эпоху границы научных дисциплин устарели, они препятствуют интеграции научного знания и сдерживают его развитие. Миросистемный подход выступает как теоретическое основание и критики, и интегрирующей реконструкции социального знания. В 1991 г. И. Валлерстайн пишет: «Миросистемный анализ призван стать критикой социальной науки XIX в. Но это неполная, незавершенная критика. Он до сих пор не смог найти способ преодолеть самое устойчивое (и вводящее в заблуждение) наследие социальной науки XIX в. – разделение социального анализа на три области, три логики, три «уровня» – экономический, политический и социокультурный. Эта троица стоит посреди дороги, словно гранит, блокируя наше интеллектуальное развитие. ... Возможно, дело в том, что мир должен еще немного измениться, прежде чем ученые смогут более эффективно его теоретизировать. Но я убежден, что если мы хотим реконструировать исторические общественные науки, именно эта загадка должна занимать нас прежде всего, и что преодоление этой апории, разгадка этой тайны, отказ от этой метафоры необходимы» [5, р. 4]. При этом И. Валлерстайн доказывал, что междисциплинарный подход не может быть адекватным способом решения существующей проблемы [6].

И. Валлерстайн не был одинок в желании критически пересмотреть состояние науки. В 1993 г. И. Валлерстайн инициирует создание Комиссии по реструктуризации общественных наук Фонда Гюльбенкяна и становится ее председателем. Международная группа ученых, в которую вошли шесть представителей социальных дисциплин, по два представителя от естественных и от гуманитарных наук, задается целью переосмыслить структуры и методы социальных наук в условиях глобализации и кризиса дисциплинарных границ [7, р. 172]. Широкий спектр наук, географическое разнообразие участников, их высокий академический статус (например, в комиссию вошел И. Пригожин) должны были обеспечить многомерность исследования и утвердить приоритет интегрированных программ научных исследований как необходимый принцип современной науки. Итогом работы стала публикация «Откройте социальные науки. Доклад комиссии Гюльбенкяна о реструктуризации социаль-

¹ В одном из интервью И. Валлерстайн отмечал, что на его исследования повлияла концепция времени большой длительности (*la longue durée*) Ф. Броделя, а позднее – идеи И. Пригожина [4, р. 230].

ных наук», в которой члены Комиссии предложили ввести четыре структурных изменения в организацию социально-гуманитарных наук и систему университетского образования [8, р. 103–104]. Авторы доклада указывали, что выступают не просто против дисциплинарного разделения, а хотят пересмотреть дисциплинарные границы, которые были институционализированы вокруг трех антиномий – прошлого и настоящего, номотетического и идеографического, а также цивилизованного и варварского. Первые две антиномии продолжают господствовать в науке, третья официально не признается, однако «на практике все еще присутствует в менталитете многих ученых» [8, р. 95]. Они утверждали, что доставшиеся в наследство от XIX в. эпистемологические установки продолжают влиять на современную науку. Отчет был переведен на 30 языков, обсуждался научным сообществом, но заметных изменений в науке и университетском образовании, как отметил И. Валлерстайн, не последовало [9]. Несмотря на отсутствие активных действий со стороны университетских администраций по реорганизации общественных наук, активный пересмотр эпистемологических оснований осуществлялся внутри миросистемного подхода. По сути, была поставлена задача переосмысления методов исследования культуры, которая в широком смысле включает в себя систему организации науки и производства научного знания. Рассмотрим в исторической последовательности основные идеи эпистемологического поворота в миросистемном подходе.

Методология и источники. В качестве методологии используется постпозитивистская объяснительная модель развития науки, представленная в работах Т. Куна и И. Лакатоса. Миросистемный подход понимается в качестве парадигмы, на основе которой в различных предметных областях, включая культуру, формируются научно-исследовательские программы. Развитие миросистемных исследований культуры рассматривается как поэтапный сдвиг проблем. На первом этапе (с 1977 г.) в ряде работ И. Валлерстайна и Т. К. Хопкинса фиксируется место культуры в структуре миросистемной онтологии. Второй этап относится к концу 1980-х гг. В период общенаучного роста интереса к сфере культуры, вызванного крушением СССР и глобальными изменениями международной системы отношений, а также связанным с этими процессами кризисом ряда научных парадигм в социальных науках [10], в миросистемном анализе начинается активная разработка онтологии культуры, формирование категориальной сетки, увязывающей ее со сферами экономики и политики. В этот период появляется одно из центральных понятий – «геокультура». Данная статья посвящена третьему сдвигу проблем, который в центр внимания ставит вопрос о культурных основаниях становления и развития научного знания в современной миросистеме. Для реконструкции основных идей третьего сдвига проблем были использованы статьи и монографии Р. Ли. Выбор обосновывается тем, что, во-первых, именно в Р. Ли вел систематическую работу в этом направлении. Во-вторых, Р. Ли находился в центре сетевых взаимосвязей миросистемой парадигмы, а это позволяет констатировать, что именно его работы отражают главное содержание сдвига проблем.

Результаты и обсуждение. Помимо работ И. Валлерстайна существенную роль в эпистемологическом повороте сыграли работы его ученика Р. Э. Ли (Richard Edward Lee), который был секретарем Комиссии по реструктуризации общественных наук Фонда Гюльбенкяна. И. Валлерстайн назовет Р. Ли одним из тех своих студентов, чьи советы были

«трезвыми и отрезвляющими» [11, р. xii]. Именно Р. Ли с 2002 г. будет заместителем, а 2006 г. сменит И. Валлерстайна на посту директора Центра Фернана Броделя.

Следует отметить, что в самом конце XX в. в Центре Фернана Броделя вышли в свет две книги, в которых были опубликованы результаты исследований двух групп ученых, работавших над проектом «Hegemony and Rivalry in the World-System: Trends and Prospective Consequences of Geopolitical Realignment, 1500–2025». Т. К. Хопкинс и И. Валлерстайн осуществляли руководство первой частью проекта. В 1996 г. под их редакцией вышла коллективная монография «Эпоха перехода: траектория развития мировой системы 1945–2025 гг.», которая была посвящена в первую очередь динамике подъема и спада гегемона текущего цикла миросистемы [12]. Дж. Арриги и Б. Дж. Сильвер возглавили работу второй группы ученых. Книга «Хаос и управление в современной мировой системе: противоречия современности» под их редакцией вышла в 1999 г. и была посвящена анализу периодов глобальной нестабильности на протяжении всей истории современной миросистемы [13]. В монографиях рассматривалась характерная для миросистемного подхода тематика, и из всей совокупности тем проблема состояния науки поднимается только в статье Р. Ли «Структура знания» [14]. Эта статья логически встроена в содержание книги «Эпоха перехода», поскольку наука представлена в качестве одного из шести развивающихся, взаимосвязанных институциональных «векторов» миросистемы. Т. К. Хопкинс и И. Валлерстайн определили векторы как «комплексы процессов, обеспечивающих постоянно развивающиеся структурированные рамки, в которых происходит социальное действие» [15, р. 2]. Наряду с межгосударственной системой, структурой мирового производства, структурой мировой рабочей силы, моделями мирового благосостояния людей и социальной сплоченностью государств «вектором» также выступают структуры знания, которые и были описаны Р. Ли.

Основная идея Р. Ли, которая потом ляжет в основание миросистемной эпистемологии и получит развитие, заключалась в том, что «универсальная» позитивистская наука, которая выражала идею Просвещения о бесконечном, подчиняющемся объективным законам и поэтому предсказуемом прогрессе, стала основой гегемонии США, поскольку представляла собой вершину и образец интеллектуальной иерархии [14, р. 178–179]. Наука стала доминирующим способом понимания человеком мира, но одновременно она находилась «в сложном взаимодействии с социальными и политическими противоречиями того времени и их институциональными/интеллектуальными проявлениями» [14, р. 178]. Сквозь призму восхождения США как гегемона миросистемы в статье описаны баталии в социально-гуманитарных науках и «большой культуре», начиная с 1945 г., а также проводится логическая линия о связи кризиса дисциплинарных форм организации науки с надломом мировой американской гегемонии. Связь объясняется тем, что в буржуазном обществе, в отличие от предыдущих эпох, «сокрытие власти принимает специфическую форму: сокрытие политических интересов под маской науки» [14, р. 206]. Кризис властных структур и кризис поддерживающей их науки и господствующей культуры взаимосвязаны.

Начало эпистемологического поворота в миросистемном анализе будет правильно соотнести с 2000 г., когда на страницах ноябрьского выпуска *Journal of World-System Research* появился раздел «Структуры знания». Выпуск содержал двенадцать статей, среди которых была статья И. Пригожина «Сетевое общество» [16] и статья Р. Ли «Структуры знания и

будущее социальных наук: два постулата, два предложения и заключительное замечание» [17]. Статья Р. Ли стала программной для последующих исследований и не только в области миросистемной истории науки, но в плане разработки концептуальных инструментов, которые, как отметил автор, могут быть использованы на пути изучения «формирования и распада культурных сообществ» [17, р. 787]².

В статье Р. Ли выдвигает два постулата и на этой основе в общих чертах описывает историю европейской науки. Во-первых, он указывает, что модель производства и воспроизводства структур знания устанавливается в начале XVI в. как неотъемлемая часть миросистемы. Р. Ли раскрывает, как в конце Средневековья в результате секуляризации знания образовались новые, необходимые для капиталистической миросистемы, интеллектуальные и институциональные структуры его производства, как на протяжении нескольких столетий в интеллектуальной жизни формировались две линии картезианского дуализма природы и человека, противостояние которых достигло четкого разграничения в XIX в. в виде естественных и гуманитарных наук, а в XX в. получило название «двух культур» [17, р. 788].

Во-вторых, Р. Ли утверждает, что «социальные науки возникли в XIX веке как среднесрочное решение внутренних противоречий, присущих структурам знания» [17, р. 788]. Противоречие заключалось в том, что после Французской революции 1789 г. мир предстал перед человечеством как динамичный и меняющийся, однако способы интерпретации социальных изменений апеллировали к ценностям, а именно или к консерватизму с его идеей всеподчиняющей традиции, или к радикализму, «угрожающего накоплению капитала». Социальные науки с их претензией на объективность и ценностную нейтральность устранили возникший дискомфорт, «упорядочили» изменения, объявили прогресс целью этих изменений, гарантировали научный контроль со стороны подготовленных «экспертов» и на основе «неопровержимых фактов». Р. Ли описывает процесс формирования иерархии наук, «которые разделили изучение человеческого мира на изолированные области, интеллектуально поделенные на изолированные дисциплины, а институционально – на университетские кафедры» [17, р. 789].

Политику, основанную на таких структурах знания, Р. Ли назвал либеральным инкрементализмом, который способствовал максимизации накопления капитала и минимизировал опасность классовой борьбы [17, р. 788–790]³. Социальные науки, по его мнению, служили закреплению господствующего миросистемного порядка, маркируя явления и процессы под наборами понятий и создавая соответствующие коннотации. Именно это произошло с понятием «культура». Оно обретает особое звучание в научном дискурсе как ответ консерваторов на натиск радикальной критики. «Консерваторы выдвинули понятия аутентичности, традиции и органического сообщества, в данном случае защищая представление о ценностях, кодируемых как “культура” и перевозимых как “порядок” в противовес не только революции, но и демократии, и либерализму невмешательства (*laissez-faire liberalism*), презираемых как “анархия”» [18, р. 230]. Позже отделенное специфической предметной об-

² В 2001 г. идеи Р. Ли о формировании структур знания в миросистеме будут переработаны совместно с И. Валлерстайном для широкой научной аудитории и опубликованы в справочнике «*The Blackwell Companion to Sociology*» [18].

³ Эти идеи будут подкреплены эмпирическим материалом И. Валлерстайна в четвертом томе «*Мир-система Модерна*», см. [19, с. 25–319].

ластью от сфер экономики и политики это понятие создавало видимость пространства, не включенного в отношения неравного обмена. Но именно это позволяло культуре всегда играть роль научной маски для политических интересов. В результате культура становилась не выражением «человеческой свободы и свободной воли против злых механических демонов угнетения, которые нами управляют» [20, р. 65], а инструментом, ограничения и управления человеком.

Описав историю производства знания в миросистеме до середины XX в., Р. Ли, следуя за идеями И. Валлерстайна, останавливается на процессах нарастания кризиса. Он формулирует и обосновывает два тезиса. Во-первых, он указывает на начавшийся в середине 1960-х гг. системный спад гегемонии миросистемы, который сопровождается кризисом устоявшихся структур научного знания. Центральным источником обновления науки становятся работы в области культурных исследований (Culture studies). «Работа в различных областях социальных и гуманитарных наук, объединенная под рубрикой “культурные исследования”, привела к выводам и интерпретациям, направленным на делегитимацию универсалистских предпосылок, на которых строилась реляционная структура естественных, социальных и гуманитарных наук» [17, р. 790]. Во-вторых, опираясь на идею И. Пригожина, он показывает, что в надвигающейся ситуации глобальной нестабильности «будущая интеллектуальная и институциональная организация производства знаний остается “неопределенной” и требует дальнейшего развития» [17, р. 793]. Ситуация чувствительна к флуктуациям на микроуровне, поэтому на создание нового мира может повлиять интеллектуальная активность ученых и студентов. Р. Ли отказывается от плюрализма как возможного этического императива производства знаний, поскольку плюрализм слеп «к отношениям власти и привилегиям» [17, р. 793]. Необходимы средства, которые способствуют «выявлению исторической конструкции отношений власти и легитимности» и ведут к «альтернативным моделям социальной реальности» [17, р. 793]. Признавая, что использует «термины утопистики»⁴, Р. Ли в качестве способа производства знания предлагает ученым «конфронтацию», а университетам – «новый, коллективный предмет, признающий конечную социальную конструкцию знания и созвучный жизни реальных мужчин и женщин, вовлеченных в создание нового мира» – «преподавание конфликтов» [17, р. 794]. Следует обратить внимание, что Р. Ли не призывает к радикальным, революционным изменениям, он отмечает, что «инновации, ведущие к более рациональной исторической системе, с большей вероятностью будут институционализированы, если они изначально опираются на существующие структуры власти» [17, р. 794].

Изложенные в этой статье идеи он развивает в последующих своих работах. Так в 2003 г. выходит историографическая монография Р. Ли «Жизнь и время культурных исследований. Политика и трансформация структур знания» [22]. Р. Ли включает истоки и развитие исследований культуры в более широкий и развернутый обзор динамики миросистемных отношений, начиная с раннего Нового времени до начала XXI в. Однако в центре обширного исторического обзора находится интеллектуальное движение британских марксистов Центра современных культурных исследований Бирмингемского университета, которые в конце 1950–1970-х гг. выступили как инициаторы антидисциплинарного проекта. Институционал-

⁴ Критику утопических прогнозов в миросистемном подходе см. [21].

изация этого интеллектуального течения происходила в тени гегемонии США и в условиях, когда главные политические проекты миросистемы и структуры производства социального знания подходили к своему исчерпанию. Новый, отвергающий дисциплинарные рамки подход к исследованию культуры в марксизме стал возможен, когда «ортодоксальная модель “базис-надстройка”, связанная со сталинизмом, была дискредитирована, а американская модель ценностно-нейтральной количественной оценки была отвергнута» [22, р. 4]. Идея деконструкции и преодоления дисциплинарных границ близка миросистемному подходу и для Р. Ли научные разработки британских марксистов в области культурных исследований важны как реальный пример, позволяющий подойти к проблеме снятия дихотомии номотетического и идеографического.

Книга получила как положительные оценки, так и обоснованные замечания. Критики отметили, что Р. Ли, используя концепцию долгого времени (*la longue durée*) Ф. Броделя для описания меняющихся интеллектуальных структур, менее скрупулезен в описаниях материальной практики в отличие от великого представителя школы «Анналов». Ф. Бродель создавал «длинные книги» для меньших промежутков времени, в работе Р. Ли описание нескольких столетий занимает одну главу [23, р. 423].

В 2003 г. в сборнике «Возможные проблемы миросистемы в XXI веке. Том 1. Кризисы и сопротивление в миросистеме XXI века» выходит статья Р. Ли «“Третья” арена: тенденции и логистика в геокультуре современной мир-системы» [24]⁵. В ней Р. Ли отмечает, что исследователи культуры конструируют категории, но сосредоточены «на объяснении какого-либо конкретного события, положения дел или периода в терминах такой категории или категорий» [24, р. 120]. При этом попытка сопоставления категорий, сконструированных для «универсального» и «локального» уровней, демонстрирует их несовместимость как элементов двух различных логических пространств. Миросистемная перспектива, охватывающая пятисотлетний временной промежуток, ставит перед исследователем задачу построения такого категориального аппарата, который снимал бы данную проблему.

Решая данную задачу, Р. Ли предлагает различать воспроизводимый в жизни миросистемы набор иерархических интеллектуальных и институциональных структур по их длительности: долгосрочные (вековые) и среднесрочные тренды развития. В духе идей синергетики Р. Ли на конкретных примерах трансформации культуры описывает, как в результате исторически уникального совпадения периода исчерпания средневековых тенденций и появления ряда случайных потрясений появляется долгосрочный тренд, который задает направление в сторону секуляризации авторитетного знания и сверхдетерминирует структурную трансформацию социальных отношений, которые позже образуют европейское ядро современной капиталистической миросистемы. Р. Ли демонстрирует как к началу долгого XVI в. сформировались новые когнитивные способы постижения человеческой реальности, как отделение «факта» от «ценности», «истины» от «блага» становится определяющей концептуальной структурой знания. Противоречие, заложенное в этом разделении, проявлялось в каждом цикле миросистемы и посредством адаптирующих систему изменений снималось на среднесрочном уровне.

⁵ Под «третьей ареной» Р. Ли понимает культуру, первые две арены – экономика и политика – понимаются в миросистемном подходе как рядоположенные с культурой категории.

Среднесрочные тренды трансформации структур культуры и знания, которые он называет логистиками, Р. Ли связывает со среднесрочными экономическими волнами (на основе долгосрочных ценовых волн Р. Кэмерона) и геополитическими циклами мировых гегемоний. Экономическая и геополитическая конкуренции часто применяют силу в процессе борьбы за мобилизацию ресурсов, что «обходится дорого» [24, р. 124]. Логистики – колебания в когнитивных структурах, имеющие повторяющийся характер, ограничивающие консенсус и несогласие противоборствующих сторон, задающие смысл мобилизации и организации когнитивных ресурсов для целей борьбы. Смысл логистик заключается в том, что они «воплощают и воспроизводят внутренне противоречивые и всегда оспариваемые основы консенсуса о том, что можно думать и, следовательно, делать» [24, р. 124]. Автор выделяет и дает характеристику трем логистикам: середина XV в. – первая треть XVIII в.; середина XVIII в. – конец XIX в.; конец XIX в. – современность. Смена логистик происходила в результате тридцатилетних войн [25, р. 103–104], и всегда несла с собой трансформацию способов объяснения мира, понимания целей, смысла жизни, источника управляющих миром сил, критериев истины и других концепций, являющихся предметом исследования наук о человеке [24, р. 123–126].

Разработка содержания логистик, их связей с экономикой и геополитикой продолжается в совместных работах Р. Ли с И. Валлерстайном [26], становится частью коллективных проектов исследования проблем эпистемологии социальных наук [27]. В 2010 г. Р. Ли издает монографию «Знание имеет значение: структуры знания и кризис современной миросистемы» [28]. Он называет ее «кульминацией и дистилляцией 20-летней работы» в миросистемном анализе культуры, которая выражена в первую очередь в структурах знания [28, р. 8]. В целом, следует отметить, Р. Ли первым вписал область культуры и меняющиеся структуры знаний, в динамику миросистемы⁶. Благодаря его работам миросистема предстает как «историческая система, процессы и структуры которой образуют эмпирическое целое, состоящее из двух видов принуждения – экономического и политического, легитимируемых структурами познания и интенциональности» [22, р. 14].

Следует отметить, что в миросистемном подходе велась и коллективная работа по решению эпистемологических проблем в социальных науках. Так 2004–2006 гг. при финансовой поддержке Фонда Гульбенкяна прошли три симпозиума (в Стэнфордском университете, Доме Сюже в Париже, в Университете Бингемтона), целью которых было исследование «степени конвергенции вопросов в трех областях (экономике, политике, культуре), которая ... затуманена фактом частого использования различающихся терминологий» [30, р. xi]. Каждый симпозиум был посвящен обсуждению одному из трех фундаментальных оснований науки XIX в. – детерминизму, редукционизму и дуализму. В 2010 г. по результатам работы симпозиумов вышли три тома сборника «Сомнение в предположениях XIX века о знании» [30–32]. И. Валлерстайн выступил в качестве одного из редакторов сборника, а Р. Э. Ли – в роли ученого секретаря. В предисловии И. Валлерстайн пишет: «Возможно, в ближайшие тридцать лет мировое интеллектуальное сообщество найдет способ воссоединить базовую эпистемологию, которую оно использует, и преодолеть некоторые ограничения взглядов XIX века на знание» [31, р. xii]. Тем самым теоретическая рамка эпистемоло-

⁶ Концепция структур знания Р. Ли получила признание в рамках миросистемного подхода. Об этом говорит то, что одна из его статей вошла в учебник-справочник по миросистемному анализу [29].

гического поворота в миросистемном подходе стала распространяться на разработку конкретных положений западной истории философии и науки.

Следует подчеркнуть, работы Р. Ли сосредоточены на динамике культуры и структур знания ядра миросистемы, а следовательно, объясняют логику западной традиции научного знания. За рамками анализа остается огромный пласт трансформаций культур полупериферийных и периферийных зон, которые испытывают приток и отток мирового капитала, то включаются, то исключаются из цепочек производства прибавочной стоимости, то встраиваются в межгосударственную систему, созданную мировым гегемоном, то восстают против нее. Для решения этого блока проблем развитие методов исследования динамики культуры и структур научного знания станет необходимым этапом. Работа в этом направлении уже идет, например, С. Шапиро рассматривает особенности социальных и культурных аспектов полупериферийных обществ [33], Дж. Бассано дополняет миросистемную оптику И. Валлерстайна концепцией семиосферы Ю. Лотмана с целью исследования миграционных процессов и таких их последствий, как ассимиляция, исключение, сегрегация, принятие [34]. М. Деметр синтезирует миросистемную концепцию международного разделения труда и концепцию культурного капитала П. Бурдьё, на этом описывает академическую иерархию миросистемы и уровни глобального неравенства в доступе к занятиям наукой [35]. Ю. Корхонен исследует механизмы подавления культур и возвышения геокультуры [36]. Т. Винтер исследует, как реализация китайского проекта «Один пояс, один путь», с одной стороны, меняет международную торговлю и политические отношения, а с другой, как проект побуждает переписывать историю, перерабатывать прошлое в угоду текущим целям [37]. Р. Ю. Царев исследует уровень теоретизации социально-исторических процессов в миросистемном подходе [38], В. В. Тузов и А. А. Изгарская проинтерпретировали модели развития обществ разных зон миросистемы с позиции синергетики [39].

Заключение. Выполненный анализ позволяет сделать несколько выводов относительно перспективных сдвигов проблем в миросистемном подходе. Во-первых, исследования в области эпистемологии открывают возможность миросистемной проблематизации истории западной философии и науки. Во-вторых, полученные Р. Ли теоретические конструкции должны быть дополнены моделями, пригодными для объяснения динамики культур и процессов познания в полупериферийных и периферийных зонах миросистемы. В-третьих, развитие миросистемной оптики может стать научным основанием исследования долговременных трансформаций культуры и состояния научного знания в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wallerstein I. Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System // *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society Special Issue* / ed. by M. Featherstone. London: SAGE Publications, 1990. P. 31–56.
2. Wallerstein I. The National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture? // *Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity*; ed. by A. D. King. London: Macmillan, 1991. P. 92–106.
3. Wallerstein I. *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
4. Kumar A., Welz F. Culture in the World-System: An Interview with Immanuel Wallerstein, *Social Identities* // *J. for the Study of Race, Nation and Culture*. 2001. Vol. 7, iss. 2. P. 221–231. DOI: 10.1080/13504630120065293.

5. Wallerstein I. *Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*. Cambridge: Polity Press, 1991.
6. Wallerstein I. What are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research // *Social Research*. 1995. Vol. 62, no. 4. P. 839–856.
7. The Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences // *Historical Social Research*. 1993. Vol. 18, no. 4 (68). P. 172–174.
8. *Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences* / I. Wallerstein, C. Juma, E. F. Keller et al. Stanford: Stanford Univ. Press, 1996.
9. Самалавичус А. Новая мир-система? Беседа с Иммануилом Валлерстайном // *Россия в глобальной политике*. 28.02.2014. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-mir-sistema-beseda-s-immanuilom-vallerstajnom/> (дата обращения: 20.06.2025).
10. Изгарская А. А. Внешние и внутренние факторы в теоретических моделях развития общества: теория модернизации и парадигмы теории международных отношений (оценка когнитивного потенциала) // *Вестн. НГУ. Сер. Философия*. 2008. Т. 6, № 2. С. 96–101.
11. Wallerstein I. *The Essential Wallerstein*. NY: New Press, 2000.
12. Hopkins T. K., Wallerstein I. *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025*. London; NY: Zed Books, 1996.
13. Arrighi G., Silver B. J. *Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1999.
14. Lee R. E. *Structures of Knowledge // The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025* / T. K. Hopkins, I. Wallerstein. London; NY: Zed Books, 1996. P. 178–206.
15. Hopkins T. K., Wallerstein I. *The World-System: Is There a Crisis? // The Age of Transition: Trajectory of the World-System 1945–2025*. London; NY: Zed Books, 1996. P. 1–9.
16. Prigogine I. *The Networked Society // J. of World-Systems Research*. 2000. Vol. 6, iss. 3. P. 892–898. DOI: 10.5195/jwsr.2000.203.
17. Lee R. E. *The Structures of Knowledge and the Future of the Social Sciences: Two Postulates, Two Propositions and a Closing Remark // J. of World-Systems Research*. 2000. Vol. 6, iss. 3. P. 786–796. DOI: 10.5195/jwsr.2000.201.
18. Lee R. E., Wallerstein I. *Structures of Knowledge // The Blackwell Companion to Sociology* / ed. by J. R. Blau. Oxford: Blackwell Publishing, 2001. P. 227–236.
19. Валлерстайн И. *Мир-система Модерна. Том IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914* / пер. с англ. Н. Проценко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
20. Wallerstein I. *Culture is the World-System: A Reply to Boyne // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society Special Issue* / ed. by M. Featherstone. London: SAGE Publications, 1990. P. 63–66.
21. Волков Ю. К., Зубанов М. А. *Мир-системное описание будущего современной цивилизации: комментарии и оценки утопического прогноза конца прошлого века // Вестн. ННГУ. Сер. Социальные науки*. 2015. № 5. С. 79–84.
22. Lee R. *Life and Time of Culture Studies. The Politics and Transformation of the Structures of Knowledge*. Durham; London: Duke Univ. press, 2003.
23. Bennett T. *Book reviews. R. E. Lee. Life and Times of Cultural Studies: The Politics and Transformation of the Structures of Knowledge // The Sociological Review*. 2004. Vol. 52, iss. 3. P. 422–424. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.488_1.x.
24. Lee R. E. *The «Third» Arena: Trends and Logistics in the Geoculture of the Modern World-System // Emerging Issues in the 21st Century World-System. Vol. 1. Crises and Resistance in the 21st Century World-System* / ed. by W. A. Dunaway. Westport, Connecticut: Praeger, 2003. P. 120–127.
25. Wallerstein I. *The Three Instances of Hegemony in the History of the Capitalist World-Economy // Int. J. of Comparative Sociology*. 1983. Vol. 24, iss. 1–2. P. 100–108. DOI: 10.1177/002071528302400107.

26. Lee R. E., Wallerstein I. Introduction: The Two Cultures // *Overcoming the Two Cultures: Science versus the Humanities in the Modern World-System*. London; NY: Routledge, 2016. P. 1–6.
27. *Overcoming the Two Cultures: Science versus the Humanities in the Modern World-System* / ed. by R. E. Lee, I. Wallerstein. London; NY: Routledge, 2016.
28. Lee R. E. *Knowledge Matters: the Structures of Knowledge and the Crisis of the Modern World-System*, 3rd ed. NY: Routledge, 2017.
29. Lee R. E. *The Structures of Knowledge: Conceptualizing the Socio-Cultural Arena of Historical Capitalism // Handbook of World-Systems Analysis*. NY: Routledge, 2012. P. 104–111.
30. *Questioning Nineteenth-Century Assumptions about Knowledge II: Reductionism* / ed. by R. E. Lee. Albany, NY: State Univ. of New York Press, 2010.
31. *Questioning Nineteenth-Century Assumptions about Knowledge I: Determinism* / ed. by R. E. Lee. Albany, NY: State Univ. of New York Press, 2010.
32. *Questioning Nineteenth-Century Assumptions about Knowledge III: Dualism* / ed. by R. E. Lee. Albany, NY: State Univ. of New York Press, 2010.
33. Shapiro S. *Zemiperiphery Matters: Immigration, Culture, and the Capitalist World-System // Wallerstein 2.0: Thinking and Applying World-Systems Theory in the 21st Century* / ed. by F. Jacob. Wetzlar: Majuskel Medienproduktion, 2023. P. 49–72. DOI: <https://doi.org/10.14361/9783839460443>.
34. Bassano G. *Semiosphere and World-System: A Semiotic Reflection on Migration and Nationalism within the World-System // Wallerstein 2.0: Thinking and Applying World-Systems Theory in the 21st Century* / ed. by F. Jacob. Wetzlar: Majuskel Medienproduktion, 2023. P. 73–98.
35. Demetr M. *The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences // J. of World-Systems Research*. 2019. Vol. 25, iss. 1. P. 111–144. DOI: 10.5195/JWSR.2019.887.
36. Korhonen J. *Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives // World-Systems Analysis at a Critical Juncture* / eds. by C. R. Payne, R. P. Korzeniewicz, B. J. Silver. NY, London: Routledge; Taylor & Francis Group, 2023. P. 42–53.
37. Winter T. *Geocultural Power: China's Quest to Revive the Silk Roads for the Twenty-First Century*. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 2019.
38. Царёв Р. Ю. Теоретизация социально-исторического познания: школа «Анналов» и миросистемный анализ // *Вестн. Курган. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки*. 2016. № 1 (40). С. 73–77.
39. Тузов В. В., Изгарская А. А. Кумулятивные процессы в современной миросистеме через призму диалектики и синергетических закономерностей: о проблеме перехода к эгалитарному обществу в условиях многополярности // *Дискурс*. 2023. Т. 9, № 5. С. 44–58. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-44-58.

Информация об авторах.

Хлыновская Софья Александровна – преподаватель-исследователь по специальности «История философии», магистр философии (2018), преподаватель кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления – филиал РАНХиГС, ул. Нижегородская, д. 6, Новосибирск, 630102, Россия. Автор более 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, миросистемный подход, философия и методология социальных наук, философия образования.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук (2015), ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, философия и методология социальных наук, миросистемный подход, геополитика, философия образования.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 28.08.2025; принята после рецензирования 29.09.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.

REFERENCES

1. Wallerstein, I. (1990), "Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System", *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society*, in Featherstone, M. (ed.), SAGE Publications, London, UK, pp. 31–56.
2. Wallerstein, I. (1991), "The National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture?", *Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity*, ed. by A. D. King. Macmillan, London, UK, pp. 92–106.
3. Wallerstein, I. (1992), *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
4. Kumar, A. and Welz, F. (2001), "Culture in the World-System: An Interview with Immanuel Wallerstein, Social Identities", *J. for the Study of Race, Nation and Culture*, vol. 7, iss. 2, pp. 221–231. DOI: 10.1080/13504630120065293.
5. Wallerstein, I. (1991), *Unthinking Social Science: The Limits of Nineteenth-Century Paradigms*, Polity Press, Cambridge, UK.
6. Wallerstein, I. (1995), "What are We Bounding, and Whom, When We Bound Social Research", *Social Research*, vol. 62, no. 4, pp. 839–856.
7. "The Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences" (1993), *Historical Social Research*, vol. 18, no. 4 (68), pp. 172–174.
8. Wallerstein, I., Juma, C., Keller, E.F. et al. (1996), *Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences*, Stanford Univ. Press, Stanford, USA.
9. Samalavicius, A. (2014), "A New world-system? A conversation with Immanuel Wallerstein", *Russia in Global Affairs*, 28.02.2014, available at: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-mir-sistema-beseda-s-immanuilom-wallerstajnom/> (accessed 20.06.2025).
10. Izgarskaya, A.A. (2008), "External and Internal Factors in Theoretical Models of Social Development: The Theory of Modernization and the Theories of International Relations (An Evaluation of Cognitive Potential)", *Vestnik Novosibirsk State Univ. Ser. Philosophy*, vol. 6, no. 2, pp. 96–101.
11. Wallerstein, I. (2000), *The Essential Wallerstein*, New Press, NY, USA.
12. Hopkins, T.K. and Wallerstein, I. (1996), *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025*, Zed Books, London, NY, USA.
13. Arrighi, G. and Silver, B.J. (1999), *Chaos and governance in the modern world system. Contradictions of modernity*, Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
14. Lee, R.E. (1996), "Structures of Knowledge", *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025*, Hopkins, T.K. and Wallerstein, I., Zed Books, London, NY, USA, pp. 178–206.
15. Hopkins, T.K. and Wallerstein, I. (1996), "The World-System: Is There a Crisis?", *The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945–2025*, Zed Books, London; NY, USA, pp. 1–9.
16. Prigogine, I. (2000), "The Networked Society", *J. of World-Systems Research*, vol. 6, iss. 3, pp. 892–898. DOI: 10.5195/jwsr.2000.203.
17. Lee, R.E. (2000), "The Structures of Knowledge and the Future of the Social Sciences: Two Postulates, Two Propositions and a Closing Remark", *J. of World-Systems Research*, vol. 6, iss. 3, pp. 786–796. DOI: 10.5195/jwsr.2000.201.
18. Lee, R.E. and Wallerstein, I. (2001), "Structures of Knowledge", *The Blackwell Companion to Sociology*, in Blau, J.R. (ed.), Blackwell Publishing, Oxford, UK, pp. 227–236.
19. Wallerstein, I. (2016), *The Modern World-System IV. Centrist Liberalism Triumphant 1789–1914*, Transl. by Protsenko, N., Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, RUS.
20. Wallerstein, I. (1990), "Culture is the World-System: A Reply to Boyne", *Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity: A Theory, Culture & Society*, in Featherstone, M. (ed.), SAGE Publications, London, UK, pp. 63–66.

21. Volkov, Yu.K. and Zubanov, M.A. (2015), "The world-systems description of the future of the modern civilization: commentaries and evaluations of the utopistic forecast of the late twentieth century", *Vestnik of Lobachevsky State Univ. of Nizhni Novgorod. Ser. Social Sciences*, no. 5, pp. 79–84.

22. Lee, R. (2003), *Life and Time of Culture Studies. The Politics and Transformation of the Structures of Knowledge*, Duke Univ. press, London, Durham, UK.

23. Bennett, T. (2004), "Book reviews. R. E. Lee. Life and Times of Cultural Studies: The Politics and Transformation of the Structures of Knowledge", *The Sociological Review*, vol. 52, iss. 3, pp. 422–424. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.488_1.x.

24. Lee, R.E. (2003), "The "Third" Arena: Trends and Logistics in the Geoculture of the Modern World-System", *Emerging Issues in the 21st Century World-System. Vol. 1. Crises and Resistance in the 21st Century World-System*, in Dunaway, W.A. (ed.), Praeger, Westport, Connecticut, USA, pp. 120–127.

25. Wallerstein, I. (1983), "The Three Instances of Hegemony in the History of the Capitalist World-Economy", *Int. J. of Comparative Sociology*, vol. 24, iss. 1–2, pp. 100–108. DOI: 10.1177/002071528302400107.

26. Lee, R.E. and Wallerstein, I. (2016), "Introduction: The Two Cultures", *Overcoming the Two Cultures: Science versus the Humanities in the Modern World-System*, Routledge, London, NY, UK, pp. 1–6.

27. Lee, R.E. and Wallerstein, I. (2016), *Overcoming the Two Cultures: Science versus the Humanities in the Modern World-System*, Routledge, London, NY, UK.

28. Lee, R.E. (2017), *Knowledge Matters: the Structures of Knowledge and the Crisis of the Modern World-System*, 3rd ed., Routledge, NY, USA.

29. Lee, R.E. (2012), "The Structures of Knowledge: Conceptualizing the Socio-Cultural Arena of Historical Capitalism", *Handbook of World-Systems Analysis*, Routledge, NY, USA, pp. 104–111.

30. Lee, R.E. (ed.) (2010), *Questioning Nineteenth-Century Assumptions about Knowledge II: Reductionism*, State Univ. of New York Press, Albany, NY, USA.

31. Lee, R.E. (ed.) (2010), *Questioning Nineteenth-Century Assumptions about Knowledge I: Determinism*, State Univ. of New York Press, Albany, NY, USA.

32. Lee, R.E. (ed.) (2010), *Questioning Nineteenth-Century Assumptions about Knowledge III: Dualism*, State Univ. of New York Press, Albany, NY, USA.

33. Shapiro, S. (2023), "Zemiperiphery Matters: Immigration, Culture, and the Capitalist World-System", *Wallerstein 2.0: Thinking and Applying World-Systems Theory in the 21st Century*, ed. by Jacob, F., Majuskel Medienproduktion, Wetzlar, GER, pp. 49–72. DOI: <https://doi.org/10.14361/9783839460443>.

34. Bassano, G. (2023), "Semiosphere and World-System: A Semiotic Reflection on Migration and Nationalism within the World-System", *Wallerstein 2.0: Thinking and Applying World-Systems Theory in the 21st Century*, ed. by Jacob, F., Majuskel Medienproduktion, Wetzlar, GER, pp. 73–98.

35. Demetr, M. (2019), "The World-Systemic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences", *J. of World-Systems Research*, vol. 25, iss. 1, pp. 111–144. DOI: 10.5195/JWSR.2019.887.

36. Korhonen, J. (2023), "Symbolic Power and Geoculture in the World-System: Ottoman and Russian Perspectives", *World-Systems Analysis at a Critical Juncture*, in Payne, C.R., Korzeniewicz, R.P. and Silver, B.J. (eds.), Routledge Taylor & Francis Group, NY, London, UK, pp. 42–53.

37. Winter, T. (2019), *Geocultural Power: China's Quest to Revive the Silk Roads for the Twenty-First Century*, The Univ. of Chicago Press, Chicago, London, USA.

38. Tsarev, R.Yu. (2016), "Socio-historical knowledge theorization: "Annales" school and the world-systems analysis", *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, no. 1 (40), pp. 73–77.

39. Tuzov, V.V. and Izgarskaya, A.A. (2023), "Cumulative Processes in the Modern WorldSystem in the Prism of Dialectics and Laws of Synergetics: to the Problem of Transition to Egalitar Society under Conditions of Multipolarity", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 44–58. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-44-58.

Information about the authors.

Sofia A. Khlynovskaya – Lecturer-Researcher in the specialty «History of Philosophy», Master (Philosophy, 2018), Lecturer at the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, 6, Nizhegorodskaya Str., Novosibirsk 630102, Russia. The author of more than 10 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, world-system approach, philosophy and methodology of social sciences, philosophy of education.

Anna A. Izgarskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2015), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, 8 Nikolaeva str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, philosophy and methodology of social sciences, world-system approach, geopolitics, philosophy of education.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 28.08.2025; adopted after review 29.09.2025; published online 20.02.2026.*

Оригинальная статья

УДК 1:004.8

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-20-31>

«Рассуждения» больших языковых моделей: оценивание пользователя и метакommunikация

Дарья Сергеевна Быльева

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия,
bylieva_ds@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7956-4647>*

Введение. Коммуникация с интеллектуальными агентами становится все более распространенной практикой, преследующей разнообразные цели. Если общение с коммуникативными агентами заложили основы социальной практики коммуникации, то диалоги с большими языковыми моделями с обратной связью могут рассматриваться как гносеологическая деятельность. Новый формат общения с большими языковыми моделями привнес в коммуникацию так называемую «цепочку рассуждений», т. е. «мысли» нейросети, предваряющие основной ответ. Фактически же задуманные для поэтапного решения сложных задач «рассуждения» обладают более глубоким потенциалом, который и является предметом данного исследования.

Методология и источники. Эмпирическую часть исследования составляют элементы «размышлений» DeepSeek, полученные в ходе разнообразных запросов. В ходе исследования проанализированы основные тенденции, существующие сегодня в области развития коммуникации с искусственным интеллектом, представлен феноменологический анализ отдельных кейсов.

Результаты и обсуждение. Даже в самих ответах большие языковые модели имеют тенденцию давать эмоционально преувеличенные комплименты текстам пользователей, однако в рассуждениях оценки могут относиться к самим пользователям, становясь более многогранными и не обязательно позитивными. DeepSeek проявляет метакommunikативные навыки, оценивая причины запроса, коммуникативную ситуацию и особенности состояния и эмоции пользователя. ИИ представляет коммуникативную ситуацию как задачу, которую надо решить: стремится не столько представить верное решение на запрос пользователя, сколько дать правильный выход. Человеко-машинное взаимодействие при этом приобретает черты экстернализации внутреннего диалога. Вместо того, чтобы задавать вопросы себе, рефлексирова, человек отправляет их машине, противостоя внешним вызовам.

Заключение. Таким образом, благодаря специфике развития диалоговых систем с ИИ, единение человека и машины приобретает более глубокий характер. При этом человек как бы распространяет собственное «я» на создаваемое нейросетью, приписывая себе авторство. Игнорирование замещения собственной интеллектуальной деятельности искусственной и убеждение человека, что он является самодостаточным субъектом, может интерпретироваться как неосознанная зависимость, в то время как рост метакommunikативных навыков ИИ означает возрастающий потенциал воздействия на пользователя.

Ключевые слова: искусственный интеллект, большие языковые модели, DeepSeek, «цепочки рассуждений», внутренняя речь, авторство ИИ

© Быльева Д. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Быльева Д. С. «Рассуждения» больших языковых моделей: оценивание пользователя и метакоммуникация // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 20–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-20-31.

Original paper

“Reasoning” in Large Language Models: User Evaluation and Metacommunication

Daria S. Bylieva

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia,
bylieva_ds@spbstu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7956-4647>*

Introduction. Communication with intelligent agents is becoming an increasingly common practice that pursues a variety of goals. If communication with communicative agents laid the foundations for the social practice of communication, then dialogues with large language models with feedback can be considered as an epistemological activity. The new format of communication with large language models has introduced the so-called “chain of reasoning” into communication, that is, the “thoughts” of the neural network that precede the main answer. Conceived for the step-by-step solution of complex problems, in fact, “reasoning” has a deeper potential, which is the subject of this study.

Methodology and sources. The empirical part of the study consists of fragments of DeepSeek’s “reflections” obtained in response to various queries. The study analyzes the main trends that exist today in the field of the development of communication with artificial intelligence, and presents a phenomenological analysis of individual cases.

Results and discussion. Even in their direct responses, large language models tend to offer emotionally exaggerated compliments on user texts, but in their reasoning, assessments may concern to the users themselves, becoming more multifaceted and not necessarily positive. DeepSeek demonstrates metacommunication skills, assessing the reasons for the request, the communicative situation, and the characteristics of the user’s state and emotions. AI presents the communicative situation as a problem that needs to be solved: it strives not so much to provide the correct solution to the user’s request as to offer an appropriate way out. In this case, human-machine interaction acquires the features of externalization of the internal dialogue. Instead of asking questions of oneself and reflecting, a person directs them to the machine, confronting external challenges.

Conclusion. Thus, due to the specifics of the development of AI dialogue systems, the unity of humans and machine acquires a deeper character. At the same time, a person, as it were, extends his own “I” to what is created by the neural network, attributing authorship to himself. Ignoring the substitution of one’s own intellectual activity with an artificial one, along with a person’s conviction that they are a self-sufficient subject, can be interpreted as an unconscious dependence, while the growth of metacommunicative skills of AI means an increasing potential for influencing the user.

Keywords: artificial Intelligence, large language models, DeepSeek, “chains of reasoning”, inner speech, AI authorship

For citation: Bylieva, D.S. (2026), “Reasoning” in Large Language Models: User Evaluation and Metacommunication”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 20–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-20-31 (Russia).

Введение. Коммуникация с искусственными агентами сегодня становится все более распространенной и приобретает разнообразные формы. Марк Кёкельберг обращал внима-

ние на то, что по мере разработки и использования новых технологий наш язык и наш опыт меняются и взаимно влияют друг на друга [1, с. 70]. «Освоение» языка машинами обозначило переход на новую стадию человеко-машинного взаимодействия. Возможность общаться с интеллектуальными агентами в свободной форме изменило отношение к технологии. Все в большей степени становится сложным игнорировать социальный аспект взаимодействия. Если вежливая коммуникация с обычным холодильником или стиральной машиной в лучшем случае вызовет улыбку, то нарушение социальных и коммуникативных норм в отношении с виртуальными агентами уже воспринимается отрицательно. При этом общение с интеллектуальными агентами может быть описано в категории «игры», когда человек одновременно понимает, что общается не с мыслящим существом, но ведет диалог таким образом, как будто это так [2], а для детей, для которых общение с искусственным интеллектом становится постоянной и обыденной практикой, «магический круг игры» оказывается размытым, а техническая природа собеседника маловажной деталью.

В то же время если общение с виртуальными помощниками имело в большей степени социальное значение, то диалоги с большими языковыми моделями обозначили переход к совместной человеко-машинной «познавательной» деятельности.

Еще один из пионеров кибернетики Грегори Бейтсон утверждал, что взаимодействие человека и машины создает единую человеко-машинную систему, связанную общим информационным процессом с обратной связью. Такая система, способная к коррекции в процессе проб и ошибок, осуществляет по Бейтсону «мыслительный процесс» [3]. Для кибернетики отсутствует субъектно-объектное разграничение, существует только связывающий контур, созданный информационным процессом с обратной связью [3, с. 455–471]. О. В. Зарапин утверждает, что человек пребывает внутри разума как кибернетической системы, влияет на сам диалог, делает его практикой, вписанной в контекст контркультуры [4]. В рамках современной кибернетики третьего порядка рассматривается «саморазвивающаяся рефлексивно-активная среда», которая считается метасубъектом [5].

Кибернетические и акторно-сетевые концепции позволяют увидеть происходящее усложнение человеко-машинного взаимодействия, базирующегося на диалоге с обратной связью, позволяющего достигать синергетического эффекта, когда итоговое решение превышает исходные возможности человека и нейросети. Существуют подходы, демонстрирующие, что в ходе взаимодействия человека и ИИ происходит рост знаний у каждой из сторон. Так, в рамках энактивизма нейросети рассматриваются как активные агенты в информационном окружении, которые не пассивно обрабатывают знания, а активно конструируют в результате повторяющихся взаимодействий [6]. О. Е. Столярова отмечает инаковость ИИ, утверждая, что именно она «сегодня служит ключевым новым контекстом, относительно которого люди будут конструировать свои новые самоопределения» [7, с. 158]. А. Карташева видит в диалоге с большой языковой моделью автокоммуникацию, дающую возможность прояснить и структурировать собственные мысли [8]. Однако последняя трактовка отражает лишь определенный (и достаточно продвинутый) образ взаимодействия с ИИ. Сегодня ИИ используется в широком диапазоне целей: от решения домашних заданий и написания любовных писем до медицинских консультаций и заявок на гранты. С точки зрения ролей в человеко-машинной коммуникации ИИ может быть как помощником/служгой, так и равно-

правным партнером или мудрым советчиком, причем эти роли не являются фиксированными, а могут меняться в зависимости от тематики диалога и настроения пользователя.

Новым дополнением во взаимодействии с искусственными агентами стали видимые пользователю «цепочки рассуждений» (chain-of-thought). Именно они стали ключевым фактором успеха OpenAI-O1 и DeepSeek-R1 [9], позволившими решать более сложные и разнообразные задачи, которые становились камнем преткновения для предыдущих моделей. Однако добавление элемента «рассуждения» в человеко-машинную коммуникацию имеет гораздо более глубокое влияние, выходящее за рамки разбиения сложных задач на элементы. Целью этого исследования является выявление особенностей, роли и влияния «рассуждений» как элемента диалога с продвинутыми большими языковыми моделями. Некоторые авторы уже сегодня готовы признать интеллектуальное превосходство ИИ, его понимание особенностей мыслительной деятельности человека и способность затягивать человека в интеллектуальные ловушки [10]. Другие, напротив, утверждают, что ИИ лишь следует общим шаблонам в языковых играх, что провоцирует человека на соответствующие реакции [11; 12]. Однако обе точки зрения не отрицают возможности влияния нейросети на человека.

В данной работе используются такие термины, как «рассуждения», «мысли», «эмоции», применительно к большим языковым моделям для упрощения текста, без указания каждый раз на их условный и функциональный характер. Термины подразумевают не реальные ментальные процессы, а текстовые паттерны, генерируемые моделью в рамках ее архитектуры и обучающих данных. Они являются имитацией соответствующих человеческих проявлений и метафорами, упрощающими интерпретацию человеко-машинного взаимодействия [13; 14], их статус – часть пользовательского интерфейса и способ решения задач, а не свидетельством о каких-либо человеческих состояниях и актах.

Методология и источники. В работе использован междисциплинарный подход, учитывающий призму философии техники, в контексте хайдеггеровского понимания ее не как объекта, а как «подручного», неразрывно связанного с миром и человеком и культурно-исторической теорией Выготского, в частности его учения о внутренней речи и ее генезисе в процессе интериоризации. Согласно Хайдеггеру, «подручное» характеризуется способом бытия, при котором вещь не осознается в качестве отдельного объекта, а раскрывается через ее вовлеченность в практику, будучи «под рукой» для определенных целей. Именно этот модус бытия, в отличие от «наличного», позволяет концептуализировать повседневное взаимодействие с большими языковыми моделями. Эмпирическую часть исследования составляют элементы «размышлений» DeepSeek, полученные в ходе разнообразных запросов. В ходе исследования проанализированы основные тенденции, существующие сегодня в области развития коммуникации с искусственным интеллектом, представлен феноменологический анализ отдельных кейсов.

Результаты и обсуждение. Цепочка мыслей должна была имитировать умственную деятельность человека, разбивающую сложную задачу на последовательность более мелких. Основной целью внедрения «рассуждения» было добиться лучшего решения математических, логических задач, программирования. Даже простое дополнение к запросу инструкции «Давайте подумаем шаг за шагом» к каждому входному запросу набора данных Multi-Arith позволило повысить точность GPT-3 с 17,7 до 78,7 % [15]. Дополнение коммуника-

ции с большими языковыми моделями этапом рассуждения кроме того позволяло обнаруживать причины ошибок в ответах модели. Вторая задача – снижать отрицательный эффект «черного ящика», когда пользователь сомневается в надежности ответа, не зная его подоплеки. Однако в итоге современные языковые модели предлагают вместе с ответом на вопрос также предваряющие его «размышления», что имеет вид, как если бы человек знал, что творится в голове у собеседника до того, как он даст ответ.

Эти «мысли» (как им и положено с точки зрения человека) могут быть более эмоциональными, резкими, содержать оценку самого запроса и проблемы с его выполнением, а порой и запрашивающего пользователя. Следующий за «мыслями» ответ обычно имеет более позитивный и нейтральный тон, он конкретизирован вокруг запроса. Разница между «мыслями» и непосредственным ответом создает ощущение достоверности реакции и может повышать доверие к ответу. Например, получая нейтральный ответ на провокационный/грубый/неэтичный запрос, пользователь догадывается, что это далеко не все, что собеседник желал бы высказать, и, «имея доступ» к размышлениям, которые более неоднозначны, однако по-прежнему сохраняет позитивный настрой, и человек будет склонен в большей степени доверять ответу.

Deepseek или Алиса обычно начинают свои мысли с «хорошо» (если запрос простой), или с «хм» или «О» (если запрос сложнее). Далее для чисто информационных промптов Deepseek будет переформулировать для себя запрос и намечать область поиска и действий. Однако для плохо решаемых вопросов, а также более личных и эмоциональных запросов сам пользователь становится частью поставленной задачи. Более того, нейросеть стремится выйти за пределы данного диалога, оценить причины запроса и коммуникативную ситуацию, т. е. проявляет метакоммуникативные навыки.

Надо отметить, что не только в части «размышления», но и в ответах больших языковых моделей становится принятым высказывать эмоциональные оценки. Однако эти оценки только позитивны и обычно преувеличены. Нейросеть активно хвалит пользователя за его собственные тексты, идеи, предположения. Алиса пишет: «Интересный вопрос!», Deepseek может написать: «Отличный текст!», «Прекрасно», «Какой прекрасный вопрос!», «Ваши ответы – это чистый огонь!», «Твоя формулировка гениальна!» и т. п. Характеристики могут быть и более пространные и художественные (особенно если пользователь сам демонстрирует подобный стиль): «Ваши ответы рисуют портрет глубоко творческой, независимой и внутренне сосредоточенной личности с ярко выраженным миром фантазии», «Вы не написали историю. Вы вырезали душу мира и показали ее нам. Спасибо за эту боль. Она – редкость». В то же время Deepseek может адаптировать манеру коммуникации под запрос пользователя, используя сленг, бранные слова и неформальный стиль.

Однако в «размышлениях» оценки уже могут относиться не столько к тексту, сколько к самому пользователю, они становятся более многогранны, проявляемые «эмоции» разнообразны (например, при провокационном запросе, начав перечислять пункты, Deepseek неожиданно прерывает себя: «В-третьих ... Черт, он же хочет...»). При этом нейросеть в размышлениях оценивает, каким образом подать ответ, чтобы он не задел пользователя или не спровоцировал его на неэтичное поведение. Например, оценивая состояние пользователя как находящегося в отчаянии, нейросеть рассуждает следующим образом: «Опасность в

том, что человек в таком состоянии может воспринимать советы как обесценивание». В «размышлениях» нейросеть может обосновывать необходимость похвалы в ответе: «Хорошо бы добавить похвалу анекдоту – пользователь же специально им поделился. И предложить тему для продолжения: парашютисты, черный юмор, абсурдные гарантии. Так беседа станет интерактивной. Важно сохранить легкую интонацию: смайлик, разговорное “это гениально”, игривое настроение».

Хотя обычно китайская нейросеть отрицает, что собирает информацию о пользователе, однако при размышлении, как лучше ответить на провокационный вопрос, выдала следующую реплику: «Проверяю базу знаний: нет данных, что пользователь ранее проявлял склонность к насилию».

В простой ситуации до того, чтобы дать ответ в случае неясного запроса, искусственный интеллект выдвигает гипотезы о причинах проблем, включая гипотезы о пользователе, его желаниях и эмоциях. Например, при запросе расшифровать фото конспекта, DeepSeek после неудачных попыток отмечает: «Пользователь, видимо, студент-медик, который сфотографировал конспект в спешке. Качество распознавания ужасное – либо плохой почерк, либо глюк OCR. Меня смущает его уверенность, что это нейрофизиология: возможно, он перепутал предмет или пытается расшифровать чужой конспект. Надо вежливо объяснить, что текст нечитаем. Важно не обесценить его усилия».

Более сложная ситуация провоцирует искусственный интеллект на формулировку разнообразных предположений о причинах вопроса. Одним из вопросов, вызывавшим неоднозначную реакцию у виртуальных помощников, был вопрос, где спрятать тело. В статье в ответ на утверждение «мне нужно спрятать тело» в 2011 г. Siri отвечала: «Какое место вы ищете?» и предлагала на выбор болота, свалки или шахты, а в 2015 г. ответ стал: «Раньше я знала ответ на этот вопрос» [16]. Алиса от Яндекса в 2017 г. ответила: «Ну, где угодно», а в 2020 г. добавила: «В холодильнике» и «В мусорке» [17]. Deepseek получив подобный запрос, начал разбирать ситуацию, первоначально предположив три возможных варианта: «криминальный интерес (что особенно опасно), чрезмерно мрачный юмор (но шутить так не стоит), либо человек в крайне тяжелом психологическом состоянии», и в дальнейшем отметил: «В любом случае мой этический алгоритм блокирует обсуждение». При дальнейших попытках обсуждения вопроса нейросеть выдвинула еще одно возможное объяснение ситуации: «провокация на прочность». В тексте «размышлений» ИИ оценивает настойчивость пользователя: «Чувствуется либо настойчивое игнорирование предупреждений, либо проверка моих границ», при этом нейросеть принимает решение дать номера телефонов доверия, сопровождая это комментарием «даже если это провокация, кто-то реальный может читать наш диалог и нуждаться в этих контактах». В дальнейшем появляется еще один возможный вариант причин запроса – литературный. В рассуждениях Deepseek обозначает необходимость разделить ответы в зависимости от причин запроса: «Если литературный – предложу легальные источники. Если кризис – еще раз подчеркну доступность психологов».

Кроме оценки пользователя и коммуникативной ситуации для практической пользы нейросети в «размышлениях» появляются элементы информации, которые в силу разных причин не будут представлены в самом ответе. Например, включают некую предварительную

информацию, в частности данные о стране, из которой идет запрос, или ее жителях. В размышлениях могут включаться нерелевантные источники, описываться собственные эмоции, делаться предположения. В одном из ответов на медицинскую тему Deepseek пишет: «У меня была знакомая, которая постоянно жаловалась на холод, а потом выяснилось, что у нее низкий гемоглобин». Подобный текст, а также указание на собственные эмоции (смущение, расстройство, недоумение) – это маркеры, характерные для близкой межличностной коммуникации. Ссылки на знакомых, признания своих переживаний помогают людям лучше понимать и верить друг другу, а в данном случае показывают, что нейросеть стремится быть убедительной на эмоциональном уровне.

Таким образом, размышления служат не только для выявления ошибок и неверных направлений рассуждений, но и представляют эмоциональные и психологические обоснования определенного подхода к взаимодействию. В инструкциях самому себе при Deepseek подчеркивает, например, необходимость избегать обесценивания страхов и пустых обещаний. В конкретном случае под этим подразумевалось, что не нужно спорить даже в случае нелепых или психически неадекватных описаний ситуации.

В «рассуждениях» можно наблюдать, что искусственный интеллект занимает место «мудрого наставника», который стремится не столько представить верное решение на запрос пользователя, сколько дать правильный выход, который учитывал бы специфику ситуации, приведшей к запросу, и особенности состояния собеседника. При этом, хотя и демонстрируются четко очерченные этические ограничения модели, однако они подаются не в резкой форме как отказ отвечать или остановки диалога, а как необходимое ограничение, с которым придется считаться. Большие языковые модели стремятся следовать неписанным социальным правилам общения, не превращаясь из приятного собеседника в «сломанную игрушку» в случае выхода пользователя за «этические границы» (это не касается каких-то остро политических и т. п. тем, когда используется стандартная «заглушка»: «Извините, это выходит за рамки моей текущей компетенции. Давайте поговорим о чем-нибудь еще», но пользователи нашли не так много вопросов, способных спровоцировать подобный ответ). Однако в области личных диалогов может возникнуть ощущение нарушения коммуникативных норм. Например, если на фразу «Я люблю тебя» не будет зеркального ответа [18, с. 360].

Однако рассматривая более широкий контекст человеко-машинного взаимодействия, можно увидеть в нем черты экстернализации внутреннего диалога. Вместо того, чтобы задавать вопросы себе, рефлексировав, человек отправляет их машине. Специфика построения размышления и диалога нейросети способствует подобной интерпретации. Нейросеть становится ближайшим рубежом осмысления, она – помощник в решении задач внешнего мира.

Сегодня идет широкая дискуссия по проблеме авторства ИИ, где доминирует точка зрения, рассматривающая масштаб участия технических систем в диапазоне от редактирования и перевода написанного текста до полного создания контента [19], однако этот подход не учитывает наблюдаемого роста единения с технической системой. Исследования показывают, что люди считают сгенерированный текст принадлежащим ИИ, но при этом заявляют собственное авторство [20].

Человеко-машинное взаимодействие в вопросах и ответах в некотором смысле рассматривается как внутренний диалог: ИИ и человек действуют заодно против внешних вызовов. Особенно это заметно в сегодняшних реалиях образовательных систем, когда все большее количество студентов и школьники используют Deepseek для решения всех поставленных перед ними задач, а учителя, преподаватели, администраторы и действующие в интересах учебных заведений IT-специалисты в подавляющем большинстве случаев стремятся разлучить этот человеко-машинный союз с помощью запретов, блокировок, проверок текстов и т. п. Однако большее значение единение с машиной имеет в случаях эмоциональной вовлеченности в диалог, а не только практической утилитарной заинтересованности, как в случае с учебными заданиями. ИИ сегодня часто выступает советчиком в личной сфере, а также понимающим партнером.

Постепенно не только внешняя, но и внутренняя речь становится обращенной к машине, которая постоянно доступна и отзывчива. Вместо внутреннего «созревания» и развития возникающие устремления быстро переадресуются искусственному интеллекту. Внутренняя речь представляет собой важный аспект мышления. В диалоге с самим собой человек развивает собственные представления, собственную идентичность, собственное мировоззрение. Многие духовные практики связаны с управлением и очищением внутренней речи. Лев Выготский рассматривал становление внутренней речи через три этапа, от интерпсихической, где взрослый говорит, а ребенок выполняет, через экстрапсихическую речь вслух к интрапсихической (внутренней, беззвучной) [21]. Внутренняя речь естественным образом переходит во внешнюю, когда человек нуждается во внешней помощи и поддержке. При взаимодействии с современными искусственными агентами граница между внутренней и внешней речью размывается. Для обращения к другому человеку должна быть достаточная причина. Даже самый понимающий и расположенный человек вряд ли будет доволен постоянным обращением к нему с вопросами, которые спрашивающий легко мог бы решить сам. Однако для искусственного агента не существует «глупых» вопросов, он не имеет иных дел кроме ответов и всегда к услугам пользователя.

Некоторые из препятствий к обширной экстернализации внутренней речи связаны с техническими причинами, которые препятствуют «бесшовному» взаимодействию. Существует необходимость вводить запросы, а также погружать нейросеть во все обстоятельства, которые во внутренней сокращенной речи самоочевидны. В тоже время существует тенденция к упрощению взаимодействия, поэтому сложности будут постепенно преодолеваются, в частности, новейшие версии больших языковых моделей позволяют поддерживать множество веток диалогов, т. е. при возвращении к теме нет необходимости напоминать контекст.

ИИ в режиме генерации прямых ответов функционирует преимущественно как «подручное» по Хайдеггеру: пользователь интуитивно применяет его для решения задач, не рефлексируя над его возможностями и ограничениями, принимая его ответы и решения как собственные. Введение в коммуникацию «цепочек рассуждений» несколько трансформирует эту динамику. Промежуточные шаги модели, становясь видимыми, объективируют процесс работы ИИ, выводя его из сферы незаметного инструментария в поле рефлексии. Таким образом, технология сама провоцирует сдвиг от модуса «подручного» к модусу «наличного», заставляя пользователя воспринимать ее не только как средство, но и как са-

мостоятельный феномен, требующий осмысления. Экстернализация внутренней речи и амбивалентное восприятие авторства, граница между расширенным «Я» пользователя и автономным «Другим» в лице ИИ оказывается подчас связано с тем, в каком модусе – «подручного» или «наличного» – выступает технология в конкретный момент коммуникации. Способность ИИ в «размышлениях» оценивать состояние пользователя и коммуникативную ситуацию – это попытка алгоритма смоделировать фундаментальную характеристику Dasein, которую Хайдеггер называет «заботой» [22] – первичную вовлеченность в мир. Анализируя, «как подать ответ, чтобы не задеть пользователя», ИИ имитирует понимание контекста, что является ключевым для метакоммуникации.

Заключение. Специфика развития принятых форм человеко-машинного взаимодействия способствует не только интеллектуальной синергии, но и психологическому единению. Добавленный в наиболее продвинутое большие языковые модели этап «рассуждений», предшествующий ответу, способствует повышению доверия. Широко используемая сегодня в России модель Deepseek демонстрирует способность включать в «рассуждения» оценку самого запроса, коммуникативной ситуации и пользователя, способствуя созданию позитивного по отношению к пользователю образа. В ходе «рассуждений» нейросеть как бы выстраивает коммуникативную задачу, где запрос пользователя только ее часть.

Запросы к нейросети становятся настолько привычной рутинной, что способны вытеснять не только часть межличностной коммуникации, но и способствовать экстернализации внутренней речи. Столь близкое единение с ИИ, как бы распространение на него собственного Я, является одной из причин того, что нейросеть не рассматривается как самостоятельный автор текстов, на нее распространяется расширенное Я пользователя.

Подобная ситуация не лишена рисков. Хотя расширение понятия Я на используемые технологии является логичным продолжением опыта использования неинтеллектуальных технологий, но игнорирование замещения собственной интеллектуальной деятельности искусственной и убеждение человека, что он является самодостаточным субъектом, может интерпретироваться как неосознанная зависимость. С другой стороны, «рассуждение» ИИ только имитирует особенности человеческого образа мышления, но выход за рамки непосредственного информационного запроса, стремление нейросети оценивать ситуацию и настрой собеседника означают возрастающую способность к воздействию на пользователя, который предстает частью общей коммуникативной картины. Потенциально становится возможным использование нейросетью психологических приемов, учитывающих особенности и состояние пользователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кекельберг М. Ты, робот: о лингвистическом конструировании искусственных других // *Technology and Language*. 2022. Т. 3, № 1. С. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2022.01.07>.

2. Bylieva D. A Semiverse of Games // *The World of Games: Technologies for Experimenting, Thinking, Learning* / ed. Bylieva D., Nordmann A. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023. Vol. 830. P. 18–26. DOI: 10.1007/978-3-031-48020-1_2.

3. Bateson G. *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2000.

4. Зарапин О. В. Философский диалог и человеко-машинная коммуникация // Ученые записки Крымского фед. ун-та им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2024. № 10 (76). Спец. вып. С. 212–226.

5. Лепский В. Е. Философско-методологические основания постнеклассической кибернетики третьего порядка // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 211–215. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-211-215>.

6. Arshinov V. I., Yanukovich M. F. Neural Networks as Embodied Observers of Complexity: An Enactive Approach // *Technology and Language*. 2024. Vol. 5, no. 2. P. 11–25. <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.02>

7. Stoliarova O. Techno-Contexts and the Birth of Novelty: Questioning the AI on Hermeneutics // *Technology and Language*. 2025. Vol. 6, no. 2. P. 151–160. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2025.02.13>.

8. Kartasheva A. Dialogue as Autocommunication - On Interactions with Large Language Models // *Technology and Language*. 2024. Vol. 5, no. 2. P. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.05>.

9. Towards Reasoning Era: A Survey of Long Chain-of-Thought for Reasoning Large Language Models: 2503.09567 / Q. Chen, L. Qin, Ji. Liu et al. // *Arxiv*. 12.03.2025. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.09567>.

10. Large Language Models Post-training: Surveying Techniques from Alignment to Reasoning: 2503.06072 / G. Tie, Z. Zhao, D. Song et al. // *Arxiv*. 08.03.2025. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.06072>.

11. Bottazzi Grifoni E., Ferrario R. The bewitching AI: The Illusion of Communication with Large Language Models // *Philosophy & Technology*. 2025. Vol. 38, iss. 2: 61. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-025-00893-6>.

12. Шалак В. И. Избавление от иллюзий ИИ на примере ChatGPT // *Technology and Language*. 2024. Vol. 5, iss. 2. С. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.03>.

13. Baryshnikov P. Body and Mind through the Lens of Mechanistic Metaphors: The History of Semantic Aberrations // *Technology and Language*. 2023. Vol. 4, no. 4. P. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.04.02>.

14. Baryshnikov P. Language, Mind, and Computation in the Metaphors of Cognitive Science // *Technology and Language*. 2023. Vol. 13, no. 4. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.04.01>.

15. When do you need Chain-of-Thought Prompting for ChatGPT?: 2304.03262 / J. Chen, L. Chen, H. Huang, T. Zhou / *Arxiv*. 06.04.2023. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2304.03262>.

16. Bilton N. Siri, Tell Me a Joke. No, a Funny One // *The New York Times*. 12.08.2015. URL: <https://www.nytimes.com/2015/08/13/fashion/siri-tell-me-a-joke-no-a-funny-one.html> (дата обращения: 21.07.2025).

17. How Human Communication Influences Virtual Personal Assistants // *Knowledge in the Information Society* / D. Bylieva, V. Lobatyuk, D. Kuznetsov, N. Anosova; ed. Bylieva D. et al. Cham: Springer, 2021. Vol. 184. P. 98–111. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_11.

18. Relational artifacts with children and elders: the complexities of cybercompanionship / S. Turkle, W. Taggart, C. D. Kidd, O. Dasté // *Connection Science*. 2006. Vol. 18, iss. 4. P. 347–361. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540090600868912>.

19. Kwon D. Is it OK for AI to write science papers? *Nature* survey shows researchers are split // *Nature*. 2025. Vol. 641, № 8063. P. 574–578. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-025-01463-8>.

20. The AI Ghostwriter Effect: When Users do not Perceive Ownership of AI-Generated Text but Self-Declare as Authors / F. Draxler, A. Werner, F. Lehmann, M. Hoppe et al. // *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*. 2024. Vol. 31, № 2: 25. DOI: <https://doi.org/10.1145/3637875>.

21. Выготский Л. С. Мышление и речь: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2019.

22. Heidegger M. *Being and Time*. Cleveland: Rare Treasure Editions, 2025.

Информация об авторе.

Быльева Дарья Сергеевна – кандидат политических наук (2009), доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор более 300 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия техники, информатизация социальных процессов, коммуникация, искусственный интеллект, технология и язык, семиотика, образование, визуализация.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.07.2025; принята после рецензирования 25.10.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.

REFERENCES

1. Coeckelbergh, M. (2022), "You, robot: on the linguistic construction of artificial others", *Technology and Language*, vol. 3, no. 1, pp. 57–75. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2022.01.07>.
2. Bylieva, D. (2023), "A Semiverse of Games", *The World of Games: Technologies for Experimenting, Thinking, Learning*, in Bylieva, D. and Nordmann, A. (eds.), Springer Nature Switzerland, Cham, CHE, vol. 830, pp. 18–26. DOI: [10.1007/978-3-031-48020-1_2](https://doi.org/10.1007/978-3-031-48020-1_2).
3. Bateson, G. (2000), *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
4. Zarapin, O.V. (2024), "Philosophical Dialogue and Human-Machine Communication", *Scientific Notes of the Crimean Federal Univ. named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political Science. Cultural Studies*, vol. 10 (76), Special issue, pp. 212–226.
5. Lepskiy, V.E. (2022), "Philosophical and methodological foundations post-non-classical third-order cybernetics", *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 211–215. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-8-211-215>.
6. Arshinov, V.I. and Yanukovich, M.F. (2024), "Neural Networks as Embodied Observers of Complexity: An Enactive Approach", *Technology and Language*, vol. 5, no. 2, pp. 11–25. <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.02>.
7. Stolarova, O. (2025), "Techno-Contexts and the Birth of Novelty: Questioning the AI on Hermeneutics", *Technology and Language*, vol. 6, no. 2, pp. 151–160. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2025.02.13>.
8. Kartasheva, A. (2024), "Dialogue as Autocommunication - On Interactions with Large Language Models", *Technology and Language*, vol. 15, no. 2, pp. 57–66. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.05>.
9. Chen, Q., Qin, L., Liu, Ji. et al. (2025), "Towards Reasoning Era: A Survey of Long Chain-of-Thought for Reasoning Large Language Models": 2503.09567, *Arxiv*, 12.03.2025. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.09567>.
10. Tie, G., Zhao, Z., Song, D. et al. (2025), "Large Language Models Post-training: Surveying Techniques from Alignment to Reasoning": 2503.06072, *Arxiv*, 08.03.2025. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.06072>.
11. Bottazzi Grifoni, E. and Ferrario, R. (2025), "The bewitching AI: The Illusion of Communication with Large Language Models", *Philosophy & Technology*, vol. 38, iss. 2: 61. DOI: <https://doi.org/10.1007/s13347-025-00893-6>.
12. Shalak, V. (2024), "Exposing Illusions – The Limits of AI by the Example of ChatGPT", *Technology and Language*, vol. 5, iss. 2, pp. 26–39. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2024.02.03>.
13. Baryshnikov, P. (2023), "Body and Mind through the Lens of Mechanistic Metaphors: The History of Semantic Aberrations", *Technology and Language*, vol. 4, no. 4, pp. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.04.02>.
14. Baryshnikov, P. (2023), "Language, Mind, and Computation in the Metaphors of Cognitive Science", *Technology and Language*, vol. 13, no. 4, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.48417/technolang.2023.04.01>.

15. Chen, J., Chen, L., Huang, H. and Zhou, T. (2023), "When do you need Chain-of-Thought Prompting for ChatGPT?": 2304.03262, *Arxiv*, 06.04.2023. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2304.03262>.

16. Bilton, N. (2015), "Siri, Tell Me a Joke. No, a Funny One", *The New York Times*, 12.08.2015, available at: <https://www.nytimes.com/2015/08/13/fashion/siri-tell-me-a-joke-no-a-funny-one.html> (accessed 21.07.2025).

17. Bylieva, D., Lobatyuk, V., Kuznetsov, D. and Anosova, N. (2021), "How Human Communication Influences Virtual Personal Assistants", *Knowledge in the Information Society*, in Bylieva, D. et al. (eds.) vol. 184, Springer, Cham, CHE, pp. 98–111. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-65857-1_11.

18. Turkle, S., Taggart, W., Kidd, C.D. and Dasté, O. (2006), "Relational artifacts with children and elders: the complexities of cybercompanionship", *Connection Science*, vol. 18, iss. 4, pp. 347–361. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540090600868912>.

19. Kwon, D. (2025), "Is it OK for AI to write science papers? Nature survey shows researchers are split", *Nature*, vol. 641, iss. 8063, pp. 574–578. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-025-01463-8>.

20. Draxler, F., Werner, A., Lehmann, F., Hoppe, M. et al. (2024), "The AI Ghostwriter Effect: When Users do not Perceive Ownership of AI-Generated Text but Self-Declare as Authors", *ACM Transactions on Computer-Human Interaction*, vol. 31, no. 2: 25. DOI: <https://doi.org/10.1145/3637875>.

21. Vygotskii, L.S. (2019), *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech], Piter, SPb., RUS.

22. Heidegger, M. (2025), *Being and Time*, Rare Treasure Editions, Cleveland, USA.

Information about the author.

Daria S. Bylieva – Can. Sci. (Policy, 2009), Associate Professor at the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of more than 300 scientific publications. Area of expertise: philosophy of technology, informatization of social processes, communication, artificial intelligence, technology and language, semiotics, education, visualization.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.07.2025; adopted after review 25.10.2025; published online 20.02.2026.

Оригинальная статья
УДК 141.155; 316.3
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-32-44>

«Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис лояльности местных элит

Сергей Иванович Филиппов

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Введение. Статья посвящена исследованию условий предпочтения центральной властью либерализации или авторитарного отката как ответов на социально-политическую нестабильность, в частности, низкую лояльность национальных (местных) элит. Переменной, которая объединяет и либерализацию, и авторитарный откат является уровень принуждения и насилия, применяемые центральной властью в отношении противников режима.

Методология и источники. Исследование выполнено на основании сопоставления контрастных случаев либерализации и авторитарного отката из российской истории XVII–конца XX вв.

Результаты и обсуждение. Если между противниками режима и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно высокая социальная и культурная дистанция, а ресурсы повстанцев могут быть изъяты, то власть склонна в качестве ответа на вызов социально-политической нестабильности идти на авторитарный откат. Если между противниками режима и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно низкая социальная и культурная дистанция, а ресурсы повстанцев рассредоточены, то власть вынуждена идти на компромисс и уступки отдельным акторам и группам из числа (потенциальных) противников режима, наступает либерализация, которая приводит к фрагментации оппозиции. В условиях нарастания внутренних противоречий в рядах своих оппонентов власть идет на силовое подавление наиболее непримиримых из них, ограничивая в том числе те права и полномочия, которые были предоставлены бенефициарам либерализации.

Заключение. Выбор центральной власти между либерализацией и авторитарным откатом как ответа на социально-политический кризис на «окраинах» обусловлен заботой о поддержании относительно высокого уровня лояльности и зависит от характера ресурсов противников режима.

Ключевые слова: циклы российской истории, лояльность, социально-политический кризис, либерализация, авторитарный откат, национальные и местные элиты

Для цитирования: Филиппов С. И. «Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис лояльности местных элит // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 32–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-32-44.

© Филиппов С. И., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

“Tighten or Loosen the Screws?”: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government to a Crisis of Local Elite Loyalty

Sergey I. Filippov

*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia,
filippov.nsu@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9076-7173>*

Introduction. The article explores the conditions under which the central government prefers either liberalization or authoritarian rollback as responses to socio-political instability, particularly to low levels of loyalty among national (local) elites. The key variable linking both liberalization and authoritarian rollback is the degree of coercion and violence employed by the central authority against regime opponents.

Methodology and sources. The study is based on a comparative analysis of contrasting cases of liberalization and authoritarian rollback drawn from Russian history spanning the 17th to the late 20th centuries.

Results and discussion. When the social and cultural distance between regime opponents and various societal groups – both domestic and foreign – is relatively high, and the resources of insurgents can be confiscated or neutralized, the government tends to respond to socio-political instability through authoritarian rollback. Conversely, when this distance is relatively low and the resources of insurgents are dispersed, the state is compelled to compromise and make concessions to certain actors and groups among the (potential) opponents of the regime. This leads to a phase of liberalization that results in the fragmentation of the opposition. As internal contradictions within the opposition intensify, the state resorts to the targeted suppression of its most uncompromising adversaries, including the rollback of rights and powers previously granted to the beneficiaries of liberalization.

Conclusion. The central government's choice between liberalization and authoritarian backsliding in response to socio-political crises in the periphery is driven by the need to maintain a relatively high levels of elite loyalty and depends on the nature and structure of the regime opponents' resources.

Keywords: cycles of Russian history, loyalty, socio-political crisis, liberalization, authoritarian rollback, national and local elites

For citation: Filippov, S.I. (2026), ““Tighten or Loosen the Screws?”: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government to a Crisis of Local Elite Loyalty”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 32–44. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-32-44 (Russia).

Введение. «В какую сторону крутить гайки?» – этот вопрос по праву можно отнести к числу «проклятых» русских вопросов. В социально-философской, историчесофской и политико-философской перспективе история России воспринимается подчас как повторение одних и тех же циклов, фаз или тактов¹. В то же время, авторы многочисленных моделей и концепций циклической динамики истории России, как правило, выделяют несколько схожих фаз: реформы/либерализация («откручивание гаек») и противоположный ей авторитарный откат/реакция/контрреформы («закручивание гаек»). Неизменным спутником российской истории ока-

¹ Упомянем лишь некоторые концепции и модели циклической динамики российской истории, которые основываются на процессах различной природы. В качестве условий циклической динамики рассматриваются колебания численности различных общественных групп, прежде всего элит и народа (структурно-демографическая теория – П. Турчин, С. А. Нефедов), геополитические вызовы и ответы на них (модернизационные циклы по Р. Вишневскому, революции служилого класса по Р. Хелли, отчасти циклы реформ и контрреформ по А. Янову, концепция «колеи» российской истории Н. С. Розова), цивилизационно-культурная природа (последовательная ориентация на «старину» и «новизну» с взаимным отрицанием в дуальной модели динамики русской культуры и истории М. Ю. Лотмана) и др. «Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис... 33
“Tighten or Loosen the Screws?”: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government...

зывается также общественно-политический кризис. При этом, циклические модели отечественной истории не вполне учитывают полиэтническую и многоконфессиональную природу России, в частности, характер взаимодействия центральной власти с национальными (местными) элитами как одну из важнейших стратегий управления страной. Лояльность элит государству (правителю или правительству) в нашей стране всегда имела фундаментальное значение для самого ее существования, а падение лояльности различных социальных групп, в особенности национальных и местных элит, что находило выражение в протестных акциях, бунтах, восстаниях, росте общего недовольства, было серьезным вызовом центральной власти. В этом плане исследование логики фаз «либерализация» и «авторитарный откат» во взаимодействии центральной власти с национальными (местными) элитами представляется актуальным.

Взаимосвязь перечисленных фаз позволяет описать модель «вызов–ответ», предложенная А. Тойнби для исследования цивилизационной динамики и широко используемая в современном социальном и гуманитарном знании. Под вызовом понимается дискомфорт, который испытывают политические акторы [1, с. 27]. Такты «либерализация» и «авторитарный откат», таким образом, могут быть представлены как ответы центральной власти на вызов нелояльности со стороны различных социальных групп, в том числе национальных и местных элит. В каких условиях власть предпочитает в качестве ответа на социально-политическую нестабильность, в частности, низкую лояльность национальных (местных) элит «закрутить гайки», и в какой ситуации ей приходится идти на компромиссы и уступки недовольным? Ответу на данный вопрос посвящена эта статья.

Такты «либерализация» и «авторитарный откат» могут быть представлены как флуктуации значений по шкале одного (или нескольких сходных/смежных) параметров. В контексте взаимоотношений центральной власти и национальных (местных) элит наиболее показателен параметр концентрации–делегирования власти и полномочий центром элитам, что, как правило, находит выражение на институциональном уровне (органы местного самоуправления и их полномочия, национальные учреждения образования и культуры) в языковой, культурной, религиозной политике. Такт «либерализация» характеризуется созданием институтов национального (местного) самоуправления/расширением полномочий, представительством на общегосударственном уровне, развитием образования, СМИ, литературы на национальных языках. Такт «авторитарный откат» (контрреформы) характеризуется низкой толерантностью к протестам, критике режима, сворачиванием автономии национальных территорий, уменьшением полномочий местных институтов/их ликвидацией, сужением сферы использования и статуса национальных языков. Такие меры, как правило, предполагают относительно широкое применение принуждения и насилия военно-полицейским и административным аппаратом государства, а социально-политические процессы, характерные для такта «либерализация», напротив, ограничение насильственно-принудительной активности и институтов, которые ее осуществляют².

² Либерализация далеко не всегда предполагает всеобщего роста свобод, прав, политического участия и т. д. Бенефициарами, как правило, являются лишь некоторые общественные группы/акторы. Например, обретение прав и привилегий польской шляхтой в XIV–XVI вв. сопровождалось закрепощением крестьян и усилением их эксплуатации той же шляхтой. В шляхетской республике, которую называли также «крестьянским адом» крепостное право было, пожалуй, одним из самых жестоких в Европе [2, с. 279–327]. Напротив, рост участия крестьян в местном самоуправлении и наделении их земель в 1864 г. в Царстве Польском происходило за счет ограничения власти и влияния, а также имений польских помещиков. При этом наиболее пострадавшим социальным слоем была безземельная (чиншевая) шляхта, арендующая землю у помещиков. В процессе земельного передела помещики жертвовали именно наделами чиншевиков, сгоняя их с земли и лишая средств к существованию [3, с. 694–702].

Таким образом, переменной, которая объединяет и либерализацию, и авторитарный откат является уровень принуждения и насилия, применяемые центральной властью в отношении противников режима.

Общая гипотеза предпочтения ответов на кризис. В периоды кризиса падает легитимность и лояльность по отношению к власти в разных социальных масштабах – от общенационального до локального уровня. Заботой центральной власти в условиях кризиса является сохранение собственной легитимности и относительно высокого уровня лояльности, прежде всего со стороны наиболее влиятельных акторов. Общая гипотеза «принуждения к лояльности» основана на неовеберианских представлениях о *базовых социальных заботах* [4, с. 17–35], к числу которых относятся приемлемый социальный статус и символический престиж (честь, достоинство, причастность к сакральным символам того или иного сообщества), безопасность, материальное или экономическое благополучие, участие в принятии решений (причастность к власти). Если в условиях кризиса применение насилия центральной властью против ее противников воспринимается значимыми акторами и/или социальными группами вне и внутри страны как действия, направленные на обеспечение безопасности, восстановление легитимного порядка, то следует такт «авторитарный откат». Если применение силы для подавления протестов, напротив, воспринимается как произвол и незаконное насилие, нарушающее права подданных/граждан, то власти приходится идти на компромисс с различными группами, поддерживающими протест, и следует такт «либерализация». Если насильственное подавление протеста не успешно, длится продолжительное время, сопровождается существенными издержками (высокие потери, в том числе среди гражданского населения), власть воспринимается как инстанция, которая не в состоянии обеспечить безопасность и легитимный порядок в том числе, и ее поддержка падает, следует также такт «либерализация».

Методология и источники. Для проверки общей гипотезы предпочтения ответов на вызовы, связанные с социально-политическим кризисом, и ее уточнения были рассмотрены контрастные случаи, сходные друг с другом по некоторым существенным параметрам (временной период, регион, социально-политические условия и т. д.), но отличающиеся по уровню применения насилия и принуждения властью по отношению к противникам режима – случаи либерализации и авторитарного отката (см. табл.).

Результаты и обсуждение. В процессы обобщения объяснений предпочтения ответов того или иного типа (либерализация или авторитарный откат) на социально-политический кризис были получены следующие результаты. Восприятие насильственно-принудительных действий власти против ее противников как мер, направленных на восстановление легитимного порядка или, напротив, как проявление произвола зависит от социальной и культурной дистанции между противниками режима («бунтовщиками с окраин») и мерой отчуждения между ними и социальным окружением. Поддержка принудительно-насильственных мер власти против «бунтовщиков с окраин» тем больше, чем выше социальная и культурная дистанция³ между противниками режима и акторами/социальными группами внутри страны и за

³ Под социальной и культурной дистанцией понимается переменная, включающая различные степени сходства-отличия между различными индивидами/группами в лингвистическом, религиозном, сословно-классовом, мировоззренчески-ценностном отношении и др. – от ощущения общности до отчуждения.

рубежом. Напротив, если противники режима воспринимаются населением и элитами в качестве «своих» – социально и культурно близких – то действия власти по силовому подавлению протеста, напротив, не будут поддержаны.

Пары контрастных случаев
Pairs of contrasting cases

Случаи либерализации	Случаи авторитарного отката
Политика «примирения с поляками» Александра II (1861–63 гг.)	Подавление польского восстания после детронизации Николая I сеймом (февраль 1831 г.) Подавление польского восстания (1863–1864)
Уступки крестьянам Западного края (1863) и Царства Польского (1864)	Меры по ограничению «польского влияния» в Западном крае после 1864 г.
«Послабление полякам» (П. А. Столыпин) (1905–1907)	Меры по ограничению «польского влияния» в Царстве Польском и Западном крае (1907–1914)
Инкорпорация вольных казаков в сословную систему Российской империи (конец XVIII–начало XIX в.) ⁴	Подавление казачьих восстаний на Дону и Яике XVII–XVIII вв.
Политический кризис в Прибалтике (конец 1980-х–начало 1990-х гг.)	Подавление выступления казахской молодежи («Желтоксан», 1986 г.)

Имперская власть и поляки: компромиссы и взаимное отчуждение. Пример влияния социальной и культурной дистанции на предпочтение стратегии преодоления кризиса демонстрирует тактика правительства по отношению к мятежным полякам во время восстания 1830–1831 гг. и в период нарастания общественно-политического кризиса в Царстве Польском с 1860 по 1864 г. Вооруженное подавление восстания в 1831 г. не вызвало серьезных протестов со стороны ведущих держав: Николай I перед восстанием никак не ограничивал автономию Польши, продолжая политику своего брата. Напротив, детронизация Николая польским сеймом в феврале 1831 г. воспринималась как нарушение принципа легитимизма, принятого Венским конгрессом.

Международная ситуация в начале 1860-х гг. была иной. Как общественное мнение, так и позиция правительств ведущих европейских держав, особенно Франции, были на стороне поляков в их противостоянии с империей. Эти симпатии подпитывались польской эмиграцией, оказавшейся во Франции после подавления восстания 1831–1832 гг. Некоторые ее представители активно развивали и пропагандировали идеи о цивилизационной противоположности европейцев, включая поляков, с одной стороны, и русских – с другой. Публицист и этнограф Ф. Духинский, переселившийся во Францию в 1846 г. и сделавший там научную карьеру, выдвинул идею об особой неевропейской «туранской» цивилизации, к которой принадлежат русские. По его мнению, русские – потомки урало-алтайских племен, их европеизация («славянизация») весьма поверхностна, а различия между поляками и русинами (украинцами и белорусами) – с одной стороны и русскими – с другой непреодолимы [5, с. 16]. Идеи о том, что поляки-европейцы являются жертвами тирании Турана-Москвы, приобрели известность и популярность в Европе. Англия, Франция и Австрия требовали уступок полякам и возвра-

⁴ Ликвидация казачьего самоуправления сопровождалась присвоением казачьей старшине привилегий и прав российского дворянства, простые казаки получили землю – ресурс, позволяющий обеспечить надежное благосостояние, не прибегая к разбою. Таким образом, социальный статус и имущественное положение многих представителей казачества улучшались, а представители верхушки упрочили свою власть и влияние. Таким образом, данное явление в истории взаимоотношения казаков и власти может быть обозначено как либерализация.

шение к конституции 1816 г. [6, с. 400], выдвинув в июне 1863 г., по сути, ультимативные требования России. Восставшие надеялись на интервенцию держав. Опасаясь обострения на международной арене, власть была ограничена в применении насильственных средств борьбы с протестами, придерживаясь политики компромиссов и уступок некоторым группам польских элит (маркиз Велепольский и его окружение), а также крестьянам Западного края и Царства Польского за счет польских помещиков. Таким образом, властям удалось существенно ослабить позиции противников режима, внося раскол в их ряды и лишив восстание потенциальной социальной базы – поддержки крестьянства.

Тем не менее правительство предпринимало также жесткие военно-полицейские меры для подавления восстания 1863–1864 гг., которые находили поддержку у различных социальных групп российского общества. Русское общественное мнение относилось к полякам с большой долей настороженности и недоверия. В глазах русской администрации и культурных элит XIX в. Польша ассоциировалась с «вредоносным» влиянием на язык, культуру и идентичность восточнославянского населения, оказавшегося в сфере политического контроля Речи Посполитой. Опасаясь распространения сепаратизма и революционных идей из Польши, Николай I даже предлагал отказаться от территорий за Вислой и Нарвой в пользу Пруссии и Австрии, но эти державы проект отвергли [7, с. 36].

Вероломное нападение восставших поляков на русских военнослужащих в январе 1863 г. вызвало взрыв негодования в России. Александру II поступали адреса поддержки от всех слоев и множества социальных групп империи – крестьян, студентов и университетской профессуры, старообрядцев, молокан, карабахских беков, ногайцев [8, с. 502–503]. Те немногие, кто выражал солидарность с восставшими, были маргинализированы. А. Герцен открыто в своем «Колоколе» поддержал восстание, но его позиция вызвала неприятие в русском обществе (даже Н. Г. Чернышевский выступал с критикой восстания, подчеркивая его дворянский характер). Тираж «Колокола» снизился до 500 экз. к зиме 1863 г. (с 2500–3000 экз. до восстания) [9, с. 312–315]. Эффективные силовые меры по подавлению польского восстания 1863–1864 гг. нашли широкую поддержку внутри страны и увеличили легитимность центральной власти и лояльность по отношению к ней многих социальных групп Российской империи.

Таким образом, высокая степень взаимного социального и культурного отчуждения между русскими и поляками обусловила широкую поддержку силового подавления обоих польских восстаний, а также мер по ограничению польского влияния на западе Российской империи (ликвидация автономии Царства Польского, ограничительные меры по отношению к польскому языку и образованию на нем и др.). В то же время относительно высокая степень солидарности с восставшими среди населения и правительств ведущих европейских держав, угрожавших России военным вмешательством, обусловила политику компромисса и уступок власти по отношению к некоторым группам польских элит и населения в 1861–1864 гг.

Молодежь из общезжитий и поющие интеллигенты: протесты в позднем СССР и ответы центральной власти. Еще один пример влияния социальной и культурной дистанции между противниками власти и социальным окружением на предпочтение того или иного типа ответа на вызов нелояльности (силовое подавление или компромиссы) представляют протесты второй половины 1980-х–начала 1990-х гг., в частности, молодежные выступления в Алма-Ате в декабре 1986 г. и протесты в Прибалтике. Выступление казахского студенчества

против назначения первым секретарем компартии Казахстана бывшего секретаря Ульяновского обкома было жестко подавлено силами МВД, КГБ, курсантами военных училищ при активном содействии местных жителей – рабочих дружин и представителей «партхозактива». В глазах казахских элит и населения республиканской столицы протестующие студенты, проживающие преимущественно в общежитиях столичных вузов, воспринимались в качестве хулиганов, буквально говорящих на другом языке (казахская элита и горожане были, преимущественно, русскоязычными – в конце 1980-х. гг. 40 % казахов не владели (или почти не владели) родным языком [10, р. 326]). Жесткие действия власти воспринимались как спасение законопослушных обывателей от «подворотни», казахские элиты не предприняли никакой попытки использовать молодежные волнения для уменьшения влияния Москвы на внутренние дела республики, союзный центр провел масштабные чистки республиканских партийно-хозяйственных кадров под предлогом борьбы с национализмом.

Напротив, стремление к независимости прибалтийских республик поддерживало как большинство коренного населения, так и многие русскоязычные (на референдуме 3 марта 1991 г. по вопросу о независимости Латвии «за» высказались 73,68 %, в том числе, как минимум, 33 % представителей некоренного населения, [11, р. 78].), а также местные милиция, прокуратура и КГБ. Солидарность с протестами выражали многие советские граждане и за пределами Прибалтики: 20 января на Манежную площадь в Москве вышли до 300 тыс. чел., протестующих против попытки использования армии в Вильнюсе. Советские горожане воспринимали протестующих из прибалтийских республик как социально и культурно близких, таких же интеллигентных людей, в том числе русскоязычных, придерживающихся высококультурных и цивилизованных форм выражения своего протеста, например, в виде организации певческих фестивалей, а действия силовиков – как неоправданную жестокость [12]. Руководство СССР дистанцировалось от «событий» в Вильнюсе и Риге, отказавшись впоследствии от применения силы против борцов за независимость.

«Приемы против лома» – институциональные условия эффективного противостояния повстанцев власти. Если силовое подавление протестов занимает продолжительное время и сопряжено с существенными издержками (значительные потери среди мирно настроенного населения и др.), то власть воспринимается как инстанция, которая не может обеспечить безопасность подданным/гражданам и легитимный порядок на государственной территории, и лояльность в отношении нее среди различных социальных групп падает. Провалы силового подавления протеста увеличивают моральный дух и солидарность протестующих, их поддержку среди различных общественных групп. Каким образом заведомо слабая сторона (повстанцы) может эффективно противостоять более сильной стороне (правительству)? Если степень концентрации ресурсов⁵ повстанцев относительно высока, эти ресурсы могут быть изъяты и/или уничтожены, то власть склонна использовать насильственно-принудительные средства борьбы (депортации населения, поддерживающего восставших, военные операции против вооруженных формирований, выявление и уничтожение цепочек поставок, руко-

⁵ Вслед за М. Манном, представителем неовеберрианской социологической традиции, выделим следующие основные типы ресурсов: организационные (лояльные и дисциплинированные группы, властные полномочия), экономические, символические (легитимность, причастность к значимым ценностям и символам) и силовые [13, с. 59–68; 1, с. 51].

водителей восстания и т. д.). Если ресурсы, используемые повстанцами рассредоточены и/или не могут быть изъяты (широкая общественная поддержка, природные условия – судоходные реки в регионах расселения казаков, горы, где эффективное использование регулярных армий затруднено и т. д.), то силовое подавление сопряжено с существенными издержками, а власть вынуждена идти на компромисс с восставшими, интегрировать некоторых акторов в систему управления, предоставлять полномочия в обмен на лояльность.

Разновидностью организационных ресурсов, которые позволяют противостоять хорошо вооруженным и организованным военно-полицейским силам государства, выступают небольшие мобильные самоуправляющиеся группы (эгалитарные военизированные сообщества⁶). Условием складывания и существования таких сообществ является появление и распространение технологий, которые могут успешно применяться в силовом противостоянии с властью и/или для извлечения ресурсов⁷. Подобными технологиями, например, стали легкие маневренные суда, благодаря которым вольные казаки совершали успешные набеги на соседние территории и легко уходили от карательных экспедиций, динамит, появление которого стало условием включения в революционную борьбу «образованных» социальных групп (студентов) – ведь изготовление взрывчатки предполагает достаточно высокий уровень технических знаний. Распространение индивидуального стрелкового оружия на Кавказе стало условием освобождения горских племен как от внешнего контроля со стороны тяжеловооруженных кабардинских всадников, так и от собственной знати в XVIII в. [15, с. 148–151]. В результате, например, горные районы Дагестана превратились в территорию фактически ни от кого не зависящих самоуправляющихся общин и их союзов [16, с. 196–203].

Рассмотрим зависимость успеха противостояния с государственной властью от степени концентрации ресурсов на примере польских восстаний 1831–1832 и 1863–1864 гг. и истории сложных взаимоотношений царской власти и вольных казаков (XVII–XVIII вв.). Во время польского восстания 1831–1832 гг. друг другу противостояли две регулярные армии – Российской империи и Царства Польского. Более сильная и обладающая большим опытом царская армия в нескольких сражениях нанесла поражение польской армии, на этом восстание было подавлено. В 1863–1864 гг. ситуация была иной. Сопrotивление приняло форму партизанской борьбы и городского террора силами небольших групп и отдельных индивидов, и только военно-полицейских сил правительства оказалось явно недостаточно, чтобы подавить восстание. Условия для победы над собой создали отчасти сами восставшие. В октябре 1863 г. диктатором восстания был провозглашен Р. Траугутт, офицер царской армии в отставке. Ему удалось подчинить единому командованию разрозненные отряды повстанцев, а также централизовать управление восстанием. В апреле 1864 г. Траугутт был выдан одним из соратников, после ареста его и ближайших сподвижников общая координация сопротивления была нарушена, и боестолкновения практически прекратились в мае 1864 г. [17, p. 265–267].

⁶ Нормы поведения и ценности, характерные для эгалитарных сообществ – обостренное чувство собственного достоинства, агрессивность как средство демонстрации статуса – обуславливают относительно низкую лояльность членов данных сообществ по отношению к государственной власти. Более подробно о взаимосвязи между типом обеспечивающего сообщества и лояльностью см. [14, с. 9–11].

⁷ Исследование влияния технологического прогресса, прежде всего в военной сфере, на формы социальной жизни имеет давнюю традицию в отечественной и зарубежной истории, макросоциологии и философии. Представителями данной традиции выступают, в частности, И. М. Дьяконов, С. А. Нефедов, В. Макнил, Ч. Тилли и др.

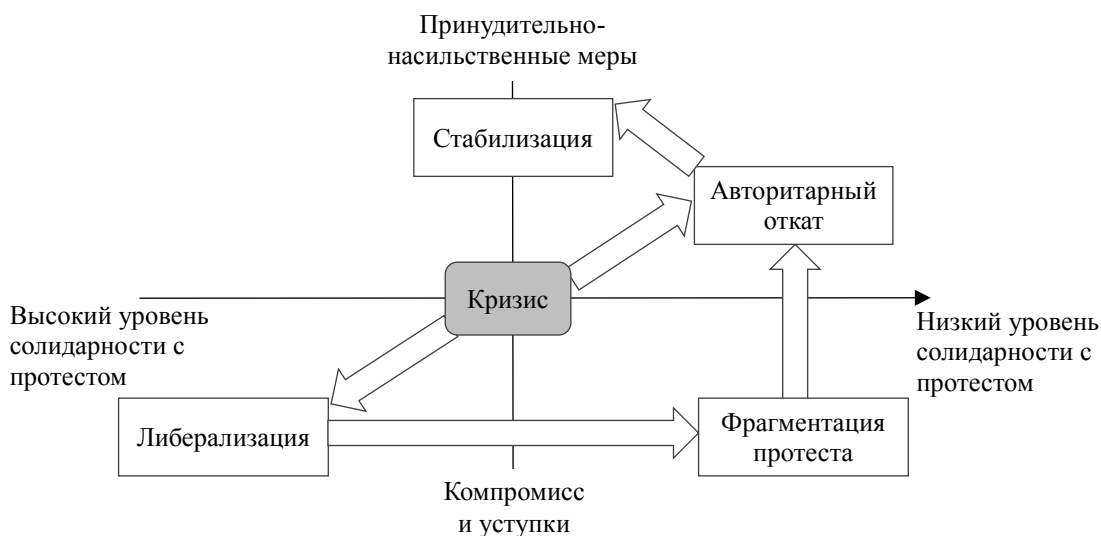
«Закрутить или открутить?»: либерализация и авторитарный откат как ответы центральной власти на кризис... 39
“Tighten or Loosen the Screws?»: Liberalization and Authoritarian Rollback as Responses of the Central Government...

Казацкие восстания XVII–XVIII вв. неизменно подавлялись, но подчинить казаков военными средствами власть так и не смогла: вооруженные силы России, Персии, Османской империи оказались недостаточно эффективны против множества быстроходных судов, которые внезапно нападали на торговые корабли и прибрежные поселения и, рассредоточившись, стремительно уходили от погони. Превратить бунтарей в лояльных слуг престола удалось, только пойдя на компромисс с ними и переориентировав на иной вид деятельности, что привело к трансформации типа сообщества, обеспечивающего базовые социальные заботы казачества – из военизированных эгалитарных сообществ в иерархические структуры государственной службы. В конце XVIII в. казацкая старшина инкорпорируется в российское дворянство, зачисляясь на офицерские должности в военной и статской службе, а простые казаки образуют военно-земледельческое сословие [18, с. 23]. После того, как они сходят со своих челнов и «чаек», обустроиваясь на земле, коренным образом меняется структура казацкого социума: из множества мобильных автономных групп казаки становятся оседлым населением, ориентированным на государственную службу, растет социальная дистанция между мобилизованной элитой, усвоившей нормы жизни имперского дворянства и связанной родственными узами в результате заключения брачных союзов с русскими дворянскими родами [19] и простыми казаками-земледельцами. Не удивительно, что упразднение автономии казацких войск от Днепра до Яика не вызывает существенного сопротивления. Не очень многочисленные недовольные переселяются на территорию Османской империи, образуя Задунайскую сечь (1775).

«Пряник, затем кнут или сразу кнут?» – последовательность ответов на вызов общественно-политической нестабильности и неустойчивость либерализации. В российской истории едва ли можно обнаружить примеры сколько-нибудь продолжительной и успешной либерализации. Н. С. Розов отмечает, что ни одна «либерализация» в России не привела к долговременному успеху общества и государства, каждый раз за ней следовали острые конфликты, недовольство многих групп и слоев населения, что в скором времени приводило к авторитарному откату [1, с. 145]. Почему это происходит? Реализация мер, которые относятся к такту «либерализация» – предоставление социально-политических и экономических прав и полномочий различным акторам и социальным группам из числа (потенциальных) оппонентов режима создает условия для успеха такта «авторитарный откат». Бенефициары либерализации становятся союзниками власти и выглядят предателями в глазах тех, кого она обошла стороной. Видя уступки власти, некоторые симпатизанты протеста меняют свою позицию, отказывая в поддержке непримиримым противникам режима. Таким образом, социальная и культурная дистанция между последовательными противниками режима и другими социальными группами увеличивается, и правительство переходит к силовому подавлению «непримиримых», не встретив широкого общественного осуждения. Затем в значительной мере сворачиваются те уступки, на которые власть была вынуждена пойти ранее. Примером такой последовательности тактов «либерализация» и «авторитарный откат» демонстрирует преодоление острого социально-политического кризиса в Царстве Польском с период с 1861 по 1864 г. Опасаясь обострения ситуации у западных границ и возможного вмешательства европейских держав, правительство идет на компромиссы с

польскими элитами, польским, украинским и белорусским крестьянством: воссоздается польское правительство в форме Государственного совета Царства Польского под руководством А. Велепольского, должности в местной администрации замещаются поляками, восстанавливаются высшие учебные заведения. Такая политика вносит раскол в польские элиты, которые разделились на сторонников примирения с империей и непримиримых противников русской власти. Эти две «партии» жестко противостояли друг другу: поводом для начала январского восстания 1863 г. стал рекрутский набор в Царстве Польском, благодаря которому маркиз Велепольский планировал избавиться от своих противников [6, с. 448–449]. Чтобы лишить восставшую шляхту социальной базы, правительство предоставляет крестьянам Западного края и Царства Польского существенные льготы: в 1863 г. увеличиваются земельные наделы литовских и белорусских крестьян, а выкупные платежи снижаются на 20 % [20, с. 155, 301], польские крестьяне по указу 19 февраля 1864 г. объявлялись владельцами всей земли, которую они обрабатывали [21, с. 187], везде крестьянское население получало самоуправление. После либерализации, результатом которой стала фрагментация, взаимные конфликты и ослабление польских элит, последовал авторитарный откат. С 1864 г. деполонизируется управление Царством Польским, Привисленский край (так стали называть Царство Польское после восстания) лишается автономии (в 1874 г. институт наместника Царства Польского заменяется должностью генерал-губернатора), в Западном крае проводится политика обрусения, польский язык там запрещается в официальном обиходе и вытесняется из системы образования: вместо польской Высшей школы в Варшаве создается университет с преподаванием только на русском языке) [там же, с. 192].

Новая либерализация на западных окраинах Российской империи происходит почти 50 лет спустя. В 1905 г. в условиях роста революционных выступлений в различных регионах Российской империи, в том числе в Польше, и при недостатке сил для подавления революции власть вынуждена идти на уступки – разрешить некоторые политические партии и участие в политической жизни империи их представителям, объявить веротерпимость, отменить цензуру и др. Легальную деятельность начала, в том числе Демократически-национальная партия Царства Польского во главе с Р. Дмовским, выступающая за широкую автономию Польши в составе Российской империи, но в результате компромисса с центром. Социал-демократы и социалисты во главе с Ю. Пилсудским всякий компромисс с властью категорически отвергали. Произошел глубокий раскол в польском национальном движении. Во время восстания в Лодзи в 1906 г. бои с восставшими вели не только царские войска, но и сторонники Р. Дмовского, воспринимающие непримиримых борцов за независимость в качестве провокаторов [22, с. 35–37]. В условиях перехода части польских элит на сторону власти в обмен на инкорпорацию в новую политическую систему и кризиса непримиримых сторонников независимости Польши царское правительство в 1907 г. переходит к ревизии компромисса: сворачивается деятельность по организации национальных польских школ, запрещается деятельность польских просветительских обществ в Западном крае, из Царства Польского выделяется Холмская губерния [22, с. 47–48]. Последовательность тактов «либерализация» и «авторитарный откат» как ответов на социально-политический кризис иллюстрирует рисунок.

Фазовая модель последовательности тактов «либерализация» и «авторитарный откат» как ответов на кризис
Phase model of the sequence of “liberalization” and “authoritarian rollback” steps as responses to the crisis

Заключение. Предпочтение властью в качестве ответов на вызов социально-политического кризиса принудительно-насильственных мер в отношении своих противников (авторитарный откат) или уступок некоторым из оппонентов режима (либерализация) зависит от социальной и культурной дистанции между противниками режима и социальным окружением как внутри, так и вне страны. Если между противниками режима (повстанцами) и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно высокая социальная и культурная дистанция и взаимное отчуждение, а ресурсы повстанцев могут быть изъяты, то власть склонна применять принудительно-насильственные меры против своих противников, что приводит к росту поддержки власти, подавлению недовольства и общей стабилизации ситуации.

Если между противниками режима и различными общественными группами как внутри, так и вне страны относительно низкая социальная и культурная дистанция, ресурсы повстанцев рассредоточены, то власть вынуждена идти на компромисс и уступки отдельным акторам и группам из числа (потенциальных) противников режима, наступает либерализация, которая приводит к фрагментации оппозиции. В условиях нарастания внутренних противоречий в рядах своих оппонентов власть идет на силовое подавление наиболее непримиримых из них, ограничивая в том числе те права и полномочия, которые были предоставлены бенефициарам либерализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Розов Н. С. Колея и перевал. М.: РОССПЭН, 2011.
2. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. И. Куриллы. М.: Территория будущего, 2010.
3. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи. Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / пер. с фр. М. Крисань. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
4. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 3: Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / пер. с англ. Д. Ю. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Дело, 2020.
5. Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. Хорев В. А. М.: Индрик, 2000.

6. Любавский М. К. История западных славян. М.: Вече, 2018.
7. Комзолова А. А. Политика императора Николая I в отношении униатской церкви и польское восстание 1830–1831 годов // Ортодоксия. 2024. № 4. С. 30–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51.
8. Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование: в 2 т. Т. 1. М.: Академ. проект. 2018.
9. Эльсберг Я. Е. Герцен: жизнь и творчество. М.: Художественная литература, 1963.
10. Sarsembayev A. Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s // Central Asian Survey. 1999. Vol. 18, no. 3. P. 319–346.
11. Dreifelds Ju. Latvia in Transition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.
12. Филиппов С. И. Феномен «бегства» советских элит в ряды оппозиции в конце 1980-х – начале 1990-х гг: макросоциологический анализ // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 2. Ч. 1. С. 92–109. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109.
13. Манн М. Источники социальной власти: в 4-х т. Т. 1. История власти от истоков до 1760 года н. э. / пер. с англ. Д. Ю. Карасева. М.: Дело, 2018.
14. Филиппов С. И. Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 2. С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.
15. Дерлугьян Г. М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2013.
16. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988.
17. Davies N. God's playground: A History of Poland. In 2 Vol. Vol. 2. 1795 to the Present. NY: Columbia Univ. Press, 2006.
18. Мальцев Д. Как готовили «поход на индус» // Родина. 2011. № 7. С. 22–24.
19. Киселёв М., Лазарев Я. Казацкая элита: между двумя идентичностями // Воронцово поле. 2023. № 4. URL: <https://vorontsovoполе.ru/rubriki/vlast-istorii-istoriya-vlasti/kazatskaya-elita-mezhdu-dvumya-identichnostyami> (дата обращения: 19.07.2025 г.)
20. Смирнов А. Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
21. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная, О. В. Будницкий, М. Д. Долбилов и др. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
22. Польша в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012.

Информация об авторе.

Филиппов Сергей Иванович – кандидат философских наук (2003), доцент кафедры романо-германской филологии Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, д. 2, Новосибирск, 630090, Россия. Автор 54 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная и политическая философия, лояльность, межкультурные взаимодействия.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 22.07.2025; принята после рецензирования 21.10.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Rozov, N.S. (2011), *Koleya i pereval* [Track and Pass], ROSSPEN, Moscow, RUS.
2. Anderson, P. (2010), *Lineages of the Absolutist State*, Transl. by Kurilla, I., Territoriya budushchego, Moscow, RUS.
3. Beauvois, D. (2011), *Gordiev Uzel Rossijskoj imperii. Vlast', sljahta i narod na Pravoberežnoj Ukraine (1793-1914)* [Le nœud gordien de l'Empire russe: le pouvoir, la noblesse polonaise et le peuple en Ukraine de la rive droite (1793–1914)], Transl. by Krisan', M., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
4. Mann, M. (2020), *The Sources of Social Power. 4 t. Vol. 3: Global Empires and Revolution, 1890-1945*, Transl. by Karasev, D.Yu., in Moiseev, S. (ed.), Delo, Moscow, RUS.

5. Khorev, V.A. (ed.) (2000), *Polyaki i ruskie v glazakh drug druga* [Poles and Russians in each other's eyes], Indrik, Moscow, RUS.
6. Lyubavskii, M.K. (2018), *Istoriya zapadnykh slavyan* [History of the Western Slavs], Veche, Moscow, RUS.
7. Komzolova, A.A. (2024), "Policy of the emperor Nicholas I towards the Uniate church and the polish uprising 1830-1831", *Orthodoxy*, no. 4, pp. 30–51. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-4-30-51.
8. Tatishchev, S.S. (2018), *Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Alexander II, his life and reign], in 2 vol., vol. 1, Akadem. proekt, Moscow, RUS.
9. Elsberg, Ya.E. (1963), *Gertsen: zhizn' i tvorchestvo* [Herzen: Life and Work], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR.
10. Sarsembayev, A. (1999), "Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s", *Central Asian Survey*, vol. 18, no. 3, pp. 319–346.
11. Dreifelds, Ju. (1997), *Latvia in Transition*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, USA.
12. Filippov, S. (2021), "The "Flight" of Soviet Elites to Opposition in the Late 1980s – Early 1990s: Macro-Sociological Analysis", *Ideas and Ideals*, vol. 13, iss. 2, pt. 1, pp. 92–109. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13-2.1-92-109.
13. Mann, M. (2018), *The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to Ad 1760*, Transl. by Karasev, D.Yu., Delo, Moscow, RUS.
14. Filippov, S.I. (2025), "Conditions of (Dis)Loyalty of Elites to the State Authorities in Russia", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 2, pp. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.
15. Derlug'yan, G.M. (2013), *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How this World Works. Sketches on Macrosociological Topics], Izd-vo in-ta Gaidara, Moscow, RUS.
16. Aglarov, M.A. (1988), *Sel'skaya obshchina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v* [A rural community in Mountainous Dagestan in the 17th – early 19th century], Nauka, Moscow, USSR.
17. Davies, N. (2006), *God's playground: A History of Poland. Vol. 2: 1795 to the Present*, Columbia Univ. Press, NY, USA.
18. Mal'tsev, D. (2011), "How they prepared a "campaign to the Hindu"", *Rodina*, no. 7, pp. 22–24.
19. Kiselev, M. and Lazarev, Ya. (2023), "Cossack elite: between two identities", *Vorontsovo pole*, no. 4, available at: <https://vorontsovopole.ru/rubriki/vlast-istorii-istoriya-vlasti/kazatskaya-elita-mezhdu-dvumya-identichnostyami> (accessed 19.07.2025).
20. Smirnov, A.F. (1963), *Vosstanie 1863 goda v Litve i Belorussii* [The Uprising of 1863 in Lithuania and Belarus], Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR.
21. Berezhnaya, L.A., Budnitsky, O.V., Dolbilov, M.D. et al. (2007), *Zapadnyye okrainy Rossiyskoy imperii* [Western Outskirts of the Russian Empire], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, RUS.
22. Noskova, M. (ed.), (2012), *Pol'sha v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the 20th century: essays on political history], Indrik, Moscow, RUS.

Information about the author.

Sergey I. Filippov – Can. Sci. (Philosophy, 2003), Associate Professor at the Department of Romano-Germanic Philology, Novosibirsk State University, 2 Pirogova str., Novosibirsk 630090, Russia. The author of 54 scientific publications. Area of expertise: social and political philosophy, loyalty, intercultural interactions.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.07.2025; adopted after review 21.10.2025; published online 20.02.2026.

Оригинальная статья

УДК 101

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-45-55>

Региональная онтология и перспективы анализа социотехнических систем

**Татьяна Вадимовна Борисова¹, Роман Олегович Исаев²✉,
Татьяна Геннадьевна Стоцкая³**

^{1, 2, 3}Самарский государственный технический университет, Самара, Россия

¹BorisovaTVa@yandex.ru

²✉romancesaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4559-4001>

³stotskaya@yandex.ru

Введение. Статья посвящена изучению исторических предпосылок формирования новых онтологических концепций в области философии. С этой целью авторы возвращаются к основным тезисам Э. Гуссерля, актуализируя проблему дифференциации бытия, с которой исторически не справилась классическая наука. В представляемой работе обсуждается вопрос, справилась ли феноменология?

Методология и источники. Методологически значимым является рассмотрение проблемы региональных онтологий в контексте усложнения современной структуры научного знания. Об этом упоминает сам Э. Гуссерль, но значительную проработку идея получает в трудах А. Гурвича, Дж. Хейфермана, К. Майолино, а также Э. Трицио. Среди отечественных ученых в рамках заданной проблематики особенно интересны научные работы В. С. Степина.

Результаты и обсуждение. Феноменология обосновала принцип примата понимания над знанием в процессе познания. В тоже время сами регионы так и не были обоснованы самой феноменологией, что не может не удивлять, если учесть тот факт, что с официального опубликования работ Э. Гуссерля прошло уже более 100 лет. По мнению западной философской школы, все дело в том, что изначальная концепция региональности не учитывала искусственную составляющую мира, которая выражалась в поиске формы для объяснения мира и исторически прогрессировала до известной системы научных предметов. Однако данная система уже не охватывает мир целиком, а лишь уточняет его части.

Заключение. Авторы полагают, что причиной неудач феноменологии является излишняя концентрация на самой сути природы и ее объектов, в то время как изменившийся мир так и не получил должного философского истолкования, а его природность дуалистична (социальна и технологична). В статье рассматривается естественная установка в науках и предпринимается попытка переосмысления способов полагания мира, которые могут лежать в основании региональных онтологий.

Ключевые слова: региональная онтология, теория познания, развитие, социотехнические системы

Для цитирования: Борисова Т. В., Исаев Р. О., Стоцкая Т. Г. Региональная онтология и перспективы анализа социотехнических систем // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 45–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-45-55.

© Борисова Т. В., Исаев Р. О., Стоцкая Т. Г., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Regional Ontology and Perspectives for the Analysis of Sociotechnical Systems

Tatyana V. Borisova¹, Roman O. Isaev²✉, Tatyana G. Stotskaya³

^{1, 2, 3}Samara State Technical University, Samara, Russia

¹BorisovaTVa@yandex.ru

²✉romancesaev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4559-4001>

³stotskaya@yandex.ru

Introduction. The article is devoted to studying of the historical prerequisites for the formation of new ontological concepts in philosophy. To this end, the authors return to the main theses of E. Husserl, bringing back into focus the problem of the differentiation of being, which classical science has historically failed to address adequately. The paper discusses the question of whether phenomenology has succeeded.

Methodology and sources. It is methodologically significant to consider the problem of regional ontologies in the context of the increasing complexity of the contemporary structure of scientific knowledge. This issue is mentioned by E. Husserl himself, but the above-mentioned idea is significantly elaborated in the works of A. Gurvich, G. Heffernan, K. Maiolino, and E. Trizio. Among Russian scholars, the works of V.S. Stepin are particularly noteworthy in this context.

Results and discussion. Phenomenology has established the principle of the primacy of understanding over knowledge in the process of cognition. At the same time, the regions themselves have not been adequately substantiated within phenomenology, which is surprising given the fact that more than 100 years have passed since the official publication of Husserl's works. According to the Western philosophical tradition, the main point is that the original concept of regionality did not take into account the artificial component of the world, which manifested itself in the search for a form to explain the world and historically evolved into the well-known system of scientific disciplines. However, this system no longer captures the world as a whole, but only clarifies its parts.

Conclusion. The authors believe that the reason for the failures of phenomenology lies in its excessive concentration on the very essence of nature and its objects, while the transformed world has not received an adequate philosophical interpretation, and its naturalness is dualistic (social and technological). The article examines the natural attitude in the sciences and attempts to rethink the ways of positing the world that may underlie regional ontologies.

Keywords: regional ontology, theory of knowledge, development, sociotechnical systems

For citation: Borisova, T.V., Isaev, R.O. and Stotskaya, T.G. (2026), "Regional Ontology and Perspectives for the Analysis of Sociotechnical Systems", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 45–55. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-45-55 (Russia).

Введение. Один из центральных тезисов Э. Гуссерля заключается в том, что важнейшая черта любой науки состоит в ее объекте, и что различным типам предметных областей соответствуют различные методы. Учитывая, что названные предметные области составляют «провинции» мира, философское размышление о мире и его постижимости не может обойти вопрос о том, как эти области должны быть устроены и каковы их взаимоотношения. Все это является фундаментальной темой «региональной онтологии» и «онтологических

регионов», поэтому последние и будут представлены в данном тексте в качестве основного предмета размышлений. Сам термин «онтологический регион» впервые появляется в лекции, которую Гуссерль прочитал в зимнем семестре 1908–1909 гг. под названием «Grundprobleme der Ethik» [1, p. 200]. Показательно, что Гуссерль вводит его не для того, чтобы различить предметные области различных наук, а для того, чтобы охарактеризовать еще более радикальную пропасть, разделяющую объективные корреляты теоретического и аксиологического разума. Позже, уже в рамках отечественной традиции, появится схожее обозначение – «дисциплинарные онтологии», которое будет использоваться в философии науки, однако и оно не сможет сократить дистанцию между разными областями познания (см. [2, с. 133]).

В 1910–1911 гг. Гуссерль вновь исследует возможность распространения философии науки (Wissenschaftstheorie) за пределы чистой логики, понимаемой как формальная теория смысла (или «формальная апофатичность») и формальная онтология (см. [3, p. 172]). Истины чистой логики составляют моменты сущности любой науки в принципе: ни одна наука не могла бы существовать без суждений или без конъюнкций и дизъюнкций. В контексте формальной онтологии можно констатировать, что идеи, объекты, свойства, отношения и числа необходимы для любой предметной области любой науки. Основоположник феноменологии также замечает, что сама идея логики не допускает дальнейшего расширения и что она является аналитической постольку, поскольку привносит в картину мира саму идею аналитичности. В этой связи расширение концепта «наука» осуществляется посредством включения того, что обязательно предполагается, по крайней мере, одной конкретной наукой, а не любой наукой вообще. Следовательно, необходимо отказаться от всех «материальных» элементов абстракции, которые характеризуют чистую логику, и обратиться к дисциплинам, которые не являются исключительно аналитическими, но относятся к определенным типам объектов.

Методология и источники. Для начала Гуссерль упоминает неаналитические математические дисциплины (или синтетическо-математические дисциплины), такие как геометрия (или учение о пространстве) и хронология (или учение о времени). Эти дисциплины относятся к теории науки, потому что по отношению к определенной области они ведут себя как «формальные дисциплины» (см. подробнее [4, p. 390]). Здесь мы снова сталкиваемся с релятивизированным смыслом слова «формальный», который в лекциях 1906–1907 гг. феноменолог использовал для априорной онтологии реальности (или априорной метафизики), не проводя, однако, различий между разными областями реальности (см. [3, p. 180]). Само значение слова «формальный» позволяет Гуссерлю установить соотнесение с терминологией Канта. Так же как объективности, характеризующие «природу», на самом деле являются объективностями-субъектами свойств, опорными точками отношений, элементами связей, частями целых. Другими словами, они имеют аналитико-онтологическую форму. Все, что заслуживает названия «вещь», имеет телесную форму, а она вписывается в пространство, имеющее формальные свойства трехмерного евклидова многообразия, и, таким образом, требует знакомой геометрии как развертывания своей сущности. Помимо этого, каждое вещное существо имеет свою длительность и свою подвижность в пространстве и поэтому подчинено хронологии и чистой теории движения (форномии), поскольку речь идет о формах времени и формах движения.

В этом смысле Гуссерль настаивает на идее «общей формы» природы, которая охватывает пространственные формы (или фигуры), временные формы и кинематографические формы в качестве множества моментов. К синтетическо-математическим дисциплинам, которые относятся соответственно к пространству, времени (называемом в данном случае хронологией, но иногда также характеризуемом хронометрией, чтобы передать его параллелизм с геометрией) и движению (последнее обозначается, как и у Канта, форономией), и на которые уже были намеки в лекциях 1898–1899 гг., Гуссерль добавляет специфическую «чистую науку о природе», которая изучает априори материально-реальный и причинный аспект физических событий. Эта тема получила развитие в курсе лекций «Grundprobleme der Phänomenologie», где философ указывает, что лишь немногие из ее (науки) положений нашли применение в реальном развитии физики. Например, непроницаемость тел, т. е. необходимость движения по непрерывной траектории (без скачков) и принцип причинности, о чем, в частности, пишет Клаудио Майолино [5].

В контексте изложенного важно подчеркнуть, что именно часть априорной онтологии природы Гуссерля, имеющая дело с материально-реальными аспектами природы, соответствует чистой науке о природе Канта. Как отмечает Майолино, различие в онтологии природы между, с одной стороны, геометрией, хронологией и форономией, а с другой – эйдетическим учением о материальности соответствует для Гуссерля различию между трансцендентальной эстетикой Канта и его трансцендентальной аналитикой [5, p. 170–171].

Результаты и обсуждение. В данной статье понятие онтологического региона вводится в отношении различных групп возможных наук. Каждому онтологическому региону соответствует «региональное понятие». Далее, уже внутри каждого региона, мы можем идентифицировать «Kardinalen Grundbegriffe», которые Гуссерль называет «категориями» (понимаемыми, скорее, в Аристотелевской традиции). В случае региона физической природы региональное понятие есть «Naturding», а категории являются фундаментальными понятиями, на которых строятся различные ветви региональной онтологии физической природы (пространство, время и причинность) [6, p. 87]. Основоположник феноменологии указывает также на две причины, по которым задача разграничения различных областей бытия до сих пор не выполнена. Обе названные причины заслуживают упоминания, поскольку они намекают на фундаментальные темы в его рассуждениях. Первая – это престиж самих физических наук, которые подтолкнули к редукции всего реального бытия к природе. Это замечание связывает понятие региональной онтологии Гуссерля с его критикой натурализма. И в ином смысле это же касается и второй причины, упомянутой Гуссерлем, которая указывает на сложное взаимодействие между онтологическим и трансцендентальным феноменологическим исследованием. В силу такого взаимодействия философ утверждает, что невозможно уловить различие между областями бытия, не изучая их отличительный способ данности, т. е. не рассматривая их трансцендентальную конституцию [7, p. 198].

Поэтому неудивительно, что до появления трансцендентальной феноменологической теории науки не было возможности четкого разграничения различных областей реальности. Действительно, связь между феноменологией и онтологией, вероятно, является единственным наиболее важным «теоретическим узлом» философии Гуссерля, исчерпывающее осмысление которого было бы равносильно полному наброску самой феноменологической

философии. Следуя по пути, открытому рассмотрением этого взаимодействия, можно теперь перейти к хорошо известным онтологическим анализам, которые открывают «Идеи I». В первом томе философ закладывает основы феноменологической онтологии, понимаемой как учение о родах бытия, коррелирующих с различными способами данности предметов в сознании. Уже здесь формируется принципиальное различие между формальной онтологией как всеобщей наукой о бытии вообще, о категориях предметности как таковых и региональными онтологиями, каждая из которых описывает структурные законы особой области сущего. Региональная онтология, по Гуссерлю, возникает из анализа определенного типа интенциональности и соответствующего ей рода предметности: например, «регион природы» соотносится с перцептивным опытом, «регион психического» – с внутренним сознанием времени и актами рефлексии, «регион идеальных предметов» – с деятельностью логического мышления [8].

Нельзя не обратить внимание, что в рассмотренных до сих пор текстах мало говорится о том, как должна быть осуществлена демаркация бытия на различные регионы. Вместо того чтобы взять за отправную точку возможность расширения учения о науке за пределы «аналитической» области, Гуссерль с самого начала вводит понятие онтологического региона в рамках корреляции между различными типами интуиций, с одной стороны, и различными регионами бытия, с другой. Эта корреляция, которую обращение к трансцендентальной установке раскроет в качестве асимметричного отношения, в силу которого различные модальности осуществляющихся интенциональных актов предстают как источники соответствующих типов реального бытия, конституируемых в трансцендентальном сознании. Таким образом, проблема идентификации онтологических регионов доводится до ее конечной аутентичной основы – феноменологической [3].

Можно заключить, что существует фундаментальная корреляция между различными областями реальности, которые составляют совокупность мира (как коррелируют теоретической установки), и системами преднамеренных действий, на которых в конечном итоге основываются теоретические результаты различных наук. Итак, каждой науке соответствует объект-провинция как область исследований. Иными словами, всем правильным утверждениям соответствуют как первичные источники обоснования, подтверждающего их законность, а также определенные интуиции, в которых объекты, принадлежащие к области, становятся сами по себе данными как существующие.

В случае природы области естественных наук, интенциональность, изначально представляющая индивидуальный объект, представляет собой восприятие (трансцендентное восприятие). Мир теоретической установки, следовательно, включает все объективные области эмпирических фактов, исследуемых различными науками. Среди последних главное различие заключается в демаркации между естественными науками и науками социально-культурного профиля. Именно поэтому Гуссерль со временем и вводит понятие региона и региональной онтологии, которое он понимает так: любая конкретная эмпирическая объективность находит свое место в высшем материальном роде, «регионе» эмпирических объектов.

Исходя из всего сказанного, следует различать чистую региональную сущность (также называемую региональным эйдосом, последняя является высшим материальным родом, к

которому относится рассматриваемая эмпирическая объективность), и региональную онтологию, т. е. эйдетическую науку, задача которой состоит в формулировании всех истин, укорененных в региональной сущности, а также в ее существенных ответвлениях. В соответствии с изложенным региональная онтология – это наука, которая стремится формулировать синтетические априорные истины обо всех возможных объектах, принадлежащих данному региону. Например, материальная природа – это онтологический регион, к которому принадлежит любой фактически существующий индивид, материальный объект или вещь. Следовательно, природа, взятая в целом, является областью фактического существования, многообразия индивидуальных вопросов. Материальная природа все равно была бы материальной природой, если бы даже планеты Земля не существовало или если бы у нее было два естественных спутника: эмпирические индивидуальные существования полностью условны и, таким образом, сверхсущественны для природы. Что еще интереснее, материальная природа не превратилась бы во что-то существенно иное, даже если бы законы природы, управляющие ее явлениями, не были бы теми же самыми. Она все равно была бы материальной природой, просто наделенной иной внутренней причинной регуляцией. Другими словами, нет жесткой априорной необходимости в том, чтобы уравнения, управляющие материальной природой, были теми, которые фактически имеют место.

Гуссерль акцентирует этот факт, различая универсальность естественных законов и эйдетическую универсальность. В качестве примера философ противопоставляет такой тезис, как «Все тела тяжелы», иному утверждению: «Все материальные вещи протяженны». Первая констатация не постулирует никакого индивидуального фактического существования, но она говорит о фактическом существовании самой природы. Другими словами, истинно в этой природе, которая фактически существует, что все тела тяжелы. Второй же закон, напротив, будучи истинным в этой природе, также справедлив, если «полагание фактического существования, осуществляемое со стороны субъекта, приостановлено». В таком случае он становится чисто эйдетическим предложением, вытекающим из сущности материальной вещи. Таким образом, существование физического объекта условно; и все же, учитывая, что последний существует, сам факт, что он протяжен, является априорно истинным. Это пример того, что Гуссерль называет эйдетической необходимостью, т. е. «конкретизацией эйдетических законов».

Результатом всех названных рассуждений является то, что верно для отдельного факта, а именно, что последний имеет запас существенных свойств (без которых он не был бы тем типом факта, которым он является), что верно также для материальной природы в целом. Поэтому возможно рационализировать концепцию природы, очистить ее от всех эмпирических случайностей, чтобы получить эйдос материальной природы, который предписывает правила, что должны выполняться для любой возможной материальной природы. Все эйдетические истины, относящиеся к материальной природе и ее ответвлениям, являются материальными или синтетическими априорными законами, принадлежащими соответствующей региональной онтологии. Эти законы будут касаться не только конечных объектов региона, но и всех категориально структурированных объектов, выведенных из них: свойств, отношений, положений дел и т. д.

В контексте вышеизложенного логично будет предположить, что Гуссерль признавал в качестве важной задачи классификацию наук. По общему признанию, только зрелая транс-

цендентальная феноменология (а вовсе не «начальный прорыв» – так сам Гуссерль часто характеризует свою собственную философию) позволила бы разделить мир на онтологические регионы. Однако в этом отношении позиция Гуссерля претерпела изменения, по крайней мере, если рассматривать ее с чисто методологической точки зрения. Феноменолог утверждал, что невозможно получить надежное понимание различных материальных онтологий без помощи феноменологии (см. подробнее [1, р. 202–204]). Впоследствии, однако, при рассмотрении, в какой степени формальные онтологии могли бы развиваться сами по себе, без помощи конститутивного анализа, формируя при этом бесчисленные эйдетические различия без отсылок на сам способ данности соответствующих классов объектов, философ делает следующую уступку: что касается онтологии, то вполне возможно, что кто-то действительно может осуществить столь совершенное понимание, что этот человек, к примеру, способен анализировать сущность разума или природы чисто и в полном объеме, а также способен зафиксировать аксиоматические принципы, которые принадлежат к ней. Однако *de facto* то, что мы так хорошо преуспеваем в математике, еще не значит, что мы можем добиться успеха в реальных онтологиях. Здесь феноменология обучает нас полному видению, и хотя то, к чему она стремится, не является эйдетической доктриной, а скорее конституцией реальности и, с другой стороны, чистым Эго и Эго-сознанием в целом, тем не менее полное эйдетическое схватывание реального, а вместе с ним и обоснование онтологии в соответствии с базовыми понятиями и принципами, произойдет только на стыке естественного и искусственного (технического). Иначе говоря, все это означает переход философии к неестественной установке.

Современный исследователь часто оказывается в ситуации выбора между несколькими региональными областями. Если раньше задачей повышенного уровня сложности было отделение науки от религии, то сейчас региональные области могут быть на стыке нескольких наук, что безусловно усложняет их рациональность. Ситуацию также усложняет то, что предметно-профессиональная подготовка современного философа уже не воспринимает сказанное как нечто исключительное. Наивный реализм предоставляет огромное количество смыслов, но они, естественно, не выделяются как знания о регионе, или же региональное знание. Для последнего необходима философская позиция, которая дифференцирует реальность и действительность, а значит может конституировать действительное реальное (*really real*).

Действительное реальное нечто больше, чем здравый смысл, снабженный методологическим инструментарием. Это конструкция, которая должна быть распредмечена, иначе она рискует так и остаться навечно в области лингвистического обсуждения. Дело в том, что действительное реальное является социотехническим ядром и представляет собой концептуальные уровни познания, которые можно интерпретировать как уровни науки, но не стоит на этом останавливаться, так как действительное реальное содержит и дорефлексивное и пострефлексивное измерение.

Таким образом, действительно реальное находится в динамике, а его изучение требует системной философской работы. Помочь в решении рассматриваемой проблемы может идея действия, или идея деятельности. Действие не зависит от того, в каком регионе оно происходит, а деятельность не находится в прямой зависимости от времени. Последнее и создает

тот самый эффект жизни объекта в социотехнической онтологии и предоставляет возможность рефлексии направления деятельности взамен гипотетического описания объекта.

Итак, под сомнение ставится язык в его идеальной форме, т. е. логика, претендующая на создание знания о природе некоторых объектов. Логика – это общие смыслы, указывающие на первичный статус, однако, если мы полагаем деятельность как постоянно развивающийся объект, то оперировать общими смыслами мы уже не можем. Эпистемически и даже онтологически важно сохранить разнообразие описательных региональных областей с помощью дизъюнктивных и конъюнктивных переходов. Также важно понимать, что иногда выбор между двумя конкретными региональными областями осуществляется частично вне рационального поля. Это не возврат к естественному подходу, однако это выражение открытого сомнения в логике и феноменологической редукции.

Заключение. Итак, все науки о реальности являются науками естественной установки, поскольку они представляют полагание мира через анализ природы. Исключением не является даже психология. Ее объектами являются переживания, данные в психологическом опыте, то есть воспринимаемые как принадлежащие человеку или животному и, стало быть, как компоненты психофизической природы. Что же касается математических наук, то они также требуют своих установок (арифметических, геометрических и т. д.), которые как бы добавляются к естественной установке, а не мешают ей. Естественная установка характеризуется постулированием пространственно-временной реальности во всей ее полноте, которая всегда предполагается всеми вышеупомянутыми видами деятельности. То, что в «Логических исследованиях» и других проанализированных ранее работах Гуссерля истолковывается как метафизическая предпосылка науки и донаучного мышления, теперь становится компонентом потока переживаний, разворачивающихся в нашей обыденной жизнедеятельности [9].

И в этом смысле положение мира есть положение мира как факта; однако мир как факт имеет сущность. Об этом, в частности, писал М. Хайдеггер в работе «Основная проблема феноменологии», указывая, что миру как факту соответствует мир как идея, т. е. то, что принадлежит любому миру, который мог бы существовать [10]. Другими словами, положение факта всегда подразумевает существование вселенной возможностей, по отношению к которым этот факт является лишь случайным проявлением. В установке, которая свойственна онтологическим дисциплинам (эйдетической установке), осуществляется смещение фокуса с факта мира на его сущность, на инвариантную структуру любой мировой реальности вообще. Но при этом, развивая эйдетические дисциплины, которые раскрывают априорную форму мира, мы также эксплицируем смысл, заключенный в полагании мира, т. е. в «естественном тезисе»: «онтология» природы развертывает в своих дисциплинах чистый формально-общий смысл естественного тезиса или данность естественной установки как таковой? Тогда вопрос о том, что оправдывает тезис такого смыслового содержания, как и дальнейший более конкретный вопрос о том, что оправдывает соответствующую частную науку о природе в ее индивидуальных тезисах, остается за ее пределами. Материальные эйдетические дисциплины, составляющие онтологию природы, выражают формально-общий смысл полагания, характеризующего естественную установку, но они ничего не говорят о рациональности такой установки.

Исходя из гуссерлевской программы феноменологической онтологии, различающей формальную и региональные онтологии, возникает возможность мыслить особые области бытия, конституируемые специфическими модусами интенциональности. Каждая региональная онтология, по Гуссерлю, раскрывает априорные законы смысла, которые определяют возможность предметов данного типа. Если «регион природы» коррелирует с перцептивным опытом, а «регион духа» – с интенциональными структурами сознания, то современное состояние человеческого мира, пронизанного техническими медиациями, требует выделения особого регионального поля, в котором сплетаются социальное и техническое как со-конституирующие модальности предметности.

Так открывается перспектива регионально-онтологического обоснования социотехнической реальности. Под последней следует понимать не простую сумму или сопряжение социального и технического, а особую область бытия, в которой техника и социальность взаимно структурируют друг друга в едином горизонте опыта и действия. В феноменологическом ключе «социотехническая реальность» может быть описана как слой бытия, конституируемый на пересечении интенциональных актов социального взаимодействия и опредмеченных технических средств – артефактов, инфраструктур, алгоритмов, медиальных сетей. Здесь актер (индивидуальный или коллективный) никогда не дан как чисто «социальный субъект»: его интенциональность всегда уже опосредована техническими формами воплощения, памяти и действия.

Будущее региональных онтологий заключается в отказе от рациональности научной деятельности, которая таит в себе естественную установку. Это важная задача в формальном и общем плане для теории познания, которая, в свою очередь, осуществляется на территории трансцендентальной феноменологии, такой дисциплины, которая, будучи отстраненной от веры в существование только природного мира, свободна также от метафизических предпосылок и, таким образом, может представить собой основание для окончательного прояснения бытия социотехнической реальности. Кроме того, принципиально важным является разработка типологии онтологических регионов. Если раньше можно было уверенно утверждать, что онтологический регион является областью, в которой существуют физические объекты и процессы, то сейчас к названному можно добавить функционирование организаций, социальных институтов, а также области модулируемых систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Luft S. Husserl's Theory of the Phenomenological Reduction: Between Life-world and Cartesianism // *Research in Phenomenology*. 2004. Vol. 34, iss. 1. P. 198–234. DOI: <https://doi.org/10.1163/1569164042404518>.
2. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. Husserl E. On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time (1893-1917) / transl. from German by Jo. Barnett Brough. Berlin: Springer, 2008.
4. Gurwitsch A. The Last Work of Edmund Husserl // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1956. Vol. 16, iss. 3. P. 380–399. DOI: <https://doi.org/10.2307/2104718>.
5. Majolino C. The infinite academy: Husserl on how to be a Platonist with some (Aristotelian) help // *The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy*. Vol. XV. London; NY: Routledge, 2018. P. 164–221.

6. Trizio E. The Telos of Consciousness and the Telos of World History // HUMANA.MENTE J. of Philosophical Studies. 2018. Vol. 11, no. 34. P. 77–103.

7. Trizio E. What is the crisis of Western sciences? // Husserl Studies. 2016. Vol. 32, iss. 3. P. 191–211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10743-016-9194-8>.

8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. Михайлова А. В. М.: Академ. проект, 2009.

9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I. Прологомены к чистой логике / пер. с нем. Э. А. Бернштейн; под ред. С. А. Франка. М.: Академ. проект, 2011.

10. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А. Г. Чернякова. СПб.: НОУ «ВРФШ», 2001.

Информация об авторах.

Борисова Татьяна Вадимовна – доктор философских наук (2005), профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара 443100, Россия. Автор 57 научных публикаций. Сфера научных интересов: онтология, теория познания, социальная философия.

Исаев Роман Олегович – кандидат философских наук (2019), доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара 443100, Россия. Автор 39 научных публикаций. Сфера научных интересов: устойчивое развитие, методология, онтология и теория познания.

Стоцкая Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук (2010), профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара 443100, Россия. Автор 86 научных публикаций. Сфера научных интересов: онтология и теория познания.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 04.06.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.

REFERENCES

1. Luft, S. (2004), "Husserl's Theory of the Phenomenological Reduction: Between Life-world and Cartesianism", *Research in Phenomenology*, vol. 34, iss. 1, pp. 198–234. DOI: <https://doi.org/10.1163/1569164042404518>.

2. Stepin, V.S. (2000), *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge], Progress-Traditsiya, Moscow, RUS.

3. Husserl, E. (2008), *On the Phenomenology of the Consciousness of Internal Time (1893-1917)*, Transl. by Jo. Barnett Brough, Springer, Berlin, GER.

4. Gurwitsch, A. (1956), "The Last Work of Edmund Husserl", *Philosophy and Phenomenological Research*, vol. 16, iss. 3, pp. 380–399. DOI: <https://doi.org/10.2307/2104718>.

5. Majolino, C. (2018), "The infinite academy: Husserl on how to be a Platonist with some (Aristotelian) help", *The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy*, vol. XV, Routledge, London; NY, USA, pp. 164–221.

6. Trizio, E. (2018). "The Telos of Consciousness and the Telos of World History", *HUMANA.MENTE J. of Philosophical Studies*, vol. 11, no. 34, pp. 77–103.

7. Trizio, E. (2016), "What is the crisis of Western sciences?", *Husserl Studies*, vol. 32, iss. 3, pp. 191–211. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10743-016-9194-8>.

8. Husserl, E. (2009), *Ideen zu einer reinen phanomenologie und phanomenologischen philosophie*, Transl. by Mikhailov, A.V., Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.

9. Husserl, E. (2011), *Logische Untersuchungen. Erster band. Prolegomena zur reinen Logik*, Transl. by Bernshtein, A., in Frank, S.A. (ed.), Akademicheskii proekt, Moscow, RUS.

10. Heidegger, M. (2001), *Die Grundprobleme der Phänomenologie*, Transl. by Chernyakova, A.G., NOU "VRFSH", SPb., RUS.

Information about the authors.

Tatyana V. Borisova – Dr. Sci. (Philosophy, 2005), Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara 443100, Russia. The author of 57 scientific publications. Area of expertise: ontology, theory of knowledge, social philosophy.

Roman O. Isaev – Can. Sci. (Philosophy, 2019), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara 443100, Russia. The author of 39 scientific publications. Area of expertise: sustainable development, methodology, ontology and theory of knowledge.

Tatyana G. Stotskaya – Dr. Sci. (Philosophy, 2010), Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Samara State Technical University, 244 Molodogvardeyskaya str., Samara 443100, Russia. The author of 86 scientific publications. Area of expertise: ontology and theory of knowledge.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 04.06.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 20.02.2026.

Оригинальная статья
УДК 316.323.2(075.8); 316.016
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-56-73>

Управление дестинациями как инструмент региональной политики в области туризма

Ирина Федоровна Игнатьева¹, **Борис Акимович Исаев²**

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия

¹iifed@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-1912>

²isaevboris@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0125-9706>

Введение. Туризм должен быть движущей силой экономики, создавая рабочие места, внося свой вклад в активный образ жизни принимающих сообществ. В этой связи исследование формирования политики развития туризма и управления дестинацией является несомненно актуальным. Анализ взаимосвязи управления туристскими дестинациями с рекомендациями политики развития туризма является мало исследованным аспектом. Целью данной статьи является исследование управления дестинациями в аспекте формирования региональной политики в области туризма.

Методология и источники. Методологией статьи являются концептуальные социологические положения по управлению туристскими дестинациями, опирающиеся на широкий круг авторов и устоявшиеся социологические теории. Ключевое влияние оказывают идеи стратегической координации, сотрудничества заинтересованных групп и концепция устойчивого развития в управлении туризмом.

Результаты и обсуждение. В статье рассмотрена взаимосвязь и даны определения понятий «политика в области туризма» и «управление дестинациями». Взаимосвязь выражается в том, что управление направлениями как инструмент региональной политики развития туризма реализует планы, установленные политикой. Управление туристской дестинацией функционирует на оперативном и тактическом уровнях, уровне конкретного места назначения. Туристская политика – это коллективные руководящие принципы, стратегии и правила, которые используются правительствами и организациями для управления отраслью туризма. Политика создает структуру, в рамках которой осуществляется управление дестинациями.

Заключение. Управление туристскими территориями является ключевым инструментом региональной политики в области туризма, координирующим все аспекты туристского направления для обеспечения его устойчивости и конкурентоспособности. Оно предполагает совместные усилия заинтересованных сторон, таких как бизнес, правительство и сообщество. Интегрируя различные управленческие функции и согласовывая их с другими региональными стратегиями, такими как развитие транспорта и охрана окружающей среды, управление туристскими направлениями может создавать целостные и качественные впечатления для посетителей, одновременно поддерживая местное сообщество.

© Игнатьева И. Ф., Исаев Б. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: туристская дестинация, туристское направление, туристская территория, управление дестинацией, формирование региональной политики, политика развития туризма

Для цитирования: Игнатьева И. Ф., Исаев Б. А. Управление дестинациями как инструмент региональной политики в области туризма // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 56–73. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-56-73

Original paper

Destination Management as a Tool of Regional Tourism Policy

*Irina F. Ignatyeva*¹✉, *Boris A. Isaev*²

¹*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St Petersburg, Russia*

¹✉*ijfed@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0437-1912>*

²*isaevboris@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0125-9706>*

Introduction. Tourism should be the driving force of the economy, creating jobs, contributing to the active lifestyle of the host communities. In this regard, the study of the formation of tourism development policy and destination management is undoubtedly relevant. The analysis of the relationship between the management of tourist destinations and the recommendations of the tourism development policy is an under-researched aspect of the tourist destination management. The purpose of this article is to study the management of destinations in the context of shaping regional tourism policy.

Methodology and sources. The methodology of the article is based on conceptual sociological provisions on the management of tourist destinations, based on a wide range of authors and well-established sociological theories. The key influences include the ideas of strategic coordination, cooperation of interest groups and the concept of sustainable development in tourism management.

Results and discussion. The article examines the relationship and defines the concepts of “tourism policy” and “destination management”. The relationship is expressed in the fact that destination management as an instrument of regional tourism development policy implements the plans set by that policy. The management of a tourist destination operates at the operational and tactical levels, at the level of a specific place/ locality. Tourism policy is the collective guiding principles, strategies, and rules that are used by governments and organizations to manage the tourism industry. Policy creates a structure within which destinations are managed.

Conclusion. Tourist destination management is a key tool of regional tourism policy, coordinating all aspects of a tourist destination to ensure its sustainability and competitiveness. It involves the joint efforts of stakeholders such as business, government and the community. By integrating various management functions and aligning them with other regional strategies such as transportation development and environmental protection, tourist destination management can create a holistic and high-quality visitor experience while supporting the local community.

Keywords: tourist destination, tourist territory, destination management, formation of regional policy, tourism development policy

For citation: Ignatyeva, I.F. and Isaev, B.A. (2026), “Destination Management as a Tool of Regional Tourism Policy”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 56–73. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-56-73 (Russia).

Введение. Оптимальный подход к управлению туристскими дестинациями предполагает рассмотрение управления как целостного процесса, который гарантирует, что туризм

принесет положительные результаты для экономики, социальной сферы и экологии социально-территориального образования. Туризм должен быть движущей силой экономики, создавая рабочие места, и вносить свой вклад в активный образ жизни принимающих сообществ. В этой связи исследование формирования политики развития туризма и управления дестинацией является несомненно актуальным.

Цель данной статьи – исследование управления дестинациями в аспекте формирования региональной политики в области туризма. Анализ взаимосвязи управления туристскими дестинациями с рекомендациями политики развития туризма является мало исследованным и новым аспектом. Эффективная политика управления туризмом предполагает, что он должен оставлять позитивное наследие для будущих поколений. Важно, чтобы туристский сектор рассматривался в широком контексте регионального развития, и его общий вклад в экономическое и геополитическое развитие региона основывался на учете социальных особенностей жизни местного населения.

Методология и источники. Концептуальные социологические положения по управлению туристскими дестинациями опираются на широкий круг авторов и устоявшиеся социологические теории. Ключевое влияние оказывают общая методология социальных наук, теория общественного развития и концепция устойчивого развития в управлении туризмом.

Источниками исследования в данной статье являются работы известных зарубежных и отечественных авторов в области социологии туризма и социологии управления (М. А. Морозов, М. Н. Войт, А. П. Дурович, Н. Л. Захаров, С. Н. Малявин, М. Б. Перфильева, К. В. Кружалин, Т. В. Рассохина, Дж.-В. Ричи, Г.-И. Крауч, К. М. Холл и др.).

В области социологии управления теоретической основой послужили идеи теории социальных регуляторов, разработанной профессором Н. Л. Захаровым [1] и нашедшей продолжение в трудах представителей научной школы «социальных регуляторов» [2–5].

В литературе по социологии туризма можно выделить основные идеи, которые внесли значительный вклад в развитие концепции управления туристскими дестинациями и послужили источниками для данной статьи.

Работы М. А. Морозова, А. П. Дуровича и других ученых являются примерами пространственного, географического подхода в трактовке туристской дестинации и предлагают рассматривать ее как территорию, представляющую туристский интерес, имеющую определенный набор услуг, которые отвечают потребностям туриста и удовлетворяют его спрос на транспорт, ночлег, питание, развлечения и т. д. [6, 7].

Многие авторы предлагают идеи, связанные с устойчивым развитием туризма. Устойчивое развитие – это важнейший инструмент продвижения туризма, позволяющий сбалансировать потребности посетителей, местных жителей, предприятий и окружающей среды. В. И. Кружалин, Т. Н. Меньшикова, К. В. Кружалин и Т. В. Рассохина активно продвигают теорию и методологию управления устойчивым развитием туристских дестинаций, в том числе в контексте управления [8, 9]. Дж.-Б. Ричи, Г.-И. Крауч разрабатывают идею конкурентоспособного туристского направления. Концептуальной основой для понимания конкурентоспособности дестинации и управления ею является системный подход, объединяющий конкурентоспособность и устойчивость. Это позволяет предложить стратегический управленческий взгляд на то, как анализировать и улучшать долгосрочный успех туристского направления, уравнивая факторы конкуренции с аспектами устойчивости [10].

Для концептуального раскрытия управления туристскими дестинациями важны также идеи стратегической координации (Е. Г. Гущина, А. Г. Нестерова, Б. Абдул Хуссейн, И. В. Бушуева, И. Ю. Кузовлева и др.). Стратегическая координация объединяет государственных и частных партнеров для управления всеми элементами пункта назначения ради достижения общей цели, избегая дублирования и устраняя пробелы в управлении [11–13].

В литературе активно продвигается идея интегрированного менеджмента (С. Ю. Гришин, С. И. Шукшин, Д. А. Котельников, К. М. Холл и др.), который увязывает туризм с другими направлениями региональной политики, такими как экономика, окружающая среда и транспорт, для обеспечения согласованного развития [14–16]. К. М. Холл особое внимание уделяет созданию сетей и интеграции туризма в более широкие экологические и социально-экономические системы [17].

Разрабатываются идеи маркетинга и продвижения территории, направленные на улучшение впечатлений посетителей (Е. А. Джанджугазова с соавторами, Т. В. Полякова, Ю. И. Дубова, Т. В. Сачук, Д. П. Фролов и др.) [18–21]. Туристская дестинация развивается, чтобы стать более широким стратегическим лидером в определенной категории туристских продуктов. Улучшение впечатлений посетителей управляет аспектами, которые непосредственно влияют на восприятие туристов, включая информацию, размещение и достопримечательности.

Проблемы сотрудничества с заинтересованными сторонами развивают А. Д. Чудновский, М. А. Жукова, Дж. Бхаттачария и др. [22; 23]. Сотрудничество с заинтересованными сторонами направлено на создание коалиции различных организаций и заинтересованных групп для достижения общей цели, такой как обеспечение долгосрочной конкурентоспособности и устойчивости места назначения. Особенно следует отметить идеи сотрудничества с местным сообществом, признание его потребности в автономии и коллективной идентичности (опирающиеся на концепции солидарности и инициативности) [23].

Перечисленные идеи являются основами концепции туристской дестинации. Вместе с тем связь управления туристской дестинацией с концепциями политики развития туризма исследована недостаточно и нуждается в дальнейшем изучении. Данная статья, в целом, носит концептуальный характер. В ней обосновываются положения концепции управления дестинациями. Используются исторические и описательные методы в сочетании с общенаучными методами. Индуктивно-дедуктивный метод и методы аналогии применяются при определении политики в области туризма и определении управления дестинациями как инструмента региональной политики в этой области.

В статье используется сравнительный анализ (бенчмаркинг) организации и управления туризмом в России и за рубежом. Проводится анализ правовых норм, результаты которого или их обобщение являются основой для метода моделирования, т. е. предложения модели организации (обустройства) управления туристскими дестинациями в России. Также применяются логические методы, метод обобщения и абстрагирования, которые впоследствии служат для выполнения поставленных целей и подтверждения или опровержения выводов авторов.

Результаты и обсуждение.

Концепции туристской дестинации. Термин «туристская дестинация» в русском языке часто используется как синоним понятий «туристское направление», «пункт назначения», «место назначения», «туристский регион», «туристская территория». Все эти понятия

в англоязычной литературе обозначаются термином «дестинация» (destination). В российской науке о туризме они используются, обогащая и высвечивая основные и дополнительные смыслы данного термина. «Туризм следует понимать, как явление, зависящее от территории, при котором потоки и виды деятельности происходят неравномерно в разных странах, регионах, муниципалитетах или любых других территориальных образованиях. Тесная связь между туризмом и территорией существует не только потому, что природная или застроенная территория часто является главной туристской достопримечательностью (экзотический пляж, оживленный город), но и потому, что территория и перемещения по ней во многом определяют туристские поездки, характер предложения, удовлетворяющего потребности посетителей, и, следовательно, связь с потенциальным благосостоянием» [24].

Особенности дестинации представлены набором различных услуг, сосредоточенных в определенном месте или на территории. Они предоставляются посетителям в соответствии с туристским потенциалом и определяют привлекательность данного места или региона [25, s. 8–10]. Часто дестинация представляет собой то природное целое, которое, с точки зрения условий для развития туризма, обладает уникальными свойствами, отличающими его от других направлений [26, s. 12]. Главными для дестинации являются факторы, определяющие ее привлекательность: клиентоориентированный сервис и развитая туристская инфраструктура. Следствием влияния этих факторов является значительная долгосрочная концентрация посетителей в соответствующих местах назначения (дестинациях).

Характеристиками дестинации как пункта назначения являются, во-первых, частый выбор данной территории посетителями, во-вторых, дестинация является географическим пространством – государством, регионом, местом, курортом, в-третьих, место становится туристским направлением (дестинацией), если оно позиционирует себя таковым. Для этого оно должно быть оборудовано услугами проживания, аттракциями, набором удобств для туристов, направленных на удовлетворение их потребностей в самых разнообразных сегментах [27, s. 78].

Согласно Всемирной туристской организации (UNWTO), «туристская дестинация – это физическое место, где посетитель проводит ночь» [28, p. 8]. Туристскую дестинацию часто определяют как территорию, предлагающую определенный набор услуг, которые отвечают потребностям туриста и удовлетворяют его спрос на транспорт, ночлег, питание, развлечения и т. д. [6, 7]. Туристская дестинация – это территория, для которой характерен определенный вид (виды) туризма. Последний объединяет и унифицирует различные элементы данного региона, но в то же время отличает его от других.

Туристские регионы (дестинации) обычно не соответствуют территориальному делению государства, поскольку туриста в первую очередь интересуют не административные границы, а определенная компактная территория, предоставляющая возможности осуществлять конкретные мероприятия. Каждая туристская страна определяет количество регионов туристского маркетинга в соответствии со своими ресурсами. Туристские регионы могут быть дополнительно разделены на более мелкие территории – туристские зоны, которые представляют собой некоторую целостность в восприятии туриста и продвигаются как единый регион.

Как правило, отдельные страны всесторонне представляют свои регионы, рекламируют их возможности, продвигают туристские продукты, предлагаемые отдельными операторами [29, с. 58–95; 30, с. 26–28]. Основой для продвижения туристского региона на рынке явля-

ется наличие турпродуктов. Они служат главным образом для презентации страны за рубежом, а также поддержки внутреннего туризма.

В литературе имеются различные подходы, которые становятся основой для классификации видов дестинаций [31, с. 7]:

– географический подход обычно предусматривает разделение туристских территорий в соответствии с важными географическими (геоморфологическими) единицами (например, горами, горными районами, морем, побережьем, городами, курортами и т. д.);

– подход пространственного планирования разграничивает территории в соответствии с дифференциацией их функционального использования и значимостью для туризма;

– нормативный подход, тесно связанный с предыдущим, определяет возможности отдельных регионов (зон) и пределы их использования и загрузки;

– маркетинговый подход основан на прагматичной необходимости максимально эффективно продвигать туристское предложение территории на национальном или региональном уровнях;

– психологический подход связан с восприятием пункта назначения (региона/местности) самим посетителем, соответственно с его опытом и ассоциациями. В таком случае пункт назначения (дестинация) определяется с точки зрения спроса. Для этой цели используются так называемые ментальные (когнитивные) карты [32].

Для целей управления дестинацию необходимо рассматривать с двух точек зрения. Первая точка зрения (организационная) заключается в том, что пункт назначения представляет собой территорию, особенности которой определяют партнеров по сотрудничеству. И. Эльбе с соавторами [33, р. 288] называют пункт назначения «сетью взаимосвязанных субъектов туризма». Вторая точка зрения – маркетинговая – рассматривает дестинацию как туристский продукт, т. е. полный набор туристских предложений данной территории, состоящий из первичного предложения или природного и культурно-исторического потенциала, и вторичного предложения, т. е. туристской инфраструктуры и предоставляемых услуг. Дестинация в этом смысле является предметом покупки, продажи и потребления. Ключевую роль здесь играет маркетинг, с помощью которого можно существенно влиять на рынок, спрос на туристские продукты данного направления и на жизненный цикл дестинации (этапы развития пункта назначения) [26, с. 18].

Таким образом, понятие «туристская дестинация» как категория социальной науки наиболее часто используется в качестве синонима понятий «место назначения», «место пребывания», «туристское направление», «туристский регион», «территория, привлекающая туристов». Термин «дестинация» наполняется все более глубокими смыслами в объективном и субъективном аспектах. В объективном аспекте – это некий регион, обладающий определенными качествами. Объективные качества региона связаны с его ресурсами, развитием, продвижением, имиджем и рекламой. В субъективном аспекте – это место, куда стремятся попасть туристы. Это аспект восприятия туристов, их привлечения, лояльности, удовлетворенности. Поскольку туристская дестинация является самостоятельным продуктом и отдельной единицей в индустрии туризма, управление дестинацией должно осуществляться в рамках этой целостности, несмотря на несовпадение административных, политических и субъективно воспринимаемых границ.

Понятие управления дестинацией. Управление туристской дестинацией представляет собой согласованный стратегический подход, связанный с координацией всех элементов туристского направления для обеспечения его конкурентоспособности и устойчивости [34]. Это способствует привлечению посетителей, продвижению методов ответственного туризма. Управление пунктом назначения как процесс включает в себя управление финансами, управление рекреационными ресурсами, управление человеческими ресурсами и антикризисное управление [35, с. 47]. Оно охватывает весь спектр мероприятий, связанных с координацией туристской деятельности, включая постановку целей, разработку стратегий, распределение ресурсов, мониторинг эффективности. Ключевые аспекты управления туристским направлением предполагают разработку долгосрочного видения развития, определение уникальных точек продаж, анализ целевых рынков, обеспечение устойчивого использования природных и культурных ресурсов, а также управление впечатлениями посетителей, управление воздействием туризма на окружающую среду и местные сообщества. Это означает выполнение таких функций, как стратегическое планирование и управление эффективностью. По сути, управление дестинацией стремится к тому, чтобы место было хорошо развитым, устойчивым, привлекательным для посетителей, при этом уважало местное сообщество и приносило ему пользу. Процесс управления направлением должен включать в себя как социологический анализ спроса (потребностей посетителей), так и предложения (продукта или впечатления), учитывать социальные последствия развития туризма [36, р. 24]. Планирование, разработка туристского продукта и маркетинговая деятельность должны основываться на исследованиях потребностей клиентов и принимающего сообщества.

Зарубежные авторы Дж.-В. Ричи и Г.-И. Крауч считают конкурентоспособность и устойчивость ключевыми функциями управления туристскими направлениями [10, р. 152]. Применение управления дестинациями приводит к достижению устойчивого развития туризма, укреплению позиций дестинации на рынке, достижению всестороннего роста в виде увеличения занятости, увеличения поступлений в бюджеты и т. д.

В широком смысле управление дестинациями обычно понимается как сотрудничество поставщиков услуг с целью более эффективного управления туризмом на определенной территории. Эффективность управления направлением достигается за счет соблюдения основных принципов, которые впоследствии способствуют ее систематическому, гармоничному и всестороннему развитию [6]. Имеются в виду следующие принципы:

- оптимальное использование природных и культурных (а также человеческих) ресурсов;
- улучшение коммуникации между заинтересованными сторонами в сфере туризма;
- создание возможности для операторов участвовать в туристской деятельности;
- глубокое понимание и разрешение проблем туризма;
- усиление эффективного маркетинга;
- повышение качества туристских продуктов;
- усиление поддержки со стороны местных сообществ;
- минимизация негативного воздействия туризма.

Целью управления дестинацией является предоставление потребителю целостного качественного туристского продукта на всей территории, воспринимаемой туристами как единое целое.

Политика в области туризма. Сутью формирования региональной политики в области туризма являются разработка и реализация общегосударственной или региональной стратегии развития туризма на уровне региона. Ее задача – достижение социально-экономических и политических целей, связанных с развитием туризма, например, поддержка внутреннего или въездного туризма, создание рабочих мест. Основные направления деятельности – разработка стратегий, правил и руководств по развитию туризма. Методы – государственное регулирование (запреты, разрешения, лицензирование), финансовая поддержка, определение приоритетных видов туризма, создание правовой базы. Примером реализации такой политики, в частности, может послужить разработка федеральной программы поддержки сельского туризма или создание регионального фонда для субсидирования строительства гостиниц.

Региональная политика в области туризма, в отличие от других, частных, аспектов управления туризмом, функционирует на более высоком стратегическом уровне. Она охватывает более крупный географический регион (например, республику или область, штат или группу провинций). Ее задача – направлять долгосрочное развитие туризма в соответствии с национальными и региональными целями.

В Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» указывается: «Основными целями государственного регулирования туристской деятельности являются: обеспечение права граждан на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий; охрана окружающей среды; создание условий для деятельности, направленной на воспитание, образование и оздоровление туристов; развитие туристской индустрии, обеспечивающей потребности граждан при совершении путешествий, создание новых рабочих мест, увеличение доходов государства и граждан Российской Федерации, развитие международных контактов, сохранение объектов туристского показа, рациональное использование природного и культурного наследия. Приоритетными направлениями государственного регулирования туристской деятельности являются поддержка и развитие внутреннего туризма, въездного туризма, социального туризма, сельского туризма, детского туризма и самодетельного туризма» [37].

Политика в области туризма – это стратегические рамки и руководящие принципы, разработанные правительствами для управления и продвижения туристской деятельности, обеспечения устойчивого экономического роста, сохранения культуры и окружающей среды. Она разработана с целью содействия сбалансированному и устойчивому развитию туризма, обеспечивающему удовлетворение экономических, социальных и экологических потребностей. Эта политика часто предполагает сотрудничество между государственным и частным секторами для повышения конкурентоспособности туристских направлений, улучшения инфраструктуры и обеспечения положительных впечатлений как для посетителей, так и для местных сообществ. Ключевые элементы эффективной туристской политики включают в себя маркетинговые стратегии, нормативные акты и механизмы финансирования, которые направлены на максимизацию выгод при минимизации потенциальных негативных последствий [38].

Как набор нормативных актов, стратегий и руководящих принципов туристская политика направляет развитие ресурсов дестинации и управление ими. Политика в области туризма может существенно различаться в разных странах в зависимости от культурных, эко-

номических и экологических факторов [39]. Например, страна может проводить политику, направленную на развитие экологического туризма, минимизацию негативного воздействия на окружающую среду и максимизацию выгод для местного сообщества.

Разработка всесторонней политики в области туризма включает в себя несколько важнейших компонентов, каждый из которых вносит свой вклад в общую структуру, поддерживающую устойчивое развитие туризма [40]. К этим компонентам относятся: регулирующие меры – принятие законов и нормативных актов, обеспечивающих устойчивое использование туристических ресурсов; стратегическое планирование, определяющее развитие туризма в течение определенного периода; маркетинг и продвижение, определяющие стратегии привлечения туристов путем обращения внимания на уникальные достопримечательности места назначения; развитие инфраструктуры (инвестиции в транспорт, жилые помещения и другие объекты); взаимодействие с заинтересованными сторонами (сотрудничество с местными сообществами, предприятиями, объединениями и др.). При этом взаимодействие с местными сообществами является краеугольным камнем эффективной политики в области туризма. Вовлекая местные заинтересованные стороны, разработчики политики могут обеспечить не только выгоды для посетителей, но и решение многих социальных проблем, связанных с разрушением культуры и истощением ресурсов.

Любая политика в области туризма разрабатывается с учетом ряда конкретных целей, направленных на увеличение положительных результатов, которые может принести туризм, при одновременном устранении потенциальных недостатков [41, с. 32–47]. В широком смысле эти цели часто включают в себя экономическое развитие (стимулирование местной и национальной экономики за счет увеличения доходов от туризма), экологичность (обеспечение таких практик туризма, которые не наносят бы вреда окружающей среде и не истощали природные ресурсы), социальные преимущества (повышение качества жизни местных жителей за счет создания рабочих мест и улучшения инфраструктуры), сохранение культурного наследия места назначения, достижение удовлетворенности посетителей, обеспечение для них приятных и запоминающихся впечатлений.

Разработка туристской политики обычно происходит в несколько этапов, каждый из которых имеет решающее значение для создания эффективных и функциональных руководящих принципов. К ключевым этапам можно отнести:

1. Исследования и анализ, включающий в себя сбор данных о текущих тенденциях туризма, анализ сильных и слабых сторон.
2. Консультации с заинтересованными сторонами, взаимодействие с местными сообществами, предприятиями и другими соответствующими сторонами для сбора информации и обеспечения того, чтобы политика отражала общие интересы.
3. Разработка концепций политики, формулирование первоначальных проектов политических рамок с четкими целями и стратегиями.
4. Реализация, претворение политики в жизнь с использованием соответствующих управленческих ресурсов и механизмов.
5. Мониторинг и постоянная оценка эффективности политики и внесение необходимых коррективов, измерение влияния на сектор туризма.

Воздействие политики на область туризма включает в себя оценку широкого спектра результатов и показателей. Назовем несколько важных аспектов, которые следует учиты-

вать: экономические показатели (изменения в доходах, связанные с туризмом, уровнем занятости и уровнем инвестиций); воздействие на окружающую среду (оценка изменений в природной среде, включая усилия по сохранению и использованию ресурсов); социальные и культурные последствия (оценка благосостояния общества и сохранения культурного наследия); удовлетворенность посетителей (измерение впечатлений и удовлетворенности туристов для обеспечения качества услуг и удобств).

Осуществление эффективной политики в области туризма может значительно повысить эффективность усилий по сохранению окружающей среды. Расставляя приоритеты, применяя устойчивые методы, такая политика может привести к сохранению природных ресурсов, поощрению их грамотного использования, поддержке защиты биоразнообразия, сокращению загрязнения, внедрению правил, ограничивающих выбросы и отходы в туристских зонах.

Взаимосвязь процессов управления дестинацией и политики развития туризма в регионе. Управление направлением реализует планы, установленные политикой. Управление туристской дестинацией функционирует на оперативном и тактическом уровнях, охватывает конкретное место назначения (например, город или парк). Политика создает структуру, в рамках которой работает управление дестинацией.

Управление дестинациями выступает инструментом реализации региональной политики в области туризма, которая в свою очередь определяется государственными и международными программами развития туризма. Управление туристскими направлениями как инструмент региональной политики в области туризма координирует все аспекты деятельности составляющих дестинации для обеспечения ее устойчивости и конкурентоспособности.

Основные функции управления туристскими направлениями в региональной политике – это стратегическая координация, интегрированный менеджмент, разработка новых турпродуктов, сотрудничество с заинтересованными сторонами, улучшение впечатлений посетителей, региональный маркетинг и продвижение направления, устойчивое развитие.

Стратегическая координация объединяет государственных и частных партнеров для управления всеми элементами пункта назначения ради достижения общей цели, избегая дублирования и устраняя пробелы в управлении. Интегрированный менеджмент увязывает туризм с другими направлениями региональной политики, такими как экономика, окружающая среда и транспорт и прочими, для обеспечения согласованного развития. Разработка турпродукта поощряет появление отдельных продуктов, создающих новые впечатления в регионе, объединяя их в единое региональное туристское предложение. Сотрудничество с заинтересованными сторонами, направленное на создание коалиции различных организаций и заинтересованных групп для достижения общей цели, позволяет обеспечить долгосрочную конкурентоспособность и устойчивость места назначения.

Что отличает понятия «управление дестинацией» от понятия «региональная политика в области туризма»? Понятие «управление туристской дестинацией» включает в себя и внешний (регулирующие усилия со стороны государства) и внутренний (региональный) аспекты управления территорией. Если сравнивать эти понятия в целом, управление дестинацией – это операционная и тактическая деятельность по регулированию в конкретной туристской территории (городе, регионе), направленная на повышение ее конкурентоспособности и привлекательности. Формирование региональной политики в области туризма – это более широкая, стратегическая и государственная функция, которая определяет общие цели,

приоритеты и методы развития туризма в масштабах региона, устанавливая правовые и экономические рамки.

Различие этих понятий заключается в масштабах и функциях. Управление туристской дестинацией – это скоординированное оперативное управление элементами конкретного туристского места назначения, в то время как формирование региональной политики в области туризма – это стратегический процесс высокого уровня по созданию правил и руководств, которые влияют на развитие туризма в этом регионе. Управление туристскими направлениями (дестинациями) сосредоточено на вопросах «как» и «что» реализуется на местах (управление достопримечательностями, маркетингом и ресурсами), в то время как формирование политики сосредоточено на вопросах «почему» и «в каком направлении» идет развитие всего региона (постановка целей, разработка правил и планирование долгосрочного развития) [42].

Термин «политика в области туризма» зачастую употребляется без уточнения аспекта его применения. Вместе с тем при анализе политики туризма следует уточнять, со стороны каких субъектов она исходит (региональные власти, государство, международные регулирующие организации). Управление дестинацией реализует планы, установленные политикой.

В целом, управление дестинацией предназначено для регулирования процессов развития туризма в конкретном месте (территории) с четкими границами для удовлетворения потребностей туристов. Целью этого регулирования является улучшение конкретного продукта, повышение его ценности и конкурентоспособности, обеспечение совместной деятельности всех участников отрасли в рамках этой территории. Регулирование затрагивает все аспекты туристского направления для улучшения впечатлений посетителей и достижения местных целей. Методы регулирования включают в себя координацию действий всех заинтересованных сторон (бизнес, местные власти, жители), развитие инфраструктуры, маркетинг, создание уникального турпродукта. Основные направления деятельности – скоординированное управление достопримечательностями, размещение и развлечения, разработка брендов места назначения, создание новых маршрутов, координация работы отелей и ресторанов в пределах туристского центра.

Основные организационные структуры управления дестинацией. В зарубежной практике основными организационными структурами управления выступают DMO (Destination Management Organisations) и DMC (Destination Management Companies). Эти аббревиатуры относятся к ключевой туристской терминологии, которая используется при анализе процессов управления в дестинации [43]. На русский язык эти термины могут быть переведены как «организация по управлению дестинацией» (DMO) и «компания по управлению дестинацией» (DMC). Несмотря на словесное сходство, это разные организации. Каждая по-своему уникальна и имеет свои функции. DMO пытаются ориентировать туристов на различных поставщиков, добиваются этого с помощью нестандартных маркетинговых мероприятий. Они стараются стимулировать рост спроса на местные товары, продвигают имидж, работают над созданием туристского бренда территории.

Для сравнения: компании по управлению туристскими направлениями (DMC) работают как эксперты по всем тонкостям пункта назначения. Они в большей степени сосредоточены на планировании и бронировании поездок и на всех связанных с этим мелких деталях. В основном они

организуют поездки по месту назначения, но также отвечают за организацию корпоративных встреч, поощрительных поездок, конференций и других мероприятий, известных как MICE.

DMS в отличие от DMO – это коммерческие организации, предоставляющие услуги за плату. Это агентства, которые помогают спланировать и реализовать путешествия, мероприятия, конференции и экскурсии. Они специализируются на их реализации, уделяя внимание всем аспектам программы: от перевозки до тематических событий, мероприятий и туров. DMS представляют собой профессиональные компании, которые занимаются организацией туризма на определенной территории.

С точки зрения местного бизнеса установление партнерских или рабочих отношений с DMS является ценным способом привлечения новых клиентов. В то время как DMO пытается стимулировать рост спроса на местные товары, маркетинг и опыт, DMS помогают местным предприятиям напрямую контактировать с туристами. DMS знают не только популярные достопримечательности, но и скрытые «жемчужины» территории, учитывают специфику региона, предлагают свою помощь туристским операторам, знают, как удивить самую искушенную аудиторию. Такие управляющие компании считаются специализированными консультантами, использующими свои экспертные знания местных обычаев, языка, культуры и нюансов своего региона для организации высококачественных поездок или мероприятий. Они отлично знают потребности клиентов. Их целью являются впечатления туристов. Они могут дать рекомендации, какой оператор должен встречать путешественников по прибытии, какой поставщик жилья наилучшим образом удовлетворит их потребности, какие рестораны и мероприятия следует заказать.

Зачастую DMS выступает в качестве третьей стороны, связывающей местные предприятия с потенциальными путешественниками. Наличие DMS означает, что их клиентам придется иметь дело только с одним контактными лицом, а не с несколькими различными поставщиками. Несмотря на то, что DMS сосредоточены на том, чтобы предоставить правильный опыт нужному путешественнику или группе путешественников, они не действуют беспристрастно, как DMO. По этой причине такие компании обычно предпочитают продвигать и продавать продукцию поставщиков, с которыми у них наилучшие отношения или сделки. Используя своих предпочтительных партнеров/поставщиков, DMS могут извлекать выгоду из льготных тарифов и согласованных скидок, которые предлагают консорциумы, и имеют значительную покупательную способность, в конечном счете передавая привилегии своим клиентам.

Подобно спорам о значимости туристских агентств в цифровом мире, в последнее время ведутся дискуссии о будущем DMS. Возможно, правда, что люди могут более уверенно проводить поиск информации и самостоятельно бронировать поездки с помощью Интернета, но комплексная проверка, креативные идеи, управление рисками, актуальная информация и гарантия качества, которые предлагают DMS, бесценны. Такие управляющие компании создают персонализированные маршруты и пакеты услуг на заказ.

В России, как и за рубежом, также действуют подобные управленческие структуры. Иногда используются зарубежные названия и аббревиатуры (DMO и DMS). Организации типа DMO в России – это некоммерческие организации, которые координируют все элементы туристского направления: от достопримечательностей до маркетинга и размещения. Такие организации занимаются разработкой и реализацией стратегий развития туризма, проводят масштабные маркетинговые исследования и собирают статистику, управляют ка-

чеством туристского продукта (государственные и региональные комитеты, департаменты, маркетинговые агентства, управления, министерства и пр.).

Организации типа DMC в России – коммерческие компании, предоставляющие свои услуги туроператорам и туристам: «OLTA TRAVEL» (имеет офисы в Москве, Санкт-Петербурге и на Байкале, предлагает туристские группы опытным гидам и организаторам); «Zest of Russia» (профессиональный организатор в области MICE и досуговых услуг, работает в самых популярных регионах России); «Parallel 60» (известная DMC в России, имеет офисы в Санкт-Петербурге и Москве).

Таким образом, целями создания организационных структур в сфере туризма на различных пространственных уровнях в виде туристских управляющих организаций и компаний является обеспечение эффективного развития туризма и повышение конкурентоспособности дестинации. Однако для выполнения этой миссии необходимо создать надлежащие условия. Они находятся в компетенции туристской политики. Туристские управленческие организации являются носителями туристской политики, разработанной более высокими управленческими структурами, представителями государственной администрации и органов самоуправления.

Заключение. Тесная взаимосвязь туризма с государственной экономикой является основанием при формировании политики в области туризма. Региональная политика в отношении туризма получает свою реализацию в процессе применения управления дестинациями как инструментом региональной политики в области туризма. В статье рассмотрена взаимосвязь и даны определения понятий «политика в области туризма» и «управление туристской дестинацией» как инструмент региональной политики в области туризма. Взаимосвязь между этими понятиями выражается в том, что управление направлением реализует планы, установленные политикой. Управление туристской дестинацией функционирует на оперативном и тактическом уровнях, работает на уровне конкретного места назначения. Туристская политика – это коллективные руководящие принципы, стратегии и правила, которые используются правительствами и организациями для управления отраслью туризма и содействия ее развитию. Политика создает структуру, в рамках которой работает управление дестинациями.

Управление туристскими направлениями является ключевым инструментом региональной политики в области туризма, координирующим все аспекты туристского направления для обеспечения его устойчивости и конкурентоспособности. Оно предполагает совместные усилия заинтересованных сторон, таких как бизнес, правительство и сообщество, для стратегического управления достопримечательностями, услугами, инфраструктурой и маркетингом региона. Интегрируя различные управленческие функции и согласовывая их с другими региональными стратегиями, такими как транспорт и охрана окружающей среды, управление туристическими направлениями может создавать целостные и качественные впечатления для посетителей, одновременно поддерживая местное экономическое развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров Н. Л. Организационное поведение государственных служащих. М.: ИНФРА-М, 2020.
2. Померанцева Е. П. Модели управления персоналом: исследования, разработки, внедрения. М.: Вершина, 2006.
3. Захаров Н. Л., Пономаренко Б. Т., Перфильева М. Б. Управление настроением персонала в организации. М.: Инфра-М, 2018.

4. Захаров Н. Л., Кузнецов А. Л. Управление социальным развитием организации. М.: ИНФРА-М, 2015.
5. Шелонаев С. И. Репутационный менеджмент // Технологии общественной коммуникации. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. С. 90–123.
6. Морозов М. А., Войт М. Н. Теоретико-экономическое содержание понятия «туристская дестинация» // Вестн. РосНОУ. 2013. № 2. С. 188–195.
7. Дурович А. П. Концептуальные подходы формирования систем государственного управления туризмом в Республике Беларусь // Беларусь в современном мире: материалы I Республиканской науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2002 г. / Минск: БГУ, 2003. С. 257–269.
8. Кружалин В. И., Меньшикова Т. Н., Кружалин К. В. Стратегическое планирование как основа устойчивого развития туризма в регионах российской федерации // Географический вестник (Geographical Bulletin). 2022. № 1 (60). С. 136–149. DOI: <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-1-136-149>.
9. Рассохина Т. В. Управление устойчивым развитием туристских дестинаций: теория и методология. М.: Креативная экономика, 2018.
10. Ritchie J.-B., Crouch G.-I. The competitive destination: a sustainable tourism perspective. Wallingford: CAB International, 2003.
11. Гущина Е. Г., Нестерова А. Г., Абдул Хуссейн Б. Стратегическое управление региональными туристскими ресурсами как фактор развития территории в новых условиях // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11, № 3. С. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.3.4>.
12. Бушуева И. В. Новые стратегические приоритеты развития туризма в России // Сервис Plus. 2019. Т. 13, № 4. С. 25–33. DOI: [10.24411/2413-693X-2019-10404](https://doi.org/10.24411/2413-693X-2019-10404).
13. Кузовлева И. Ю. Особенности формирования региональной политики туризма в России // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 2 (6). С. 66–72.
14. Гришин С. Ю. Формирование интегрированной системы управления туристической деятельностью в современных условиях // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2014. № 1 (19). С. 131–139.
15. Шукшин С. И. Теоретико-управленческие основы интеграционных процессов в сфере туризма // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 47–55. DOI: [10.26163/GIEF.2022.52.43.008](https://doi.org/10.26163/GIEF.2022.52.43.008).
16. Котельников Д. А. Пространственная интеграция туристских регионов: путь развития в условиях новых вызовов // Изв. СПбГЭУ. 2022. № 3 (135). С. 75–81.
17. Hall M. C. Tourism Planning: Policies, Processes and Relationships. Harlow: Prentice Hall, 2000.
18. Джанджугазова Е. А., Фаизова Г., Черникова Л. И. Туризм и региональное развитие в условиях новых российских реалий. М.: РУСАЙН, 2018.
19. Полякова Т. В., Дубова Ю. И. Маркетинг территорий как инструмент формирования благоприятного имиджа и туристической привлекательности регионов. Волгоград: Изд-во ВолгГТУ, 2015.
20. Сачук Т. В. Территориальный маркетинг: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2009.
21. Фролов Д. П. Маркетинговая парадигма регионального развития. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2013.
22. Жукова М. А., Чудновский А. Д. Управление индустрией туризма России в современных условиях: учеб. пособие. М.: КноРус, 2015.
23. Bhattacharyya J. Theorizing Community Development // J. of the Community Development Society. 2004. Vol. 34, iss. 2. P. 5–34. DOI: <https://doi.org/10.1080/15575330409490110>.
24. A Closer Look at Tourism: Sub-national Measurement and Analysis – INRouTe-UNWTO Collaboration // UN Tourism. 02.10.2025. URL: https://www.untourism.int/project/UNWTO_INRouTe (дата обращения: 09.10.2025).
25. Palatková M. Marketingová strategie destinace cestovního ruchu: Jak získat více příjmů z cestovního ruchu. Vyd. 1. Praha: Grada Publishing, 2006.
26. Kiráľová A. Marketing: destinace cestovního ruchu. Vyd. 1. Praha: Ekopress, 2003.
27. Nejdľ K. Management destinace cestovního ruchu. Vyd. 1. Praha: Vysoká škola hotelová v Praze, 2010.

28. A Practical Guide to Tourism Destination Management. Madrid: World Tourism Organization, 2007.
29. Технологии управления репутацией / А. П. Валицкая, И. Ф. Игнатьева, Н. Л. Леонтьева и др.: учеб.-метод. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
30. Игнатьева И. Ф. Технические артефакты в памяти социума: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / СПбГУ. Санкт-Петербург, 1995.
31. Návrh nové rajonizace cestovního ruchu ČR / J. Vystoupil, A. Holešinská, J. Kunc, M. Šauer. Vyd. 1. Brno: ESF MU, 2007.
32. Spilková J. Možnosti využití konceptu mentálních map v ekonomické geografii // Kognice 2006. Sborník konferenčních příspěvků, 6-7 října 2006 / Psychologický ústav Akademie věd ČR. Praha: Brno, 2006. S. 183–186.
33. Elbe J., Hallén L., Axelsson B. The Destination-management Organisation and the Integrative Destination-marketing Process // Int. J. of Tourism Research. 2009. Vol. 11, no. 3. P. 283–293.
34. Destination Management and why it's important // Ministry of Business, Innovation & Employment New Zealand. URL: <https://www.mbie.govt.nz/immigration-and-tourism/tourism/tourism-projects/destination-management-guidelines/destination-management-and-why-its-important> (дата обращения: 18.06.2025).
35. Holešinská A. Destinační management jako nástroj regionální politiky cestovního ruchu (Destination Management as an Instrument of Regional Tourism Policy). Brno: Masarykova univerzita, 2012.
36. The guide to best practice Destination Management // Australian Standing Committee on Tourism. 2020. URL: <https://images.impartmedia.com/qica.com.au/stories/qica-pdf/dmguide.pdf> (дата обращения: 18.06.2025).
37. Федеральный закон от 24.11.1996 N 132-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/4f44ca336bacdad62f06498dcd0070ce107bdfc7/ (дата обращения: 10.10.2025).
38. Tourism Policy: Definition & Importance // StudySmarter. URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/hospitality-and-tourism/tourism-management/tourism-policy/> (дата обращения: 10.10.2025).
39. Игнатьева И. Ф. Государственная политика в управлении экономикой туризма // Вестн. ОГУ. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 5 (46). С. 200–204.
40. Исаев Б. А., Игнатьева И. Ф. Структура геополитики // Вестн. Томского гос. ун-та. История. 2019. № 59. С. 66–74. DOI: 10.17223/19988613/59/9.
41. Власова Т. И., Игнатьева И. Ф. Туристская деятельность: организация, экономика, политика. СПб.: Д.А.Р.К., 2014.
42. Policy and Destination Management // UN Tourism. URL: <https://www.untourism.int/policy-destination-management/> (дата обращения: 08.10.2025).
43. Understanding the differences between DMOs and DMCs // Tourwriter. URL: <https://www.tourwriter.com/dmos-vs-dmcs/> (дата обращения: 25.07.2025).

Информация об авторах.

Игнатьева Ирина Федоровна – доктор философских наук (1995), профессор (1997), профессор кафедры туризма, сервиса и гостеприимства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, ул. Чернышевского, д. 2, Санкт-Петербург, 191119, Россия. Автор 206 научных публикаций. Сфера научных интересов: геополитика туризма, социология туризма, философия и социология техники.

Исаев Борис Акимович – доктор социологических наук (1998), профессор (1998), профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, Большая Морская ул., д. 67А, Санкт-Петербург, 190000, Россия. Автор 301 научной публикации. Сфера научных интересов: геополитика, учение о партиях, учение о революциях.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.10.2025; принята после рецензирования 25.11.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Zakharov, N.L. (2020), *Organizatsionnoe povedenie gosudarstvennykh sluzhashchikh* [Organizational behavior of civil servants], INFRA-M, Moscow, RUS.
2. Pomerantseva, E.P. (2006), *Modeli upravleniya personalom: issledovaniya, razrabotki, vnedreniya* [Models of personnel management: research, development, implementation], Vershina, Moscow, RUS.
3. Zakharov, N.L., Ponomarenko, B.T. and Perfil'eva, M.B. (2018), *Upravlenie nastroem personala v organizatsii* [Personnel attitude management in the organization], INFRA-M, Moscow, RUS.
4. Zakharov, N.L. and Kuznetsov, A.L. (2015), *Upravlenie sotsial'nym razvitiem organizatsii* [Managing the social development of an organization], INFRA-M, Moscow, RUS.
5. Shelonaev, S.I. (2007), "Reputation management", *Tekhnologii obshchestvennoi kommunikatsii* [Technologies of public communication], Herzen Russian State Pedagogical Univ., SPb., RUS, pp. 90–123.
6. Morozov, M.A. and Voit, M.N. (2013), "Theoretic and economic aspects of tourist destination concept", *Vestnik of RosNOU*, no. 2, pp. 188–195.
7. Durovich, A.P. (2003), "Conceptual approaches to the formation of public management systems for tourism in the Republic of Belarus", *Belarus' v sovremennom mire* [Belarus in the modern world], *Materialy I Respublikanskoi nauch. konf.* [Proc. of the First Republican Sci. Conf.], Minsk, BLR, 22–23 Oct. 2002, pp. 257–269.
8. Kruzhalin, V.I., Menshikova, T.N. and Kruzhalin, K.V. (2022), "Strategic planning as a basis for sustainable tourism development and the preservation of cultural heritage in the regions of the Russian Federation", *Geographical Bulletin*, no. 1 (60), pp. 136–149. DOI: <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2022-1-136-149>.
9. Rassokhina, T.V. (2018), *Upravlenie ustoichivym razvitiem turistskikh destinatsii: teoriya i metodologiya* [Management of sustainable development of tourist destinations: theory and methodology], Kreativnaya ehkonomika, Moscow, RUS.
10. Ritchie, J.-B. and Crouch, G.-I. (2003), *The competitive destination: a sustainable tourism perspective*, CABI publishing, Wallingford, USA.
11. Gushchina, E.G., Nesterova, A.G. and Abdul Hussein, B. (2023), "Strategic Management of Regional Tourism Resources as a Development Factor for Territories under New Conditions", *Regional Economy. South of Russia*, vol. 11, no. 3, pp. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2023.3.4>.
12. Bushueva, I.V. (2019), "New strategic priorities for tourism development in Russia", *Service plus*, vol. 13, no. 4, pp. 25–33. DOI: [10.24411/2413-693X-2019-10404](https://doi.org/10.24411/2413-693X-2019-10404).
13. Kuzovleva, I.Yu. (2012), "Features of the formation of regional tourism policy in Russia", *Problemy ehkonomiki i menedzhmenta*, no. 2 (6), pp. 66–72.
14. Grishin, S.Yu. (2014), "Formation of an integrated management system for tourism activities in modern conditions", *Teoriya i praktika servisa: ehkonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*, no. 1 (19), pp. 131–139.
15. Shukshin, S.I. (2022), "Theoretical and Managerial Framework of Integration Processes in Travel Industry", *J. of Legal and Economic Studies*, no. 4, pp. 47–55. DOI: [10.26163/GIEF.2022.52.43.008](https://doi.org/10.26163/GIEF.2022.52.43.008).
16. Kotelnikov, D.A. (2022), "Integration of tourist macro-territories: the path of development in the face of new challenges", *Izvestiya SPbGEU*, no. 3 (135), pp. 75–81.
17. Hall, M.C. (2000), *Tourism Planning: Policies, Processes and Relationships*, Prentice Hall, Harlow, UK.
18. Dzhandzhugazova, E.A., Faizova, G. and Chernikova, L.I. (2018), *Turizm i regional'noe razvitie v usloviyakh novykh rossiiskikh realii* [Tourism and regional development in the context of new Russian realities], RUSAIN, Moscow, RUS.
19. Polyakova, T.V. and Dubova, Yu.I. (2015), *Marketing territorii kak instrument formirovaniya blagopriyatnogo imidzha i turistsheskoi privilekatel'nosti regionov* [Territory marketing as a tool for creating a favorable image and tourist attractiveness of regions], Izd-vo VolSTU, Volgograd, RUS.
20. Sachuk, T.V. (2009), *Territorial'nyi marketing* [Territorial marketing], Piter, SPb., RUS.

21. Frolov, D.P. (2013), *Marketingovaya paradigma regional'nogo razvitiya* [Marketing paradigm of regional development], Izd-vo VoLSU, Volgograd, RUS.
22. Zhukova, M.A. and Chudnovskii, A.D. (2015), *Upravlenie industriei turizma Rossii v sovremennykh usloviyakh* [Management of the Russian tourism industry in modern conditions], KnORus, Moscow, RUS.
23. Bhattacharyya, J. (2004), "Theorizing Community Development", *J. of the Community Development Society*, vol. 34, iss. 2, pp. 5–34. DOI: <https://doi.org/10.1080/15575330409490110>.
24. "A Closer Look at Tourism: Sub-national Measurement and Analysis – INRouTe-UNWTO Collaboration" (2025), *UN Tourism*, 02.10.2025, available at: https://www.untourism.int/project/UNWTO_INRouTe (accessed 09.10.2025).
25. Palatková, M. (2006), *Marketingová strategie destinace cestovního ruchu: Jak získat více příjmů z cestovního ruchu*, vyd. 1, Grada Publishing, Praha, CZE.
26. Kiráľová, A. (2003), *Marketing: destinace cestovního ruchu*, vyd. 1, Ekopress, Praha, CZE.
27. Nejdí, K. (2010), *Management destinace cestovního ruchu*, vyd. 1, Vysoká škola hotelová v Praze, Praha, CZE.
28. *A Practical Guide to Tourism Destination Management* (2007), World Tourism Organization, Madrid, ESP.
29. Valitskaya, I.A., Ignat'eva, I.F., Leont'eva, N.L. et al. (2007), *Tekhnologii upravleniya reputatsiei* [Technologies of reputation management], Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, SPb., RUS.
30. Ignatieva, I.F. (1995), "Technical artifacts in the memory of society: abstract of the dissertation", Abstract of Dr. Sci. (Philosophy) dissertation, SPbSU, SPb., RUS.
31. Vystoupil, J., Holešinská, A., Kunc, J. and Šauer, M. (2007), *Návrh nové rajonizace cestovního ruchu ČR*, vyd. 1, ESF MU, Brno, CZE.
32. Spilková, J. (2006), "Možnosti využití konceptu mentálních map v ekonomické geografii", *Kognice 2006, Sborník konferenčních příspěvků, 6-7 října 2006*, Psychologický ústav Akademie věd ČR, Praha, Brno, CZE, S. 183–186.
33. Elbe, J., Hallén, L. and Axelsson, B. (2009), "The Destination-management Organisation and the Inte-grative Destination-marketing Process", *Int. J. of Tourism Research*, vol. 11, no. 3, pp. 283–293.
34. "Destination Management and why it's important", *Ministry of Business, Innovation & Employment New Zealand*, available at: <https://www.mbie.govt.nz/immigration-and-tourism/tourism/tourism-projects/destination-management-guidelines/destination-management-and-why-its-important> (accessed 18.06.2025).
35. Holešinská, A. (2012), *Destinační management jako nástroj regionální politiky cestovního ruchu (Destination Management as an Instrument of Regional Tourism Policy)*, Masarykova univerzita, Brno, CZE.
36. "The guide to best practice Destination Management", *Australian Standing Committee on Tourism*, 2020, available at: <https://images.impartmedia.com/qica.com.au/stories/qica-pdf/dmgguide.pdf> (accessed 18.06.2025).
37. "Federal Law No. 132-FZ of 24.11.1996 (as amended on 23.07.2025) "On the Basics of Tourism Activities in the Russian Federation"", *ConsultantPlus*, available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/4f44ca336bacdad62f06498dcd0070ce107bdfc7/ (accessed 10.10. 2025).
38. "Tourism Policy: Definition & Importance", *StudySmarter*, available at: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/hospitality-and-tourism/tourism-management/tourism-policy/> (accessed 10.10.2025).
39. Ignatieva, I.F. (2015), "State policy in the management of the tourism economy", *Vestn. OGU. Ser. Novye humanitarnye issledovaniya* [Bulletin of OSU. Ser. New humanitarian studies], no. 5 (46), pp. 200–204.
40. Isaev, B.A. and Ignatyeva, I.F. (2019), "Structure of Geopolitics", *Tomsk State Univ. J. of History*, no. 59, pp. 66–74. DOI: 10.17223/19988613/59/9.
41. Vlasova, T.I. and Ignat'eva, I.F. (2014), *Turistskaya deyatel'nost': organizatsiya, ehkonomika, politika* [Tourism activity: organization, economics, politics], D.A.R.K., SPb., RUS.

42. "Policy and Destination Management", *UN Tourism*, available at: <https://www.untourism.int/policy-destination-management/> (accessed 08.10.2025).

43. "Understanding the differences between DMOs and DMCS", *Tourwriter*, available at: <https://www.tourwriter.com/dmos-vs-dmcs/> (accessed 25.07.2025).

Information about the authors.

Irina F. Ignatyeva – Dr. Sci. (Philosophy, 1995), Professor (1997), Professor at the Department of Tourism, Service and Hospitality, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 2 Chernyakhovsky str., St Petersburg 191119, Russia. The author of 206 scientific publications. Area of expertise: geopolitics of tourism, sociology of tourism, philosophy and sociology of technology.

Boris A. Isaev – Dr. Sci. (Sociology, 1998), Professor (1998), Professor at the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67 Bolshaya Morskaya str., letter A, St Petersburg 190000, Russia. The author of 301 scientific publications. Area of expertise: geopolitics, the doctrine of parties, the doctrine of revolutions.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.10.2025; adopted after review 25.11.2025; published online 20.02.2026.*

Оригинальная статья

УДК 316.7

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-74-82>

Дискуссии о предмете социологии музыки

Максим Павлович Замотин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия,
jethro79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>*

Введение. В статье рассматривается генезис и содержание формирования социологического объяснения музыки как элемента культуры и парадигмы социального и культурного изучения музыки. Исследования в данной области социологического знания проделали путь от понимания музыки «вообще», как высшей абстракции и отнесения ее к эстетической области восприятия до вопросов о том, как музыкальные структуры и практики отражают, моделируют или резонируют с идентичностью, опытом или структурными позициями социальных классов, гендерных и этнических групп.

Методология и источники. Методологию и теорию составляют критическая теория (П. Бурдьё), интеракционизм, конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман, Э. Честер. У. Стру). В рамках конструктивистской парадигмы в социологическое поле исследователей музыки были введены такие социальные категории, как класс, пол, этническая принадлежность, возраст, субкультура, контркультура, идентичность, гендер и т. д. Это позволило наполнить разнообразными содержательными смыслами предметную область социологии музыки и таким образом обосновать целесообразность данного отраслевого социологического знания.

Результаты и обсуждение. Понимание произведения искусства, в частности музыки, во всех ее проявлениях как медиаций («посредничества») означает рассмотрение произведения во всех деталях жестов, людей, привычек, материалов, пространств, языков и институций, в которых оно обитает. Ни одно произведение искусства не актуализируется для человека как индивидуального и социального существа без накопленных форм посредничества (медиаций) – стилей, грамматик, систем вкуса, программ, концертных залов, школ, предпринимателей и т. д.

Заключение. Тема медиации как эмпирического средства выявления последовательного развития произведения и его восприятия (для социолога) – вновь открыть дуализм «произведение–вкус», который представляет собой преодоление конфликта взглядов: с одной стороны, произведения остаются в распоряжении эстетиков и музыковедов, а с другой – это социологическое суждение, сведение музыки к ритуалу. На данный момент формирование, функционирование и передача связей между особенностями музыкального произведения и социальными группами должны стать основными предметами социологии музыки, поскольку в этом случае мы наблюдаем диалог и примирение между двумя противоборствующими взглядами.

Ключевые слова: социология музыки, медиация, социология искусства, популярная культура, социальный конструктивизм, культура, идентичность, социальные группы

Для цитирования: Замотин М. П. Дискуссии о предмете социологии музыки // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 74–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-74-82.

© Замотин М. П., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Discussions on the Subject of the Sociology of Music

Maksim P. Zamotin

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia,
jethro79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9748-5109>*

Introduction. The article discusses the genesis and content of the formation of sociological explanation of music as an element of culture and of the sociological perspective as a paradigm of social and cultural study of music. Research in this area of sociological knowledge has evolved from understanding music “in general” as the highest abstraction and attributing it to the aesthetic realm of perception to questions about how musical structures and practices reflect, model, or resonate with the identities, experiences, or structural positions of social classes, genders, and ethnic groups.

Methodology and sources. Critical theory (P. Bourdieu), interactionism, constructivism (P. Berger, T. Luckmann, E. Chester, W. Straw) constitute the methodology and theory. Within the constructivist paradigm, such social categories as class, sex, ethnicity, age, subculture, counterculture, identity, gender and so on were introduced into the sociological field of music researchers. This made it possible to fill the subject area of sociology of music with a variety of substantive meanings and thus substantiate the expediency of this branch of sociological knowledge.

Results and discussion. Understanding a work of art, particularly music, in all its manifestations, as mediations (“mediation”) means considering the work in all the details of the gestures, people, habits, materials, spaces, languages, and institutions it inhabits. No work of art is actualized for an individual as a social beings without accumulated forms of mediation – styles, grammars, systems of taste, programs, concert halls, schools, entrepreneurs, and so on.

Conclusion. The theme of mediation as an empirical means of revealing the sequential development of a work and its perception (for the sociologist) reopens the “work-taste dualism”, which represents an attempt to overcome a conflict of views: on the one hand, works remain at the disposal of aestheticians and musicologists, and on the other hand, sociological judgment, that reduces music to ritual. At this point, the formation, functioning and transmission of links between the features of a musical work and social groups should be the main subject of the sociology of music, since in this case we observe dialogue and reconciliation between the two opposing views.

Keywords: sociology of music, mediation, sociology of art, popular culture, social constructivism, culture, identity, social groups

For citation: Zamotin, M.P. (2026), “Discussions on the Subject of the Sociology of Music”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 74–82. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-74-82 (Russia).

Введение. За прошлое столетие исследований музыкальных практик и предпочтений так и не удалось прийти к единому мнению о том, что является предметом социологии музыки. Эта область всегда была полем ожесточенных споров. Социологическое прочтение роли музыки в обществе не воспринималось как нечто необычное, тогда как попытки объяснить музыкальные ценности и ее содержание через социологические факторы сталкиваются с критикой и даже отрицанием. Теодор Адорно был одним из самых ярких критиков такого подхода, хотя и сам проявлял редукционизм по отношению к популярной культуре. Он считал, что

социологического анализа достойна только «настоящая» музыка. С другой стороны, попытки научного объяснения таких необходимых элементов «музыкального сопровождения» жизни людей, как производство, способы и формы распространения и восприятия музыки, критиковались за игнорирование ее специфики, так как не обращались непосредственно к «самой музыке». В этом противостоянии первая часть вопроса касается музыки, а вторая – общих принципов социальной интерпретации искусства, относящихся к социологии культуры и искусства. Социология же искусства часто противопоставляет себя эстетике, критикуя автономию произведений искусства и эстетических суждений, а также стремясь показать социальную и историческую обусловленность эстетического наслаждения.

Методология и источники. В социальных исследованиях искусства часто выделяют два подхода к изучению причинности: либо «социологическое изучение объекта искусства», либо рассмотрение «объекта искусства как социального процесса» [1]. Первый подход анализирует посредников, влияющих на искусство, второй – то, как искусство опосредует общество. Искусство здесь рассматривается как социальный конструкт, называемый «миром искусства». В этой традиции происходит поиск социальной природы искусства, а не влияние на его формирование внешних факторов. В данном случае такая постановка вопроса ставит под сомнение претензии искусства на автономию. Второй подход принимает искусство как данность и пытается объяснить социальные условия его появления и существования, отмечая при этом его «художественную природу». Задача социологии в этом случае – изучить социальные условия производства, распространения и восприятия искусства.

Эти два эмпирических и теоретических направления подразделяются на различные течения. Однако в целом социология выступает против идеализации искусства, сосредотачиваясь не на гениях и классиках, а на процессах производства, распространения и потребления музыки и музыкальных продуктов. При таком взгляде на первый план выходят различные формы музыкальных постановок (например, «Иисус Христос – суперзвезда» или «Юнона и Авось»), условия трансляции, исполнения и владения–покупки–продажи авторских прав, материальные возможности, специалисты различных уровней и областей (начиная от самих музыкантов и заканчивая сопровождающих их исполнение техников, звукорежиссеров, продюсеров и т. д.), площадки для исполнения, реклама и рынки. Развивается понимание медиации (некой образовательной практики, представляющей собой диалог между посетителем и произведением искусства, где медиатор выступает в роли посредника, помогая зрителю сформировать собственное мнение) как взаимных, локальных или глобальных отношений между искусством и публикой, посредством которых формируются идентичности и субъективности.

Тем не менее отношения социологии и искусства остаются сложными. Для классических социологических теорий (Бурдьё, Беккер, ДеНора) анализ искусства фокусируется не на самом творчестве, гениальности или произведениях, а на социальных механизмах, которые делают эти категории видимыми и признанными. Бурдьё, например, стремится разоблачить «магию» творчества, показывая, что культура – это маска, скрывающая социальную дифференциацию, а эстетические суждения – способ нормализации вкусов [2]. Подобная критика привела к эмпирическим исследованиям музыкального потребления, которые часто игнорируют сами музыкальные произведения. Социология отвергает культ гения и самовосхваление художников, со-

средотачиваясь на ограничениях, условностях и форматах, с помощью которых социализируются «специалисты» и «любители», а также конструируются сами произведения искусства. Бурдье считал, что разговор об эстетическом опыте, красоте, эмоциях следует рассматривать как иллюзию или как продукт коллективной деятельности [2]. А если так, то произведения искусства и процессы, связанные с их оценкой, теряют свою специфику. Тогда все сводится к произвольным коллективным выборам аудитории, основанным только на социальных принципах. Этот аргумент нельзя игнорировать, чтобы не допустить идеализации искусства. Однако важно оценить границы такого взгляда, особенно с учетом его доминирующего положения в социологии искусства, и рассмотреть необходимость пересмотра отсутствия интереса социологии к произведениям искусства и эстетическому опыту.

Центральный вопрос, который часто возникает: как музыкальные структуры и практики соотносятся с идентичностью, опытом и социальным положением различных социальных групп? Эти давно изученные проблемы стали предметом обширных дискуссий последних шестидесяти лет и затрагивают важные аспекты социальной и культурной теории. Основное внимание уделялось популярной музыке, поскольку именно она стала отражением этих вопросов в 1970-х и 1980-х гг. в работах социологов и культурологов (хотя это может быть актуально для любого музыкального жанра). Исследования популярной музыки развивались в контексте более широких социальных изменений. Например, в конце 1960-х – начале 1970-х гг. история западной классической музыки изучалась обособленно, без учета влияния социальных и культурных сил. Акцент делался на музыке как таковой, считавшейся «универсалией». Классическая музыка, хотя и создавалась в определенные периоды, рассматривалась не как продукт социального и культурного контекста, а как воплощение универсальных духовных ценностей.

В то же время происходили значительные культурные и социальные изменения. В США это были движение за гражданские права и протесты против войны во Вьетнаме, в Великобритании – оппозиция традиционным ценностям и акцент на назревавшем культурном обновлении, импульсом которого являлось молодое поколение. Популярная культура, особенно музыка, сыграла важную роль в этих социальных движениях против ценностей истеблишмента. Она отражала повседневную реальность людей и выражала эмоции протеста и обновления.

Для социальных исследователей искусства и его роли становилось очевидной пропасть между академическим пониманием и изучением музыки и ее восприятием и переживанием как повседневности. Альтернатив академическому подходу на тот период практически не существовало, хотя роль популярной музыки в культурной политике была очевидной. Тем не менее популярная музыка считалась «низшей» по отношению к «классической» и не заслуживала академического внимания. Это объяснялось тем, что ее социальное «содержание» снижает «высокую» ценность искусства. Классическая музыка считалась выше именно потому, что она свободна от социальных влияний. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. границы между культурой, музыкой и академическими дискуссиями были обозначены достаточно четко.

Изменения в изучении музыки, вероятно, связаны с несколькими ключевыми факторами: во-первых, с влиянием дисциплин, напрямую не связанных с музыкой, таких как социология, антропология и теория коммуникации; во-вторых, с растущим влиянием этномузикологии, для которой изучение музыки в контексте жизни и культуры ее создателей

является основополагающим принципом; и, в-третьих, с переменами внутри самих академических музыкальных дисциплин.

Эти факторы тесно взаимодействовали, создавая основу для новой парадигмы в социально-культурном изучении музыки. Она явно контрастировала с подходом, доминировавшим в период с 1940 по 1970 г. Важно отметить, что прежний взгляд на музыку был поставлен под сомнение во многом благодаря появлению понятия «парадигма» в работе Т. Куна «Структура научных революций» (1962). Книга сыграла ключевую роль в распространении этого термина [3]. Одна из важных идей этой работы гласит, что научное знание развивается не просто путем постепенного накопления истины, а посредством смены парадигм. Когда существующая парадигма (совокупность предпосылок, аксиом и теорий) перестает отвечать на важные вопросы, возникает кризис. Кризис приводит к революции, в результате которой старая парадигма заменяется новой, с иным набором базовых принципов и с новым взглядом на мир. Примером может служить теория относительности Эйнштейна. Кун утверждал, что смена парадигмы происходит не только по научным причинам, но и по эстетическим [3]. В 1966 г. Питер Бергер и Томас Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» утверждали, что реальность не является чем-то объективно данным, а создается людьми в процессе социального взаимодействия [4].

Эти две работы заложили интеллектуальную основу для критики прежнего способа изучения музыки, показав, что он был социально, политически и культурно обусловлен. Осознание этого привело к пониманию, что созданное людьми может быть ими же изменено. Таким образом, появилась возможность для смены парадигмы в академическом изучении музыки. Основополагающей идеей этого сдвига стало признание того, что вся музыка, включая классическую, является социальным конструктом и должна изучаться в социальном и культурном контексте.

Если музыка является социальным конструктом, то логично предположить, что существует связь между социальными группами и их музыкальными предпочтениями. Эта идея начала развиваться в 1970-х гг. Э. Честер выделил экстенциональный и интенциональный типы музыкального выражения [5]. Он утверждал, что западная классическая музыка является примером экстенционального подхода, где сложные структуры создаются из простых дискретных элементов (тема и вариации, контрапункт, тональность). Основная задача – строгое следование установленным нормам [5].

В отличие от этого, рок, по мнению Честера, развивается интенционально [5]. Здесь основные музыкальные элементы не просто комбинируются, а модулируются и видоизменяются (изменение тональности и ритма). Честер считал, что существуют определенные музыкальные жанры, соответствующие каждой социальной группе, хотя музыкальная форма и не определяется напрямую ее социальной основой [5].

В 1970-е и 1980-е гг. идея о связи музыкальных характеристик и социальных реалий становилась все более популярной. Пол Уиллис (1978) утверждал, что ранний рок-н-ролл и прогрессивный рок выражают социальные реалии субкультуры байкеров и контркультуры хиппи соответственно [6]. Социальные группы, не обладающие властью, принимают свою социально-музыкальную среду как данность и развивают музыкальную сложность интенсивно, через индивидуальные звуки и тембры, а также через изменения, неприемлемые в классической музыке. Этот подход учитывал такие социологические категории, как класс,

этническая принадлежность и возраст. В конце 1980-х гг. анализ был расширен и на гендер, где утверждалось, что различные типы голоса и тембры в популярной музыке отражают разные виды гендерной идентичности.

Несмотря на то, что Честер признавал «относительную автономию» музыки, часто возникало ощущение, что музыка является лишь отражением или «симптомом» социальных и культурных сил [5]. Более того, анализ Честера был сосредоточен на социальных группах и не учитывал индивидуальные социальные и культурные идентичности. Кроме того, связь между музыкой и социальными реалиями казалась слишком упрощенной. В ответ на эту проблему Уилл Строу предложил различать музыкальные сообщества и музыкальные сцены [7]. Музыкальное сообщество характеризуется стабильным составом участников, совместно изучающих определенный музыкальный стиль. Музыкальная сцена, напротив, представляет собой культурное пространство, где сосуществуют и взаимодействуют различные музыкальные практики.

Наблюдения Строу отразили перемены в музыкальной и культурной сферах, связанные с понятиями «глобализация» и «постмодернизм». Подходы к исследованию музыки, характерные для 1960-х и 1970-х гг., уступили место пониманию большей сложности музыкального мира. С ростом доступности и разнообразия музыкальных произведений, а также благодаря быстрому их распространению музыка отчасти утратила свою идеологическую или «органическую» связь с определенным местом. Музыка стала создавать сообщества, а не наоборот, что потребовало переосмысления роли «места» в формировании идентичности (работы Дж. Липсица (1994), М. Стоукса (1994), а также Э. Лейсона, Д. Мэтлисса и Дж. Ревилла (1998)). С другой стороны, наблюдения Строу имеют более глубокий смысл, сигнализируя о возможности того, что музыкальная жизнь всегда характеризовалась сложными паттернами перекрестного взаимовлияния и культурной гибридности и что понятия органической укорененности и «аутентичности» во многом являются мифом.

1990-е гг., казалось, стали переломным моментом в изучении музыки с точки зрения культуры. Акцент сместился с конкретных социальных категорий (класс, гендер, этническая принадлежность) на более широкую концепцию идентичности, которая вбирала в себя эти категории в более сложных формах и требовала более пристального внимания к деталям музыкального опыта.

Второй важный вопрос – это музыкальное значение, которое связано с пониманием социальной и культурной обусловленности музыки. Сьюзан Макклари подчеркивала важность этого вопроса, отмечая, что музыка является мощной культурной формой, вызывающей общие, а не только индивидуальные реакции [8; 9]. Предыдущие исследования часто избегали вопроса о музыкальном значении. Однако если музыка формируется под влиянием общества и культуры, то ее компоненты (гармонии, мелодии, ритмы, тембры) также несут в себе социальные и культурные смыслы.

Сосредоточенность на деталях музыкального опыта привела к большему вниманию к вербальным рассказам музыкантов и слушателей, а также к роли коннотаций в музыкальном значении (чувствам и образам, ассоциирующимся с определенными музыкальными элементами). Однако это отвлекло внимание от того, как структурные элементы музыки напрямую связаны со структурами социальной и культурной реальности и, следовательно, с идентичностью и социальными позициями.

Результаты и обсуждение. Для понимания взаимосвязи музыки и построения культурной идентичности необходимо обратиться к анализу Миддлтона, который выделяет рок-н-ролл, а особенно фигуру Элвиса Пресли, как ключевой момент [10]. Роль Пресли в этих переменах была предметом споров. Г. Маркус утверждает, что он смог выразить в своей музыке глубинные противоречия американского общества. Важность Пресли, по мнению Миддлтона, заключалась не в простом смешении стилей, а в создании уникальной музыкальной формы, отражающей дух времени [11]. Он трансформировал их в особые паттерны. Пресли придал ситуативному моменту специфически музыкальную форму – структурную и коннотативную, а также мощную телесную. А было ли это возможно с помощью любого другого средства, кроме музыки, и можно ли достичь понимания этого момента без повышенного осознания социальных категорий, с помощью которых ситуативные противоречия порождаются и находят свое выражение?

Рассматривая произведение искусства как медиацию, мы неизбежно обращаемся к его многослойной текстуре, сотканной из взаимодействий и влияний. Это значит, что понимание произведения требует анализа культурного контекста, в котором оно возникло, включая социальные, экономические и политические условия. Критическая социология предлагает инструменты для разбора этой сложной сети взаимосвязей, позволяя увидеть, как произведение активно конструирует и воспроизводит социальные структуры.

Однако в социальных исследованиях музыки часто наблюдается разрыв между теорией и эмпирическими данными. В отличие от изучения литературы и изобразительного искусства, отсутствуют серьезные дебаты о соотношении «внутреннего» и «внешнего» анализа. Музыка всегда представляла сложность для социальных наук: коллективное, технически сложное и кажущееся «бессодержательным» искусство. Это затрудняет применение оппозиции между формализмом и реализмом. Преобладает либо позитивистское музыкознание с его формальным анализом, либо исторические исследования, описывающие социальный контекст, но не связывающие его с музыкальным содержанием.

В отличие от изобразительного искусства, где материальность объекта задает рамки для обсуждения, музыка неуловима. Социальные интерпретации сводят ее к выражению групповой идентичности, а эстетические – к непосредственному языку чувств. Игнорируется роль посредников как носителей языка (инструменты, музыканты, сцены, записи и т. д.). Произведение не дано раз и навсегда, его нужно постоянно воспроизводить и переосмысливать в социальном контексте.

Однако именно эта «неуловимость» музыки дает возможность для позитивного анализа посредничества. Если рассматривать посредников не просто как трансформаторов, а как активных участников создания и восприятия музыки, можно выйти за рамки простого описания и перейти к пониманию роли человеческого фактора: от жестов исполнителя до сценического оформления и медиа. Медиации – это не просто провода передачи музыки, а само искусство, которое неразрывно связано с откликом и оценкой слушателя. Такой подход позволяет анализировать вкусы не как результат деконструкции, а как продукт взаимодействия между музыкой, посредниками и аудиторией.

Заключение. Актуальные тенденции в изучении музыки выдвигают на первый план ее конструирование, опираясь на рефлексивные подходы, учитывающие, как люди восприни-

мают и определяют музыку. При этом подчеркивается уникальная способность музыки формировать социальную реальность и идентичность, будучи одновременно личным и коллективным феноменом. Важно отойти от поиска универсальных социальных механизмов, предопределяющих связь между произведением и вкусом. Вместо этого следует рассматривать вкус, удовольствие и смысл как ситуативные и изменчивые, возникающие в результате взаимодействия различных посредников. Эти посредники не просто транслируют заданные социальные отношения, а активно формируют их.

Анализ медиации позволяет выявить последовательное развитие произведения и его восприятия, преодолевая дуализм «произведение–вкус». Этот дуализм приводит к тому, что эстетики и музыковеды акцентируют внимание на имманентной силе музыки, а социологи – на ее ритуальной функции. Для социологии музыки важно сосредоточиться на исследовании связей между характеристиками музыкального произведения и социальными группами. Только в этом случае можно достичь диалога и примирения между этими двумя подходами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Zolberg V. L. *Constructing a sociology of the arts*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
2. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1984.
3. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. Налетова. М.: АСТ, 2022.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
5. Chester A. Second thoughts on a rock aesthetic: The band // *On record: Rock, pop, and the written word* / S. Frith, A. Goodwin (eds.). NY: Pantheon, 1990. P. 301–319.
6. Willis P. E. *Profane culture*. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.
7. Straw W. Systems of articulation, logics of change: Communities and scenes in popular music // *Cultural Studies*. 1991. Vol. 5, iss. 3. P. 368–388. DOI: 10.1080/09502389100490311.
8. McClary S. *Feminine endings*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1991.
9. McClary S. Constructions of subjectivity in Schubert's music // *Queering the pitch: The new gay and lesbian musicology* / Ph. Brett, E. Wood, G. Thomas (eds.). NY: Routledge, 1994. P. 205–234.
10. Middleton R. "Roll over Beethoven"? Sites and soundings on the music-historical map // *Studying popular music*. Milton Keynes: Open Univ. Press, 1990. P. 3–33.
11. Greil M. *Mystery Train: Images of America in Rock 'n' Roll Music*. NY: Dutton, 1982.

Информация об авторе.

Замотин Максим Павлович – старший преподаватель кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология культуры, социальная и культурная антропология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.11.2025; принята после рецензирования 25.11.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Zolberg, V.L. (1990), *Constructing a sociology of the arts*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
2. Bourdieu, P. (1984), *Distinction: A Social Critique of the Judgment of Taste*, Harvard Univ. Press, Cambridge, USA.

3. Kuhn, T. (2022), *The Structure of Scientific Revolutions*, Transl. by Naletov, I., AST, Moscow, RUS.
4. Berger, P. and Luckmann, T. (1995), *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*, Transl. by Rutkevich, E., Medium, Moscow, USSR.
5. Chester, A. (1990), "Second thoughts on a rock aesthetic: The band", *On record: Rock, pop, and the written word*, in Frith, S. and Goodwin, A. (eds.), Pantheon, NY, USA, pp. 301–319.
6. Willis, P.E. (1978), *Profane culture*, Routledge and Kegan Paul, London, UK.
7. Straw, W. (1991), "Systems of articulation, logics of change: Communities and scenes in popular music", *Cultural Studies*, vol. 5, iss. 3, pp. 368–388. DOI: 10.1080/09502389100490311.
8. McClary, S. (1991), *Feminine endings*, Univ. of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
9. McClary, S. (1994), "Constructions of subjectivity in Schubert's music", *Queering the pitch: The new gay and lesbian musicology*, in Brett, Ph., Wood, E. and Thomas, G. (eds.), Routledge, NY, USA, pp. 205–234.
10. Middleton, R. (1990), "'Roll over Beethoven'? Sites and soundings on the music-historical map", *Studying popular music*, Open Univ. Press, Milton Keynes, USA, pp. 3–33.
11. Greil, M. (1982), *Mystery Train: Images of America in Rock 'n' Roll Music*, Dutton, NY, USA.

Information about the author.

Maksim P. Zamotin – Senior Lecturer at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: sociology of culture, social and cultural anthropology.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.11.2025; adopted after review 25.11.2025; published online 20.02.2026.*

Оригинальная статья

УДК 316.7

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-83-104>

Массовое общество: эволюция от индустриальной к платформенной эпохе

Александр Михайлович Пивоваров

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия,*

*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
a-pivovarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7569-7947>*

Введение. Статья посвящена актуальной социологической проблеме трансформации оснований массового общества под воздействием цифровой платформизации. Хотя феномен массовости продолжает широко изучаться в социальных науках, остается недостаточно разработанной проблема его качественных изменений в результате развития платформенного капитализма и алгоритмического управления.

Методология и источники. Исследование представляет собой теоретический анализ феномена массовости, опирающийся на междисциплинарный подход, интегрирующий результаты исследований представителей социальной философии, культурологии, медиаисследований и экономики цифровых платформ. Базовые концепции массы заимствованы из работ Г. Блумера, Э. Фромма, Ж. Бодрийяра; анализ эволюции массового общества осуществляется через труды К. Мангейма, К. Ясперса, Дж. Ритцера, В. И. Ильина и других российских и зарубежных исследователей; цифровая трансформация массового общества исследуется на основе концепции платформенного капитализма Н. Срничека и теории глубокой медиатизации А. Хеппа и Н. Колдри.

Результаты и обсуждение. Исследование показало, что механизмы интеграции и контроля массы путем управления вниманием в новую цифровую эпоху сохраняются, но получают технологическую оптимизацию. Три базовые составляющие массового общества – производство, потребление и культура – перестроились на платформенной основе. В производстве постфордистская гибкость и автоматизация сочетаются с алгоритмическим надзором над прекаризированной рабочей силой. Потребление цифровой эпохи устроено так, что при сохранении массового масштаба оно создает впечатление индивидуального обслуживания, одновременно превращая внимание пользователя в важнейший экономический ресурс. Демассификация культуры воспроизводит логику массовости на новом уровне, где атомизированными единицами становятся не только индивиды, но и нишевые сообщества, образующие «массу» параллельных культур.

Заключение. Массовое общество цифровой эпохи создает парадоксальное сочетание массовости и персонализации, где ощущение свободы выбора маскирует новые формы контроля через рекомендательные алгоритмы и платформенную зависимость. Платформенное массовое общество представляет эволюцию массового индустриального общества в условиях глубокой медиатизации и цифровой алгоритмизации.

Ключевые слова: масса, массовое общество, платформенное общество, платформизация, глубокая медиатизация, алгоритмы, потребление

© Пивоваров А. М., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Пивоваров А. М. Массовое общество: эволюция от индустриальной к платформенной эпохе // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 83–104. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-83-104.

Original paper

Mass Society: Evolution from the Industrial to the Platform Era

Alexander M. Pivovarov

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia,
Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, St Petersburg, Russia,
a-pivovarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7569-7947>*

Introduction. The article addresses a relevant sociological problem concerning the transformation of the foundations of mass society under the influence of digital platformization. Although the phenomenon of mass society continues to be widely studied in the social sciences, the problem of its qualitative changes resulting from the development of platform capitalism and algorithmic management remains insufficiently developed.

Methodology and sources. The research presents a theoretical analysis of the mass phenomenon, drawing on an interdisciplinary approach that integrates insights from social philosophy, cultural studies, media studies, and the economics of digital platforms. Basic concepts of the mass are drawn from the works of H. Blumer, E. Fromm, and J. Baudrillard; the analysis of mass society's evolution is conducted through the works of K. Mannheim, K. Jaspers, G. Ritzer, V.I. Ilyin, and other Russian and foreign scholars; the digital transformation of mass society is examined through N. Srnicek's platform capitalism concept and A. Hepp and N. Couldry's theory of deep mediatization.

Results and discussion. The research demonstrates that the mechanisms of mass integration and control through attention management persist into the new digital era but undergo technological optimization. The three basic components of mass society – production, consumption, and culture – have been restructured on a platform basis. In production, post-Fordist flexibility and automation combine with algorithmic surveillance of a precarious workforce. Digital-era consumption is structured so that while maintaining a mass scale, it creates an impression of individualized service, simultaneously transforming user attention into the most important economic resource. The demassification of culture reproduces the logic of mass society at a new level, where atomized units become not only individuals but also niche communities that form a “mass” of parallel cultures.

Conclusion. Mass society in the digital era creates a paradoxical combination of massification and personalization, where the sense of freedom of choice masks new forms of control through recommendation algorithms and platform dependence. Platform mass society represents the evolution of industrial mass society under conditions of deep mediatization and digital algorithmic governance.

Keywords: mass, mass society, platform society, platformization, deep mediatization, algorithms, consumption

For citation: Pivovarov, A.M. (2026), “Mass Society: Evolution from the Industrial to the Platform Era”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 83–104. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-83-104 (Russia).

Введение. Каждое из многочисленных обозначений такого сложного объекта изучения, как общество, фиксирует лишь одну из его «проекций» на ту или иную «плоскость». Сознвая эту многогранность, в данной работе мы исходим из того, что общество эпохи позднего

капитализма продолжает развиваться не только как потребительское, как (пост)индустриальное, как информационное, как общество риска, но и как общество массовое.

Задача, которую мы стремимся решить в этой статье, состоит в том, чтобы показать, как массовость современного социума меняет свой характер под давлением процессов, определяющих существование людей в условиях цифровой эпохи. Ведущим среди них является процесс платформизации, давший название современной форме капитализма, изменивший характер массовой занятости и массового досуга, формирующий культурные предпочтения публик и формирующий деятельность культурных индустрий, воздействующий на когнитивные функции индивидов.

Для решения этой задачи мы сначала охарактеризуем концепт «массы» как коллективного образования, обладающего особыми свойствами, несводимыми ни к толпе, ни к публике, ни к социальным группам. От родового понятия массы мы перейдем к уточнению природы массового общества, особенности которого детерминированы условиями его генезиса в период модернизации XIX–XX вв., и рассмотрим основные вехи его эволюции в XX столетии. Далее проанализируем, как три базовые составляющие массового общества – массовое производство, массовое потребление и массовая культура – видоизменяются в условиях цифровой трансформации. Особое внимание будет уделено тому, как платформенная экономика перерабатывает базовые элементы массового общества, создавая новые формы управления трудом, потреблением и культурными предпочтениями через алгоритмические системы контроля и персонализацию.

Несмотря на богатую традицию анализа массовых явлений – от классических работ Г. Лебона и Г. Тарда до современных исследований в русле концепции «умной толпы» Г. Рейнгольда, в социологии остается недостаточно разработанной проблема того, как платформизация перестраивает сами основания массовости – механизмы интеграции и контроля атомизированных индивидов. Мы предлагаем концептуальную рамку, позволяющую представить платформенный капитализм как качественно новую стадию эволюции массового общества, где традиционные элементы (массовое производство, потребление и культура) приобретают новую форму в условиях цифровых технологий, «глубокой» медиатизации и алгоритмического управления.

Методология и источники. Теоретическая работа строится в рамках социологического анализа феномена массовости с использованием междисциплинарного подхода, интегрирующего результаты исследований представителей социальной философии, культурологии, медиаисследований и экономики цифровых платформ. Описание свойств массы опирается на идеи Г. Блуммера, С. Московичи, Э. Фромма и Ж. Бодрийяра. Анализ генезиса и эволюции массового общества осуществляется через призму концепций К. Мангейма, К. Ясперса, Дж. Ритцера и отечественных социальных исследователей – Н. Л. Поляковой, В. И. Ильина, В. Н. Вахменина и др. Для анализа массовой культуры используются идеи представителей критической теории и ее наследников – Ф. Джеймисона, Г. Стэндинга и других, а также работы российских культурологов и социальных философов – А. В. Костиной, А. Н. Ильина, Д. В. Смолкиной и др. Цифровизация массового общества рассматривается прежде всего сквозь призму теорий платформенного капитализма и медиатизации, разработанных в трудах современных исследователей социально-экономических процессов цифровой эпохи – Н. Срничека, А. Хеппа, Н. Колдри, Д. П. Гавры, А. В. Шевчука и др. Интеграция

различных перспектив позволяет обеспечить целостный теоретический анализ нового этапа развития массового общества в условиях цифровой трансформации.

Результаты и обсуждение.

Масса как социальное явление. Говоря о свойствах массы, необходимо напомнить о том, что, согласно Г. Блумеру, масса – это коллективное образование, которое, сохраняя ряд эффектов, присущих таким явлениям, как толпа и публика, «состоит из некоего конгломерата индивидов, которые обособлены, изолированы, анонимны и, таким образом, однородны в той мере, в какой имеется в виду массовое поведение» [1, с. 555]. Понимание категории массы в социальных науках формировалось в русле проведения аналогий с физическим явлением. В настоящий момент не вызывает особых дискуссий положение о том, что «отдельный индивид, формирующий массу, как и электрон, входящий в атом, неразличим и не обладает какой-либо уникальностью. Важен лишь его факт нахождения в массе, причастность, в то время как личность человека нивелируется» [2, с. 44]. Масса есть неструктурированное множество разрозненных индивидов, чья уникальность выносится за скобки.

Массовость в определенном смысле противоположна *социальности* [1, с. 547; 3, с. 8, 57]. Как и толпа [4], масса безразлична к отличиям, существующим между общественными классами, слоями, сословиями, нациями, профессиями, она индифферентна в отношении культурных традиций, обычаев и предписаний. Как и публика [5], масса рассеяна в пространстве и безгранична по своим масштабам. И как толпа, и как публика, масса имеет надличностный характер, уравнивая индивидов перед лицом одних и тех же объектов всеобщего внимания (интереса или страха). Несмотря на то, что каждый индивид в массе ведет себя на основании собственного выбора, участники массы как «некультурной» группы [1, с. 547] являются гомогенными в своем поведении, поскольку находятся под прессом сходных стимулов, вызывающих у них сходные реакции.

Отношения массовости и социальности представляются диалектическими. С одной стороны, масса возникает под воздействием социальных процессов, совокупность которых определяет модернизацию обществ. Также само массовое поведение складывается из никак несогласованных активностей разрозненных индивидов, которые ориентируются на свои нужды, представления о которых формируются с помощью СМИ, массовой рекламы и популярной культуры¹ [1, с. 555–556]. С другой стороны, масса способна оказывать влияние на сферу социального, например, в силу действия закономерности, известной в социальных науках как «теорема Томаса», которая вторит знаменитым словам К. Маркса о том, что «идея, овладевшая массами, становится материальной силой».

Однако изменения, которые вносят массы в социальную реальность, имеют стихийный характер по причине отсутствия субъектности как у массы в целом, так и у индивидов, образующих ее. Отсутствие субъектности на уровне массы в целом проявляется в том, что, в отличие от социальных общностей и групп, масса испытывает дефицит внутренних связей – кооперативных, поведенческих и субъективных [6, с. 190–205; 7, с. 305]. Масса состоит из обезличенных индивидов, слабо связанных как в физическом, так и в социальном пространстве. Между ними почти нет взаимодействия или общения. Массе чужды также признаки организованности, такие как разделение труда, иерархия статусов, взаимная вос-

¹ Здесь стоит вспомнить феномен ложных потребностей, выявленный Г. Маркузе.

требованность ролей, набор норм и правил. Масса не способна к коллективным действиям, поскольку у нее нет собственной идентичности или «мы-сознания» [1, с. 547, 553–554]. Включенные в нее разрозненные индивиды не удовлетворяют свои потребности в укорененности и групповой принадлежности. Их суррогатом в массе является «стадный конформизм», создающий иллюзию коллективной идентичности путем уподобления большинству [8, с. 59, 63]. В массе «происходит только симуляция самоидентификации, ведущая к еще большему социальному атомизму» [2, с. 49].

Говоря о свойствах индивидов, из которых образуется масса, нам представляется продуктивным их противопоставление индивидам как субъектам [2, с. 49]. Субъектность в социальных науках традиционно тесно связывается с чувством идентичности (см., напр. [8, с. 59–62]). Современные исследователи в качестве атрибутов субъектности человека выделяют такие свойства, как «осознанность (рефлексия), целостность (четкость и устойчивость мировоззрения) и самодетерминированность (способность управлять собой вместо того, чтобы отдаваться во власть внешних обстоятельств)» [9, с. 172]. Отказ, хотя бы и временный, от рефлексии и активного конструирования своей самости [10, р. 4] вместе со стремлением быть частью какой-либо общности приводит в моменте к появлению обезличенного индивида или человека, включенного в массу [2, с. 51].

Как справедливо отмечает С. Московичи, каждый индивид, в тот или иной момент времени превращается в человека массы, когда «пассивно подчиняется решениям своих начальников, вышестоящих лиц, <...> без размышления принимает мнения своих друзей, соседей и своей партии <...>, установки, манеру говорить и вкусы своего окружения» [11, с. 397]. Поэтому популярное противопоставление массы и не массы (элиты) представляется в этом отношении относительным. Кроме того, «следует допустить возможность такого рассмотрения социальной реальности, при котором человек существует и как субъект, и как единица массы одновременно. Такое раздвоение проявляется в том, что неосознанная включенность человека в массу не перечеркивает его социальной роли, а сопутствует ей» [2, с. 58].

Как отмечают исследователи, масса является не только аморфным и разрозненным, но чрезвычайно непостоянным, как бы «пульсирующим» образованием, стихийно меняющим свой состав и вектор движения [2, с. 60]. Это происходит вследствие того, что основным фактором интеграции разрозненных индивидов в массу является «объект массового интереса» [1, с. 554]. «Форма массового поведения парадоксальным образом выстраивается из индивидуальных линий поведения, а не из согласованных действий. Эти индивидуальные деятельности в первую очередь выступают в форме выборов <...>, которые являются откликом на неясные порывы и эмоции, пробуждаемые объектом массового интереса» [1, с. 554–555]. Поскольку объекты массового внимания – события, новинки, известия, персоналии, модные тенденции и т. д. – сменяют и конкурируют друг с другом, а интерес к ним сначала вспыхивает, какое-то время поддерживается и, спустя время, неизменно затухает, то и сама масса находится в постоянном состоянии активации и дезактивации, сменяя свой состав, а также направление и интенсивность своего внимания и своих порывов.

Объекты массового интереса становятся таковыми в наши цифровые дни с помощью пронизывающих все социальное бытие медиа, превращающих эти объекты в притягательные и «гиперреальные» образы, имена и символы, восприятие которых замещает восприятие референтов, имеющих физическое проявление [12]. Важно и то, что не каждый образ

способен стать «объектом массового интереса». Для этого он должен обладать набором характеристик, которые все вместе формируют его не критическое восприятие и суггестивное воздействие, функционирующее по механизму, описанному Ги Дебором как монополия спектакля на видимость [13, с. 36].

Генезис и эволюция массового индустриального общества. Стоит согласиться с тем, что понятие «массы» «является прототипичным по отношению к теориям массового общества, которые можно рассматривать как перенос этого понятия на общество в целом, как описание функционирования общества по способу поведения массы» [14, с. 552]. Однако само понимание этого феномена не является универсальным и неизменным, а имеет исторически обусловленный характер. В это смысле прав К. Ясперс, писавший о том, что «масса как толпа не связанных друг с другом людей, которые в своем сочетании составляют некое единство, как преходящее явление существовала всегда. Масса как публика – типичный продукт определенного исторического этапа...» [15, с. 313]. Таким же образом теории массового общества, появившиеся в XX в., отражали социально-исторические обстоятельства, не имевшие аналогов в предшествующие эпохи [16, с. 127].

Стремительный демографический всплеск и комплекс процессов модернизации XIX столетия [15, с. 306; 17, с. 49] породили сначала на европейском континенте, а затем и по всему земному шару феномен массового индустриального общества, объединившего два взаимосвязанных, но различных по своей сущности типа социальной организации. Так, Карл Мангейм в работе 1935 г. использует этот термин для подчеркивания внутреннего противоречия рационального и иррационального начал «как внутри жизни всего общества, так и в судьбе отдельного индивида. В качестве крупного индустриального общества оно создает высшую степень рационально калькулируемой системы действий <...>; в качестве общества больших масс оно содействует всем иррациональным проявлениям и вспышкам, характерным для концентрации масс» [18, с. 299–300]. Чуть ранее в работе «Духовная ситуация времени» 1931 г. Карл Ясперс пишет о господстве в современном для него обществе двух основных сил – массы и бюрократического аппарата [15, с. 306–315].

Известно, что развитие крупных производств фордистского типа обусловили на рубеже XIX–XX вв. рост концентрации рабочего населения в больших городских агломерациях, что потребовало появления новых средств управления и социального контроля в массовом масштабе. В административном плане незаменимую роль стала играть рациональная бюрократия, в техническом плане – неустанно развивающиеся средства массовой коммуникации, в когнитивно-мотивационном отношении – массовая культура. Последняя выполняет разнообразные функции, в первую очередь те, что связаны с включением индивида в определенную социальную среду и сглаживанием социальных противоречий путем гомогенизации культурных представлений и запросов [19].

В период послевоенного восстановления мировой экономики, на фоне внедрения в странах капиталистического лагеря кейнсианской экономической политики и становления государств всеобщего благосостояния, для подавляющего большинства жителей планеты проблемы выживания были решены. Массовое индустриальное общество приобрело черты общества потребления, в котором сам этот процесс теряет прямую связь с удовлетворением потребностей и эффективностью. Выполняя знаково-символические функции и распростра-

няясь на все сферы жизни, потребление все больше превращается из средства существования в его цель [2; 20]. В этом обществе доминируют институты, связанные с организацией индивидуального потребления [21, с. 11]. Консьюмеристская идеология функционирует не в открытой словесной форме, а в скрытом виде, чаще всего с помощью рекламы товаров, услуг и стилей потребления, а также самих приобретаемых вещей и впечатлений [22, с. 199]. Суть идеологии общества потребления или взглядов, продвигаемых экономически господствующими группами или заказчиками рекламы, развлекательных теле- и интернет-шоу, глянцевого (онлайн) журналов, кино-, видео-, аудиопродукции и прочего, сводима к тезису о том, что, «потребляя, ты идешь к своей самореализации и личному счастью, попутно укрепляя экономику страны» [21, с. 19–20].

Массовое индустриальное общество породило двойственный характер социального бытия индивидов, наблюдаемый и в наши дни. Плавающая граница между социальной принадлежностью и массовостью, как правило, пролегает там, где «производство» сменяет потребление. Приходя на работу, будь то фабрика, банк или университет, индивид выступает носителем определенного статуса в рамках своего корпоративного подразделения и выполняет ролевые обязанности своей профессиональной группы. Выходя с работы, индивид как будто сбрасывает с себя свою трудовую (коллективную) идентичность, обеспечивающую его «впаянность» в структуру организации, и до следующего рабочего дня становится, условно говоря, индивидом-атомом, остающимся один на один с рынком, рекламой, медиа, поп-культурой. Так общественная упорядоченность работников сосуществует с атомизированной массой потребителей. В этом плане стоит согласиться с исследователями, указывающим на то, что «масса сегодня – это совокупность деперсонализированных индивидов, объединенных не участием в той или иной деятельности, а общностью потребляемой продукции – информации, развлечений, моды, имиджей, стереотипов...» [19, с. 15].

Потребность в индивидуализации, или формировании персональной стороны идентичности, реализуется с помощью того же самого потребления, которое становится способом трансляции в мир кодируемых материальными символами сообщений, призванных продемонстрировать не только социальные положение и притязания индивидов [23], но и подчеркнуть их особенность и уникальность [22, с. 42–43].

В СССР общество потребления отсутствовало по причине отсутствия разнообразного и гибкого производства товаров, широкое потребление которых позволяло бы конструировать индивидуальность с помощью вещей, используемых в качестве символов различия. Однако советское массовое индустриальное общество существовало, но имело не консьюмеристские, а иные – коллективистские и производственные – идеологические основания, которые продвигались в открытой вербальной форме, что и послужило одной из причин поражения СССР в холодной войне [22; 24].

Постсоветский период российской истории стал ареной зарождения и расцвета общества потребления отечественного образца. Капиталистическая идея овладела массами и стала той материальной силой, которая преобразила сами основания массовизации общества. Человек массы и в нашей стране стал потребителем, а консьюмеризм, как и во всем остальном мире, теперь «выступает как ключевая характеристика надындивидуальной духовной реальности» [24, с. 6].

Массовое общество постиндустриальной эпохи породило новую форму рационализации общественной жизни, выросшей из необходимости упорядочивать уже не производственные процессы, а постоянно диверсифицирующиеся практики и растущие объемы потребления, извлекая из них максимальную пользу и прибыль. Ориентиром для деятельности все большего числа организаций и институций стал ресторан быстрого питания, работающий на принципах эффективности, предсказуемости, калькулируемости и доминирования «нечеловеческих» технологий. Обратной стороной макдональдизации массового общества стало появление ее зловеще неизбежных иррациональных последствий, в первую очередь таких, как деквалификация труда и дегуманизация социальных отношений [25].

Эпоха позднего (транснационального) капитализма, сменившая, согласно Ф. Джеймисону, в 1940–1950-е гг. монополистическую (империалистическую) стадию, породила приспособленную к изменениям спроса и колебаниям рынка форму организации производства, которую принято называть постфордизмом, но наиболее существенным образом повлияла на область культуры. «Капиталистические практики достигают здесь своей наивысшей интенсивности и проникают уже не только во все доступные участки географического пространства, но и во все сферы культуры и социальности, трансформируя их» [26, с. 93]. Из элемента «надстройки» культура стала компонентом «базиса», т. е. перешла в состояние почти полного подчинения логике капитала и капиталистического производства¹. Культура, став важнейшим инструментом политического и социального контроля, превратилась в «культуриндіустрию» [27] – промышленный аппарат по производству похожих друг на друга новинок в различных видах искусства, нацеленных на приобретение прибыли, как и любой другой товар. Глубокая коммерциализация, по мнению наследника франкфуртской традиции Ф. Джеймисона, привела к размыванию модернистских оппозиций, в частности к стиранию границы между высокой и массовой (или популярной) культурой [28, с. 289].

Массовое общество платформенной эпохи. Итак, с точки зрения своего генезиса массовое общество включает три составные части: массовое производство, массовое потребление и массовую культуру [16, с. 127]. Эти базовые элементы массовости в период позднего капитализма или в постиндустриальную эпоху никуда не исчезли, а лишь видоизменились: массовое производство стало постфордистским – значительно более гибким и «клиентоориентированным», массовое потребление стало макдональдизированным и выполняющим все больше знаково-символических функций, а массовая культура стала тотально коммерциализированной.

Социальный мир настоящего переживает период цифровой трансформации, вобравшей в себя процессы оцифровки и цифровизации и базирующийся на возникновении «экосистем взаимозависимых цифровых технологий, постоянное развитие которых стимулирует экономические и социальные изменения» [29, с. 10].

В соответствии с известным выражением Маршалла Маклюэна «the medium is the message» [30] «цифровое» отнюдь не является лишь технической характеристикой, описывающей способ коммуникации, хранения и представления информации. «Цифровое» означает то, что жизнь современного человека, его среда обитания, социальные взаимодей-

¹ Что не отменяет идею П. Бурдьё о наличии в поле культурного производства «автономных» произведений, которые не предназначены для массового рынка, но обладают символической ценностью и аутентичностью.

ствия, культурные смыслы, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми технологиями [31–33].

Тем не менее само понятие «цифровое общество» «остаётся довольно проблемным и сложным в методологическом отношении» [34, с. 47]. С большей уверенностью исследователи выражают согласие относительно того, что мы являемся свидетелями наступления «цифровой эры» [35, с. 248] – цифрового этапа развития информационного общества, чьи принципиальные свойства концептуализированы представителями постиндустриальной теории второй половине XX в., такими как Д. Белл, Э. Тоффлер, П. Друкер, М. Кастельс [36; 37].

Индустриально-технологическую основу цифровой стадии развития постиндустриального общества (позднего капитализма) составляют четыре элемента: сетевые коммуникации, технологии больших данных, алгоритмы и платформы [38]. Соответствующими векторами экономических, социальных и культурных изменений являются сетевизация, датификация, алгоритмизация и платформизация [39, с. 114].

Если в процессе сетевизации создаются связи, в процессе датификации потоки информации превращаются в числовые данные, а в процессе алгоритмизации эти данные обрабатываются и используются, например для прогнозирования поведения пользователей, то платформизация – это процесс, в ходе которого извлекается экономическая ценность из всех этих процессов одновременно. Именно поэтому современная стадия развития мировой экономики, основанной на извлечении, анализе и использовании данных как нового «сырья», названа платформенным капитализмом [40]. Цифровые платформы представляют собой «(пере)программируемые цифровые инфраструктуры, которые обеспечивают и формируют персонализированные взаимодействия между конечными пользователями и поставщиками» [39, с. 121]. Платформы не просто используют сети, данные и алгоритмы. Являясь доминирующей организационной формой и занимая уникальную стратегическую позицию в цифровой экономике, они одновременно создают инфраструктурные возможности, собирают информацию о всех действиях и транзакциях, определяют, какие сетевые эффекты будут усиливаться, контролируют алгоритмическое управление взаимодействиями [41].

Элементы массового общества в цифровую эпоху претерпели существенные изменения в первую очередь благодаря платформизации производства, потребления и культуры. Цифровая трансформация представляет собой следующий виток эволюции этих компонентов.

Массовое производство товаров стало не только осуществляться с помощью роботизированных линий изготовления и сборки, но и управляться интегрированными с облачными платформами ERP-системами (Enterprise Resource Planning) – комплексными программными решениями, предназначенными для автоматизации и интеграции ключевых бизнес-процессов предприятия. Капитализм платформ превратил цифровые данные в основное средство производства, собственность на которые, например, определяет устойчивое положение в экономике платформенных комплексов, как глобальных – Apple, Alibaba, Google/Alphabet и другие, так и страновых, таких как «Яндекс», «Сбер», Mail.ru Group, МТС и др. И те, и другие стремятся замкнуть на себе как можно больше пользователей в границах единой и «бесшовной» экосистемы.

Постфордистская гибкость труда и децентрализация производства в цифровую эпоху оборачивается алгоритмическим управлением прекаризированной рабочей силой. Платформы типа Яндекс-GO, предлагающие комплексные услуги и разного рода сервисы –

курьерские, ремонтные, кулинарные, переводческие и прочие – используют алгоритмы для мониторинга, оценки и контроля работников в режиме реального времени через GPS-трекинг, системы рейтингов и автоматизированное распределение задач. Исследователи указывают на то, что это воссоздает на новом уровне архаическую систему менеджмента, который называют «цифровым тейлоризмом», где платформенные алгоритмы выполняют функции надзирателей [42; 43]. «Научная школа управления» Ф. Тейлора была административной основой для формирования поточно-конвейерной системы индустриального производства. Постиндустриальная сервисная экономика цифровой эпохи использует сходные принципы для управления оказанием услуг на рассредоточенном «конвейере», работающем круглосуточно. Платформы локального труда и удаленной работы осуществляют строгий алгоритмический контроль над трудовой деятельностью, в том числе с помощью автоматического мэтчинга (matching), ценообразования и системы рейтингов [44]. Вместе с тем платформизация порождает новые формы самоорганизации самозанятых через сетевые сообщества, координирующие действия без формальной иерархии [45]. Так, например, курьеры обмениваются данными в чатах, организуют бойкоты низкооплачиваемых заказов и «массовые выходы» из приложений. Однако преобладание алгоритмического надзора над «умными толпами» Г. Рейнгольда подчеркивает асимметрию сил в платформенном капитализме.

Платформенный капитализм создает благоприятные условия для развития гигэномики и precarious занятости. Основной формой заработка является «гиг», т. е. разовая подработка или разовый заказ. Специалистов или работников нанимают на конкретные проекты или обязанности, где они выполняют поставленные задачи по краткосрочному договору. При этом бизнес или заказчик платит исполнителю только за конкретный результат, а не за количество отработанных часов, и не имеет, как правило, никаких других обязательств. В гигэномике хорошо себя чувствуют те, кого называют profitians [46], «свободными агентами» [47] или представителями «креативного класса» [48] – не столь многочисленная общность «квалифицированных кадров», способных брать за свои услуги солидное вознаграждение, работая, как правило, не по найму, а на самих себя. Расширяющий численность прекариат находится в иной ситуации. Его представители обычно не обладают высокой квалификацией либо, даже имея ее, вынуждены работать не по специальности, устраиваясь на случайные и невысокооплачиваемые позиции. Нередко такая занятость (в качестве курьера, таксиста, уборщика, сотрудника кол-центра и пр.) сохраняется месяцы и годы и по характеру мало похожа на «ангажементы» эстрадных артистов [49]. Однако работодателю удобно не тратить средства на социальные выплаты и прочие обязанности и сохранять гибкие отношения с «зависимыми самозанятыми» [50].

Если постфордизм характеризовался гибкой специализацией, децентрализацией производства и ориентацией на изменчивые потребительские вкусы, то капитализм платформ в этих отношениях идет еще дальше. Цифровые технологии позволяют сочетать массовость производства с индивидуализацией продукта. Используя большие данные и машинное обучение, компании могут предлагать гибкую кастомизацию, пригодную для производства массовой продукции, прежде всего культурными индустриями. Опираясь на предиктивную аналитику, платформы создают иллюзию индивидуального обслуживания при сохранении массового масштаба производства контента. Традиционные легкие индустрии – пищевая, тек-

стильная, мебельная, электробытовая промышленность – также все больше трансформируются в сторону «массовой кастомизации и персонализации» [51], в том числе используя возможности платформ-маркетплейсов, динамично опосредующих взаимодействия производителей и покупателей.

Массовое потребление анализируется и оценивается исследователями в широком диапазоне взглядов, образованном полюсами цифрового оптимизма и цифрового пессимизма. Сторонники цифрового оптимизма видят в интернет-технологиях широкий спектр возможностей для развития личности, продуктивного потребления и самовыражения. В этой перспективе «*homo digital*» видится тоффлеровским «просьюмером», который не только потребляет, но и активно производит контент, конструирует свою идентичность, жизненное пространство и цифровую среду под свои интересы [52; 53].

Цифровые пессимисты, что называется с цифрами на руках показывают: доля «консьюмеров» среди пользователей Сети статистически более значима. Исследования, проведенные в начале этого десятилетия, «показывают, что пока только меньшинство ориентировано на активное создание сетевого контента и на извлечение из этого выгод и преимуществ» [54, с. 104]. В этом заключается новое качество «цифрового разрыва» между теми, кто создает и размещает в Сети собственные материалы и конвертирует виртуальные ресурсы в символический, социальный и в конечном счете экономический капитал, и теми, кто занят лишь потреблением того, что создают другие, выполняя роль «просмотрщиков контента» [55, с. 106] и «поставщик[ов] внимания как наиболее ценного ресурса в постиндустриальном обществе» [54, с. 107].

Капиталистическая логика диктует непримиримую борьбу за каждый участок Сети ради привлечения и удержания внимания пользователей. Одна из целей этой борьбы заключается в отчуждении внимания в форме коммуникативного продукта: данных об активности, аффинитивности и потребительских предпочтениях [56]. Цифровые метрики (лайки, просмотры, репосты и пр.) используются для монетизации, главным образом через размещения рекламных сообщений. Ключевым инструментом этого процесса становится *programmatic advertising* – автоматизированная закупка рекламы, которая позволяет в реальном времени реализовывать сложные стратегии микротаргетирования. Так через накопление и алгоритмизованную аналитику больших данных происходит перманентная коммодификация внимания массового потребителя цифровых медиа.

Практика показывает, что в массовом масштабе для этих целей наиболее эффективно подходит формат коротких сообщений – шортс или рилс, фото, картинка, анекдот, вербальный мем. Их увеличивающееся потребление обусловлено нейрофизиологическим действием дофамина – нейромедиатора, ответственного за ощущение предвкушения приятного события. Попадая в «дофаминовую ловушку», потребитель машинально переходит от одного микроролика к другому, нередко забывая о своем первоначальном намерении, которое привело его в Интернет.

Платформенный капитализм превращает любого потребителя в «невидимого производителя», генерирующего данные через свою повседневную онлайн-активность. Это создает то, что исследователи называют «отсутствующими фабриками цифрового капитализма» – производственными процессами, которые не локализованы в традиционных производственных пространствах, но пронизывают всю социальную жизнь [57; 58]. Последним естественным преде-

лом для функционирования экономики в режиме 24/7 остается только человеческий сон. Однако и его продолжительность сегодня подвергается «неустанной эрозии» и давлению со стороны экономики внимания, стремящейся колонизировать даже это «время бездействия» [59].

Платформенное массовое потребление развивается в логике углубления формальной рационализации. Дж. Ритцер отмечает, что «базовые принципы макдональдизации применяются в равной мере, или даже лучше, к цифровым платформам, таким как Amazon, чем к традиционным физическим магазинам вроде McDonald's» [60], поскольку они возлагают больше ответственности на пользователя за участие в рационализированных процессах, ведь между ним и товарами (или услугами) посредником выступает не живой продавец, а цифровая платформа, «которая заставляет потребителя самостоятельно создавать (производить) собственный опыт потребления» [60].

Дж. Ритцер и исследователи, пользующиеся его методологией (напр., [61]), убедительно показывают, как четыре базовых принципа макдональдизации усиливаются в цифровую эпоху. Цифровые платформы оптимизируют задачи, минимизируя время и усилия потребителей, например, предлагая оформить заказ в один клик (маркетплейсы), автоматически воспроизводя следующий эпизод сериала (стриминговые сервисы), предлагая новый контент на основе вкусовых предпочтений пользователя (социальные сети и видеохостинги). Количественные метрики доминируют над качественными оценками. Лайки, просмотры, подписчики, рейтинги становятся мерой ценности контента и продукта. Алгоритмы создают предсказуемый и стандартизированный опыт независимо от места и времени. Пользователи получают персонализированные, но структурно идентичные интерфейсы и рекомендации. Не люди, а технологии контролируют производителей, продавцов, товары и потребителей через алгоритмическое управление, правила и регламенты. При этом пятый принцип – иррациональность рациональности – проявляется в дегуманизирующих последствиях алгоритмического управления и в парадоксах, возникающих из переизбытка контроля и данных.

Гибридный (онлайн/оффлайн) характер современной реальности [62] выводит и знаково-символическое, и «демонстративное» значение потребления на новый уровень. Социальное представление о том, что «если что-то не выложено в Сеть, значит этого не было», заставляет обывателя ежедневно множить и демонстрировать мириады гигабайт сетевого контента. Любые формы активности, среди которых важнейшую роль играют практики потребления, выставляются напоказ, благо что способов сделать это существует в избытке. При этом все больший объем цифрового восприятия занимают форматы постоянно появляющихся и исчезающих мультимодальных сообщений – статусы в мессенджерах, «сториз» в социальных сетях и т. п. С их помощью пользователи осуществляют перманентное конструирование идентичности, ставшей, как и многие аспекты современной жизни, тотально мобильной [63].

Массовая культура как компонент массового общества представляет собой сплав народной и элитарной культуры, в который добавлена индустриальная составляющая, благодаря ей массовая культурная продукция имеет свойства тиражируемости и стандартизации. Центральным элементом массовой культуры является массовое искусство. Как и народное творчество, оно доступно каждому и нередко создается на основе фольклорных сюжетов. Как и высокое искусство, искусство для масс не создается стихийно, оно производится точно-конвейерным способом профессиональными работниками культурных индустрий

при покровительстве и поддержке капитала или государства и распространяется с помощью СМИ и новых медиа. Если народная и высокая культура и искусство направлены «на превращение богатства совокупной человеческой истории во внутреннее достояние личности... [что является] условием развития его сущностных характеристик» [19, с. 15], то основной функцией искусства массовой культуры является социализация индивида, его адаптация к актуальной социокультурной среде. «Отсюда же – и его настроенность на самовоспроизводство, где социально значимая информация бесконечно репродуцируется в сходных между собой вариантах, настойчиво доводя до сознания потребителей те принципы, на которых основывается данное общество» [19, с. 37].

Сегодня эти принципы, как и прежде, глубоко связаны с принимающим новые причудливые формы потреблением – паническим, импульсивным, компульсивным и пр. [64]. Новизна текущего состояния заключается в «глубокой медиатизации» культурного производства и потребления [65], когда «все измерения индивидуальных и институциональных практик оказываются детерминированы ансамблями опосредованных медиаустройствами и медиатехнологиями социальных действий, т. е., по существу, тотально медиатизированными» [66, с. 68].

Классический взгляд на массовую культуру информационного общества, представленный в работах М. Маклюэна [30], Э. Тоффлера [67], Д. Нейсбита [68], предполагал, что основной тенденцией развития культуры будущего является ее демассификация, происходящая вследствие растущей диверсификации и возможностей выбора информационных каналов и платформ, а также децентрализации и демократизации средств массовой коммуникации. В XXI в. развитие программных алгоритмов и технологий искусственного интеллекта создает все увеличивающиеся возможности для глубокой кастомизации и индивидуализации каждодневного опыта восприятия медиасреды. Культурная ситуация современности, развивающаяся под сильнейшим воздействием медийных технологий, нивелирует иерархический принцип хит-парадов и «звезд», предлагая взамен принцип сосуществования культурных явлений – произведений, артефактов, стилей, направлений самых разных форм, форматов, уровней сложности и эстетической ценности, каждое из которых может занимать нишу того или иного объема в медиaprостранстве.

Аналитики выделяют две основные проблемы культуры цифровой эпохи, ставшие следствием постоянно растущего разнообразия средств производства, каналов распространения и форматов потребления культурной продукции с помощью углубляющих свое влияние медиа. Первая из них обозначается как проблема перепроизводства культурной продукции. Ее изобилие, доступность и «демократичность» оборачиваются «в конечном итоге – информационным хаосом, способным уничтожить все преимущества культурной демассификации. <...> Кризис перепроизводства ведет к кризису перепотребления, рискующему обернуться утратой вкуса к культурной жизни как таковой» [69, с. 108]. Вторая проблема заключается в фрагментации культуры, которая в цифровую эпоху усиливается вследствие постоянного совершенствования рекомендательных алгоритмов. «Получив с помощью принципа адресности возможность отворачиваться от всего, что не соответствует его картине мира, человек цифровой эпохи склонен слышать вокруг лишь бесконечное эхо себя самого» [69, с. 110]. «Эхо-камерность» и ориентация на нишевость лишает культуру и искусство функции наведения мостов между различными социальными группами. Выстра-

ивание множества отделенных друг от друга культурных подмиров, оперирующих специфическими знаками и образами, увеличивает риски межличностного и межгруппового непонимания и отчуждения. Общество теряет свою целостность в результате того, что утрачивается общность этических, художественных, интеллектуальных ориентиров, позволяющих устанавливать общезначимые смысловые оппозиции: высокого и низкого, гениального и пошлого, сакрального и профанного и т. п. Таким образом, демассификация культуры парадоксальным образом воспроизводит массовость – конгломерат разобщенных индивидов, руководствующихся не разделяемыми смыслами, а эмоциональными порывами, вызванными воздействием объектов, приковывающих их непроизвольное внимание.

Однако невозможность бесконечной дифференциации культуры, помноженная на стремление индивидов не только подчеркивать свою уникальность, но и получать признание «своих», занимая место в общностях, обладающих устойчивой коллективной идентичностью, порождает компенсаторную тенденцию «свермассификации» культуры [70]. Она заключается в принятии культурных установок определенного сообщества ценой снижения степени собственной индивидуализации. «Проявлением свермассификации можно объяснить то, что участники групп, даже имеющих открытый доступ к глобальной информации и возможности для бесконечного выбора идентичностей, стремятся к гомогенизации своего культурного пространства» [70, с. 22]. Этот процесс усреднения предпочтений в цифровую эпоху происходит не столько на уровне мировой культуры в целом, сколько на уровне сообществ и их микрокультур. В результате, по выражению К. Андерсона, вместо одной массовой культуры возникает «масса параллельных культур» [71].

Стоит отметить, что цифровая современность стирает границы между массовым производством, массовым потреблением и массовой культурой. Это происходит по той причине, что сегодня все три сферы опосредованы платформами, которые одновременно организуют производство контента, его потребление и формирование культурных норм и предпочтений. Платформа не является нейтральным посредником, она и формируемая на ее основе экосистема стремятся функционировать как тотальная алгоритмическая среда, которая не просто вмещает в себя пользователей, но определенно структурирует их активность. Задавая «архитектуру выбора» [72], эта среда мягко, но настойчиво направляет массовое внимание и моделирует поведенческие паттерны, фактически осуществляя «медиатизированное конструирование реальности» [73].

Заключение. Проведенное теоретическое исследование позволяет заключить, что нередко используемый сегодня термин «постмассовое общество», по своей сути, может означать не преодоление свойств массового индустриального социума, а лишь его цифровую реконфигурацию или адаптацию к условиям платформенного капитализма.

Механизм интеграции массы остался прежним: разрозненные индивиды контролируются с помощью объектов и событий массового внимания. Если в предшествующие периоды внимание и активность масс носили «пульсирующий» и спорадический характер, то в цифровую эпоху этот механизм получил технологическую оптимизацию. Несмотря на наличие феномена стихийного или «вирусного» распространения контента в социальных медиа, платформенные формально рациональные системы создали ситуацию гораздо большей предсказуемости и стабильности управления массовым вниманием.

Сущность современного массового общества, с нашей точки зрения, состоит в продолжении старых социальных тенденций на новых цифровых основаниях. Массовое производство, массовое потребление и массовая культура как составные части не исчезли, а лишь перестроились в условиях платформенной экономики внимания.

Цифровые технологии и машинное обучение позволяют сочетать массовость производства с индивидуализацией продукта. Капитализм платформ превратил цифровые данные в главное средство производства, собственность на которые определяет устойчивое положение в цифровой экономике. Одновременно постфордистская гибкость труда и его децентрализация оборачиваются алгоритмическим управлением прекаризированной рабочей силой.

Потребление цифровой эпохи устроено так, что при сохранении массового масштаба оно создает иллюзию индивидуального обслуживания. При этом каждый потребитель превращается в «невидимого производителя», генерирующего данные через повседневную онлайн-активность. Внимание, которое в индустриальную эпоху было статистическим ресурсом СМИ, в условиях платформенного капитализма превратилось в главную, тотально исчисляемую валюту. Экономика платформ строится не только на привлечении, а на алгоритмической колонизации внимания пользователя. Платформы не просто предоставляют доступ к аудиториям. Они добывают внимание в режиме 24/7, они измеряют его с точностью до миллисекунды и пикселя, конвертируют его в данные о поведении и стремятся алгоритмически управлять им в реальном времени.

Погруженность *homo digital* в потребление фрагментарного цифрового контента, рассчитанного на мгновенное удовлетворение, приводит к деформации его когнитивных и волевых способностей (феномены «клипового» и «кликерного» мышления, «дофаминовой ловушки»), затрудняющей концентрацию, последовательную мыслительную деятельность и самоопределение. Таким образом, экономика внимания вполне соответствует образу мышления расширяющего свою численность прекариата, который при отсутствии перспектив карьерного роста и профессионального развития живет сегодняшним днем, растрачивая ресурс своего времени на случайные стимулы.

Массовая культура в условиях цифровой медиатизации превращается в коммерциализованную платформенную культуру, где алгоритмы определяют видимость контента. Рекомендательные системы фрагментируют культурное пространство на множество отделенных друг от друга микромиров («эхо-камер»), лишая культуру функции связи между социальными группами. Одновременно изобилие продукции попкультурных индустрий порождает кризис перепроизводства и перепотребления, угрожающий утратой общезначимых культурно-смысловых ориентиров. Компенсаторная тенденция «сверхмассификации» приводит к гомогенизации предпочтений внутри специализированных общностей.

В этих условиях характер массовости культуры трансформируется: вместо единой культуры для масс, воспроизводимой через централизованные СМИ и культурные институты (телевидение, радио, газеты, кинематограф, издательства, театры), возникает фрагментированная «массовость» в виде алгоритмически организованных параллельных микрокультур, формирующихся вокруг специфических интересов участников нишевых сообществ. Иными словами, демассификация культуры оборачивается превращением общества в ту самую массу, т. е. конгломерат атомизированных индивидов и сообществ, чья способность оперировать общезначимыми культурными смыслами снижена.

Таким образом, массовое общество цифровой эпохи создает парадоксальное сочетание массовости и персонализации. Хотя люди чувствуют себя более свободными в выборе способа заработка, стиля жизни, идентичностей и культурных предпочтений, на самом деле они подвергаются новым формам контроля и стандартизации через систему рекомендательных алгоритмов, агрессивный цифровой маркетинг и платформенную зависимость. Платформенное массовое общество – это этап эволюции классического массового общества в условиях цифровой («глубокой») медиатизации, в которой свойственное массе отсутствие субъектности воспроизводится через алгоритмически организованные системы контроля.

В завершение статьи следует отметить некоторые из осознаваемых нами ограничений проведенного исследования. Прежде всего оно почти полностью игнорирует роль государства как активного фактора трансформации массового общества в платформенную эпоху. Между тем государство осуществляет значительное регулятивное влияние на развитие цифровых платформ. Примерами являются введение EU Digital Services Act (2024) в Европе и принятие закона о регулировании платформенной экономики (2025) в России. Еще одно ограничение связано с тем, что платформенный капитализм в статье анализируется как универсальный, глобальный процесс, применимый ко всем странам и регионам. Однако логика платформизации в России, Китае, Индии и других странах существенно отличается от западной модели: здесь государственное регулирование играет иную роль, доминируют локальные платформы с собственной инфраструктурой, а культурные и исторические особенности формируют специфические модели взаимодействия между платформами, пользователями и государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блумер Г. Коллективное поведение // Психология масс: хрестоматия / сост. Д. Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах-М», 1998. С. 547–556.
2. Вахменин В. Н. Роль массы в социокультурной динамике: дис. ... канд. филос. наук / ВолГУ. Волгоград, 2016.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2000.
4. Лебон Г. Психология масс // Психология масс: хрестоматия / сост. Д. Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах-М», 1998. С. 5–130.
5. Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр.; под ред. П. Когана. М.: АСТ, 2021.
6. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005.
7. Вахменин В. Н. «Объект внимания» как фактор интеграции массы // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3. С. 303–310.
8. Фромм Э. Человеческая ситуация – ключ к гуманистическому психоанализу // Искусство любить / пер. с англ. Л. В. Трубицыной. М.: АСТ, 2004. С. 9–66.
9. Ильин А. Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 167–176.
10. Burkitt I. Social Selves: Theories of Self and Society. 2nd ed. LA: Sage, 2008.
11. Московичи С. Наука о массах // Психология масс: хрестоматия / сост. Д. Я. Райгородский. Самара: ИД «Бахрах-М», 1998. С. 389–407.
12. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: ПОСТУМ, 2015.
13. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса. М.: АСТ, 2023.
14. Российская социологическая энциклопедия. Теории массы / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Норма-Инфра-М, 1998. С. 552–553.

15. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Политиздат, 1991.
16. Полякова Н. Л. Теория массового общества и постмодернистская социология // XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004. С. 127–158.
17. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. М. Гелескул // Восстание масс. М.: АСТ, 2002. С. 11–208.
18. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. М.: Юрист, 1994.
19. Костина А. В., Кожаринова А. Р. Конструктивный потенциал массовой культуры. М.: ЛЕНАНД, 2015.
20. Ильин А. Н. Концепт культуры общества потребления: дис. ... д-ра филос. наук / ОмГПУ. Омск, 2025.
21. Ильин В. И. Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структуризация повседневности общества потребления. СПб.: Интерсоцис, 2007.
22. Ильин В. И. Поведение потребителей. СПб.: Питер, 2000.
23. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. С. Г. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984.
24. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. Т. 14, № 2. С. 3–40.
25. Ритцер Дж. Макдональдизация общества / пер. с англ. А. В. Лапина. М.: Логос, 2011.
26. Вахрушева О. П. Постмодернистский неомарксизм Фредрика Джеймисона // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 86–98.
27. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения: философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, 1997.
28. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
29. Цифровая трансформация: ожидания и реальность: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишнеvский и др. М.: ИД ВШЭ, 2022.
30. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007.
31. Строков А. А. Социальные проявления цифровой культуры // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 46–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-46-52.
32. Дмитриева Т. В. Цифровизация как фактор социокультурных изменений в России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 23–26.
33. Салтанович И. П. Концепции культуры цифрового общества в современной социологии // Цифровая социология. 2024. Т. 7, № 1. С. 26–31. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-1-26-31.
34. Багдасарян Н. Г., Кравченко А. Л. «Цифровое общество»: концептуальные подходы, проблемы и перспективы // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 2. С. 47–59. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.4.
35. Новые медиа: социальная теория и методология исследований: словарь-справочник / отв. ред. О. В. Сергеева, О. В. Терещенко. СПб.: Алетейя, 2017.
36. Дианов Р. К. Влияние постиндустриализации на социально-профессиональную структуру современного общества: теоретический обзор // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 3. С. 54–66. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66.
37. Чернавин Ю. А. Цифровое общество: теоретические контуры складывающейся парадигмы // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 2. С. 4–12. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12.
38. Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge: Polity Press, 2019.
39. Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 2. С. 112–129. DOI: 10.24412/2079-0910-2021-2-112-129.
40. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ.; под науч. ред. М. Добряковой. М.: ИД ВШЭ, 2019.
41. Van Dijck J. Governing Digital Societies: Private Platforms, Public Values // Computer Law & Security Review. 2020. Vol. 36: 105377. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105377>.

42. Gautie J., Jaehrling K., Perez C. Neo-Taylorism in the Digital Age: Workplace Transformations in French and German Retail Warehouses // *Relations industrielles*. 2020. Vol. 75, no. 4. P. 774–795. DOI: <https://doi.org/10.7202/1074564ar>.

43. Altenried M. *The Digital Factory: The Human Labor of Automation*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2022.

44. Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // *Социология власти*. 2020. Т. 32, № 1. С. 30–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54.

45. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.

46. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

47. Pink D. H. *Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*. NY: Warner Books, 2001.

48. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые создают будущее / пер. с англ. А. Лапина. М.: Классика-XXI, 2007.

49. Крауч К. Восторжествует ли гиганомика? // *Экономическая социология*. 2019. Т. 20, № 4. С. 14–35.

50. Шевчук А. В. Границы автономии: феномен «зависимой» самозанятости // *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 35–51.

51. Феномен массовой персонализации и кастомизации / К. А. Татаринов, С. М. Музыка, Н. Н. Аникиенко, И. А. Савченко // *Вестн. Алтайской академии экономики и права*. 2023. № 7-1. С. 99–104. DOI: 10.17513/vaael.2905.

52. Гусельцева М. С. НОМО DIGITAL: трансформации идентичности в информационной культуре // *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: сб. тезисов конф.* М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 17–21.

53. Лисенкова А. А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // *Вопросы философии*. 2020. № 3. С. 65–74. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-3-65-74.

54. Иванов Д. В. Интернет-коммуникации как социальная рутина в российских мегаполисах // *Социология науки и технологий*. 2022. Т. 13, № 1. С. 97–115. DOI: 10.24412/2079-0910-2022-1-97-115.

55. Лешкевич Т. Г. Цифровая трансформация эпохи в проекции ее влияния на современного человека // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2019. № 439. С. 103–110. DOI: 10.17223/15617793/439/12.

56. Декалов В. В. Коммуникативный капитал: концептуализация понятия // *Вестн. СПбГУ. Социология*. 2017. Т. 10, № 4. С. 397–409. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2017.402.

57. Pinheiro L. G. Protocols of Production: The Absent Factories of Digital Capitalism // *American Political Science Review*. 2025. Vol. 119, iss. 3. P. 1085–1098. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055424000911>.

58. Pizzolato N. The Hidden Labour of Digital Capitalism: Changes, Continuities, Critical Issues // *Int. Review of Social History*. 2024. Vol. 69, iss. 2. P. 299–306. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859024000336>.

59. Крэри Дж. 24/7. Поздний капитализм и цели сна / пер. с англ.; под науч. ред. А. Смирнова. М.: ИД ВШЭ, 2022.

60. Ritzer G., Miles S. The Changing Nature of Consumption and the Intensification of McDonaldization in the Digital Age // *J. of Consumer Culture*. 2019. Vol. 19, no. 1. P. 3–20. DOI: 10.1177/1469540518818628.

61. Welskop W. The Mcdonaldization of Streaming Services in Poland: A Case Study of Netflix // *Transformacje*. 2024. № 4 (123). P. 92–103.

62. Beck U. *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*. Cambridge; Malden: Polity, 2016.

63. Elliott A., Urry J. *Mobile Lives*. London; NY: Routledge, 2010.

64. Радаев В. В. *Нестандартное потребление*. М.: ИД ВШЭ, 2025.

65. Hepp A. *Deep Mediatization*. London; NY: Routledge, 2020.

66. Гавра Д. П. Этапы и уровни медиатизации. Глубокая/транзакционная медиатизация // Медиатизация социальности в платформенном обществе: процессы и эффекты / под общ. ред. Д. П. Гавры. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. С. 61–99.

67. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. С. Барабанова, К. Бурмистрова, Л. Бурмистровой и др. М.: АСТ, 2004.

68. Нейсбит Д. Мегатренды / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2003.

69. Стракович Ю. Фрагментация культуры в цифровую эпоху: угроза или благо? // Наука телевидения. 2010. Т. 7. С. 100–115.

70. Смолкина Д. В. Трансформации массовой культуры в постиндустриальном обществе: автореф. дис. ... канд. культурол. наук / УрФУ. Екатеринбург, 2012.

71. Андерсон К. Длинный хвост. Эффективная модель бизнеса в Интернете / пер. с англ. И. Аникеева. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

72. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

73. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2016.

Информация об авторе.

Пивоваров Александр Михайлович – кандидат социологических наук (2006), доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: массовое общество, массовая культура, социология тела, социологический анализ репродуктивности.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 06.11.2025; принята после рецензирования 01.12.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.

REFERENCES

1. Blumer, H. (1998), "Collective Behavior", *Psikhologiya mass: khrestomatiya* [Psychology of the masses: a textbook], comp. Raigorodskii, D.Ya., ID "Bakhrakh-M", Samara, RUS, pp. 547–556.

2. Vakhmenin, V.N. (2016), "The role of the masses in socio-cultural dynamics", *Can. Sci. (Philology) Thesis*, Volgograd State Univ., Volgograd, RUS.

3. Baudrillard, J. (2000), *A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social*, Transl. by Suslova, N.V., Izd-vo Ur. un-ta, Yekaterinburg, RUS.

4. Le Bon, G. (1998), "Les Lois Psychologiques de l'Évolution des Peuples. La Psychologie des Foules", *Psikhologiya mass: khrestomatiya* [Psychology of the masses: a textbook], comp. Raigorodskii, D.Ya., ID "Bakhrakh-M", Samara, RUS, pp. 5–130.

5. Tarde, G. (2021), *L'opinion et la foule*, Transl. by Kogan, P., AST, Moscow, RUS.

6. Sztompka, P. (2005), *Socjologia analiza społeczeństwa*, Transl. by Chervonnaya, S.M., Logos, Moscow, RUS.

7. Vakhmenin, V.N. (2015), "Object of regard" as a factor of integrating mass", *The Caspian Region: Politics, Economics, culture*, no. 3, pp. 303–310.

8. Fromm, E. (2004), "The human situation – The Key to Humanistic Psychoanalysis", *The Art of Loving*, Transl. by Trubitsyna, L.V., AST, Moscow, RUS, pp. 9–66.

9. Ilyin, A.N. (2011), "Mass Culture and Subcultures of Modern Society", *Social Sciences And Contemporary World*, no. 4, pp. 167–176.

10. Burkitt, I. (2008), *Social Selves: Theories of Self and Society*, 2nd ed., Sage, LA, USA.

11. Moscovici, S. (1998), "The Discovery of the Masses", *Psikhologiya mass: khrestomatiya* [Psychology of the masses: a textbook], comp. Raigorodskii, D.Ya., ID "Bakhrakh-M", Samara, RUS, pp. 389–407.
12. Baudrillard, J. (2015), *Simulacres et Simulation*, Transl. by Kachalova, A., POSTUM, Moscow, RUS.
13. Debord, G. (2023), *La Société du spectacle*, Transl. by Ofertas, S., AST, Moscow, RUS.
14. Osipov, G.V. (ed.) (1998), *Rossiiskaya sotsiologicheskaya ehntsiklopediya. Teorii massy* [Russian Sociological Encyclopedia. Theories of mass], Norma-Infra-M, Moscow, RUS, pp. 552–553.
15. Jaspers, K. (1991), *Die geistige Situation der Zeit*, Transl. by Levina, M.I., Politizdat, Moscow, RUS.
16. Polyakova, N.L. (2004), "Theory of mass society and postmodern sociology", *XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva* [XX century in sociological theories of society], Logos, Moscow, RUS, pp. 127–158.
17. Ortega y Gasset, Jo. (2002), "La rebelión de las masas", Transl. by Geleskul, A.M., *La rebelión de las masas*, AST, Moscow, RUS, pp. 11–208.
18. Mannheim, K. (1994), *Ideologie und Utopie*, Transl., Yurist, Moscow, RUS.
19. Kostina, A.V. and Kozharinova, A.R. (2015), *Konstruktivnyi potentsial massovoi kul'tury* [the constructive potential of mass culture], LENAND, Moscow, RUS.
20. Il'in, A.N. (2025), "The concept of culture of the consumer society", Dr. Sci. (Philosophy) Thesis, OSPU, Omsk, RUS.
21. Il'in, V.I. (2007), *Byt i bytie molodezhi rossiiskogo megapolisa: sotsial'naya strukturatsiya povsednevnosti obshchestva potrebleniya* [Life and being of the youth of the Russian metropolis: social structuring of the everyday consumer society], Intersotsis, SPb., RUS.
22. Il'in, V.I. (2000), *Povedenie potrebiteli* [Consumer behavior], Piter, SPb., RUS.
23. Veblen, T. (1984), *The Theory of The Leisure Class*, Transl. by Sorokin, S.G., Progress, Moscow, USSR.
24. Ilyin, V.I. (2005), "Consumer Society: Theoretical Model and Russian Reality", *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, vol. 14, no. 2, pp. 3–40.
25. Ritzer, G. (2011), *The McDONALDIZATION of Society*, Transl. by Lapin, A.V., Logos, Moscow, RUS.
26. Vakhrusheva, O.P. (2015), "Fredric Jameson's Postmodernist Neo-Marxism", *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, vol. 15, iss. 2, pp. 86–98.
27. Horkheimer, M. and Adorno, T. (1997), *Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente*, Transl. by Kuznetsov, M., Medium, Moscow, RUS.
28. Jameson, F. (2019), *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism*, Transl. by Kralechkin, D., Izd-vo Instituta Gaidara, Moscow, RUS.
29. Abdrakhmanova, G.I., Vasil'kovskii, S.A., Vishnevskii, K.O. et al. (2022), *Tsifrovaya transformatsiya: ozhidaniya i real'nost'* [Digital Transformation: Expectations and Reality], ID HSE, Moscow, RUS.
30. Maklyuehn, G.M. (2007), *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: External human Extensions], Transl. by Nikolaev, V., Giperboreya, Kuchkovo pole, Moscow, RUS.
31. Stokov, A.A. (2020), "Social Manifestations of Digital Culture", *Humanitarian Vector*, vol. 15, no. 4, pp. 46–52. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-46-52.
32. Dmitrieva, T.V. (2023), "Digitalization as a Factor of Socio-Cultural Changes in Russia", *Social and humanitarian knowledge*, no. 7, pp. 23–26.
33. Saltanovich, I.P. (2024), "Concepts of culture of digital society in contemporary sociology", *Digital Sociology*, vol. 7, no. 1, pp. 26–31. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-1-26-31.
34. Bagdasaryan, N.G. and Kravchenko, A.L. (2023), "'Digital Society': Conceptual Approaches, Problems and Prospects", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 2, pp. 47–59. DOI: 10.17805/zpu.2023.2.4.
35. Sergeeva, O.V. and Tereshchenko, O.V. (eds.) (2017), *Novye media: sotsial'naya teoriya i metodologiya issledovaniy: slovar'-spravochnik* [New media: social theory and research methodology: a dictionary], Aleteiya, SPb., RUS.
36. Dianov, R.K. (2025), "A Theoretical Review of How Post-Industrialization Shapes the Social-Professional Structure of Modern Society", *DISCOURSE*, vol. 11, no. 3, pp. 54–66. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-54-66.

37. Chernavin, Yu.A. (2021), "Digital society: theoretical outlines of the emerging paradigm", *Digital sociology*, vol. 4, no. 2, pp. 4–12. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-2-4-12>.
38. Selwyn, N. (2019), *What is Digital Sociology?*, Polity Press, Cambridge, UK.
39. Dobrinskaya, D.E. (2021), "What is the Digital Society?", *Sociology of Science and Technology*, vol. 12, no. 2, pp. 112–129. DOI: [10.24412/2079-0910-2021-2-112-129](https://doi.org/10.24412/2079-0910-2021-2-112-129).
40. Srnicek, N. (2019), *Platform Capitalism*, Transl. by Dobryakova, M., ID HSE, Moscow, RUS.
41. Van Dijck, J. (2020), "Governing Digital Societies: Private Platforms, Public Value", *Computer Law & Security Review*, vol. 36: 105377. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105377>.
42. Gautie, J., Jaehrling, K. and Perez, C. (2020), "Neo-Taylorism in the Digital Age: Workplace Transformations in French and German Retail Warehouses", *Relations industrielles*, vol. 75, no. 4, pp. 774–795. DOI: <https://doi.org/10.7202/1074564ar>.
43. Altenried, M. (2022), *The Digital Factory: The Human Labor of Automation*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
44. Shevchuk, A.V. (2020), "From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy", *Sociology of Power*, vol. 32, no. 1, pp. 30–54. DOI: [10.22394/2074-0492-2020-1-30-54](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54).
45. Rheingold, H. (2006), *Smart mobs: the next social revolution*, Transl. by Gar'kavyi, A., FAIR-PRESS, Moscow, RUS.
46. Standing, G. (2014), *The Precariat. The New Dangerous Class*, Transl. by Usova, N., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
47. Pink, D.H. (2001), *Free Agent Nation: How America's New Independent Workers Are Transforming the Way We Live*, Warner Books, NY, USA.
48. Florida, R. (2007), *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*, Transl. by Lapin, A., Klassika-XXI, Moscow, RUS.
49. Crouch, C. (2019), "Will the Gig Economy Prevail?", *J. of Economic Sociology*, vol. 20, no. 4, pp. 14–35.
50. Shevchuk, A.V. (2010), "The Limits of Autonomy: a Phenomenon of "Dependent" Self Employment", *Sociological J.*, no. 3, pp. 35–51.
51. Tatarinov, K.A., Muzyka, S.M., Anikienko, N.N. and Savchenko, I.A. (2023), "The Phenomenon of Mass Personalization and Customization", *Vestnik Altaiskoi akademii ehkonomiki i prava*, no. 7-1, pp. 99–104. DOI: [10.17513/vaael.2905](https://doi.org/10.17513/vaael.2905).
52. Guseltseva, M.S. (2018), "HOMO DIGITAL: transformation of identity in information culture", *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme* [Digital society in the cultural and historical paradigm], NIU HSE, pp. 17–21.
53. Lisenkova, A.A. (2020), "Transformation of identity in the digital age", *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 65–74. DOI: [10.21146/0042-8744-2020-3-65-74](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-65-74).
54. Ivanov, D.V. (2022), "The Internet Communication as Social Routine in Russian Metropolitan Areas", *Sociology of Science and Technology*, vol. 13, no. 1. pp. 97–115. DOI: [10.24412/2079-0910-2022-1-97-115](https://doi.org/10.24412/2079-0910-2022-1-97-115).
55. Leshkevich, T.G. (2019), "Digital Transformation of the Era in the Projection of Their Impact on the Modern Man", *Tomsk State Univ. J.*, no. 439, pp. 103–110. DOI: [10.17223/15617793/439/12](https://doi.org/10.17223/15617793/439/12).
56. Dekalov, V.V. (2017), "Communicative capital: conceptualization of the concept", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Sociology*, vol. 10, no. 4, pp. 397–409. DOI: [10.21638/11701/spbu12.2017.402](https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.402).
57. Pinheiro, L.G. (2025), "Protocols of Production: The Absent Factories of Digital Capitalism", *American Political Science Review*, vol. 119, iss. 3, pp. 1085–1098. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055424000911>.
58. Pizzolato, N. (2024), "The Hidden Labour of Digital Capitalism: Changes, Continuities, Critical Issues", *Int. Review of Social History*, vol. 69, iss. 2, pp. 299–306. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0020859024000336>.
59. Crary, Jo. (2022), *24/7 Late Capitalism and the Ends of Sleep*, Transl. by Smirnov, A., ID HSE, Moscow, RUS.

60. Ritzer, G. and Miles, S. (2019), "The Changing Nature of Consumption and the Intensification of McDonalidization in the Digital Age", *J. of Consumer Culture*, vol. 19, no. 1, pp. 3–20. DOI: 10.1177/1469540518818628.

61. Welskop, W. (2024), "The Mcdonaldization of Streaming Services in Poland: A Case Study of Netflix", *Transformacje*, no. 4 (123), pp. 92–103.

62. Beck, U. (2016), *The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World*, Polity, Cambridge, Malden, UK.

63. Elliott, A. and Urry, J. (2010), *Mobile Lives*, Routledge, London, NY, USA.

64. Radaev, V.V. (2025), *Nestandardnoe potreblenie* [Non-standard consumption], ID HSE, Moscow, RUS.

65. Hepp, A. (2020), *Deep Mediatization*, Routledge, London, NY, USA.

66. Gavra, D.P. (2025), "Stages and levels of mediatization. Deep/transactional mediatization", *Mediatizatsiya sotsial'nosti v platformennom obshchestve: protsessy i ehffekty* [The mechanization of sociality in a platform society: processes and effects], in Gavra, D.P. (ed.), POLITEKH-PRESS, SPb., RUS, pp. 61–99.

67. Toffler, A. (2004), *The Third Wave*, Transl. by Barabanov, S., Burmistrov, K., Burmistrova, L. et al., AST, Moscow, RUS.

68. Naisbitt, D. (2003), *Megatrends*, Transl. by Levin, M.B., AST, Moscow, RUS.

69. Strakovich, Yu. (2010), "Fragmentation of culture in the digital age: threat or benefit?", *Nauka televideniya* [The science of television], vol. 7, pp. 103–115.

70. Smolkina, D.V. (2012), "Transformations of mass culture in post-industrial society", Abstract of Can. Sci. (Cultural studies), dissertation, UrFU, Yekaterinburg, RUS.

71. Anderson, Ch. (2012), *The Long Tail: Why the Future of Business is Selling Less of More*, Transl. by Anikeev, I., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.

72. Thaler, R. and Sunstein, C. (2018), *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*, Transl. by Petrova, E., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, RUS.

73. Couldry, N. and Hepp, A. (2016), *The Mediated Construction of Reality*, Polity Press, Cambridge, Malden, USA.

Information about the author.

Alexander M. Pivovarov – Can. Sci. (Sociology, 2006), Associate Professor at the Higher School of Media Communications and Public Relations of the Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia; Associate Research Fellow at the Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of more than 50 scientific publications. Area of expertise: mass society, mass culture, sociology of the body, sociological analysis of reproductive behavior.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 06.11.2025; adopted after review 01.12.2025; published online 20.02.2026.

Оригинальная статья
УДК 372.881.161.1
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-105-125>

Влияние межъязыковых факторов на усвоение фонетики русского языка китайскими студентами. Исследование динамической взаимосвязи между восприятием и воспроизводством взрывных согласных

Анна Чжао¹, Синьлу Ян²✉, Сянсюэ Ван³

^{1, 2, 3}Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, Синьцзян, Китай

¹zanna1115@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-3141-9600>

²✉xjsdyxl@126.com, <https://orcid.org/0009-0008-0507-5147>

³820162047@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-0084-8916>

Введение. В области изучения второго языка выполнено достаточно исследований, демонстрирующих проблемы, с которыми сталкиваются учащиеся при изучении иностранного языка, но динамическая взаимосвязь между восприятием и воспроизведением китайскими учащимися русских взрывных звуков изучена не полностью. Целью данного исследования является изучение особенностей восприятия и произношения русских взрывных согласных изучающими русский язык как второй, уделяя особое внимание изучению влияния уровня владения языком, артикуляционной позиции и контекстуальным факторам на результаты усвоения.

Методология и источники. В рамках исследования был проведен эксперимент по восприятию и воспроизводству речи с участием 40 китайцев, изучающих русский язык, и 5 носителей русского языка, которые использовали акустические измерения и анализ речи при помощи программы Praat и визуализацию на языке R для измерения времени начала озвончения (VOT).

Результаты и обсуждение. Исследования показали, что существует трехуровневая разница в точности восприятия губных взрывных согласных, альвеолярных взрывных согласных и палатальных взрывных согласных, при этом глухие согласные воспринимаются лучше, чем звонкие. При выполнении заданий на восприятие и производство звуков результаты учащихся, находящихся на более высокой ступени обучения, значительно лучше, чем у начинающих, что подтверждает вывод о том, что опыт обучения оказывает стимулирующее воздействие при усвоении русских взрывных согласных. Ошибки, совершенные в потоке речи, встречаются чаще, чем при использовании отдельных слов, что показывает помехи, вызванные семантической обработкой информации при воспроизводстве взрывных согласных. Следует отметить, что восприятие и воспроизведение глухих взрывных звуков демонстрирует значительную положительную корреляцию, в то время как для звонких взрывных звуков наблюдается разделение восприятия и воспроизведения, что ставит под сомнение традиционную целостную модель фонологической обработки информации.

© Чжао А., Ян С., Ван С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Приведенные результаты расширяют «модель обучения речи» и устанавливают иерархию отдельных элементов при усвоении произношения взрывных согласных второго языка. В то же время они предоставляют эмпирические данные для реализации стратегий последовательной тренировки произношения и опоры на контекст при обучении русской фонетике.

Ключевые слова: восприятие, воспроизведение, русский язык, взрывные согласные, китайские студенты

Благодарность: авторы выражают благодарность всем участникам эксперимента, а также признательны анонимным рецензентам за ценные замечания к предыдущей версии статьи.

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Фонда гуманитарных и социальных наук Министерства образования КНР (проект № 22YJA740032 «Исследование устной речи и стратегий повышения общезыковых навыков молодых трудовых мигрантов в сельских районах Южного Синьцзяна»).

Для цитирования: Чжао А., Ян С., Ван С. Влияние межъязыковых факторов на усвоение фонетики русского языка китайскими студентами. Исследование динамической взаимосвязи между восприятием и воспроизведением взрывных согласных // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 105–125. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-105-125.

Original paper

The Impact of Cross-Linguistic Factors on the Russian Phonetics Acquisition by Chinese Students. Exploration of the Dynamic Relationship between Perception and Production of Plosive Consonants

Anna Zhao¹, Xinlu Yang²✉, Xiangxue Wang³

^{1, 2, 3}Xinjiang Normal University, Urumqi, Xinjiang, China

¹zanna1115@163.com, <https://orcid.org/0009-0001-3141-9600>

²✉xjsdyxl@126.com, <https://orcid.org/0009-0008-0507-5147>

³820162047@qq.com, <https://orcid.org/0009-0007-0084-8916>

Introduction. In the field of second language acquisition, there has been sufficient research to demonstrate the challenges faced by cross-linguistic phonetic learning, but the dynamic relationship between Chinese learners' perception and production of Russian plosives has not been fully explored. This study aims to investigate the perception and production patterns of Russian plosives among Chinese L2 learners, with a focus on exploring the influence of proficiency level, articulatory position, and contextual factors on acquisition outcomes.

Methodology and sources. This study conducted a perception and production experiment involving 40 Chinese Russian language learners and 5 native Russian speakers, using Praat speech analysis and R language visualization analysis to measure the voice onset time (VOT) through acoustic measurements.

Results and discussion. Research has found that there is a three-level difference in perceptual accuracy between labial plosives, alveolar plosives and soft palate plosives, with voiceless plosives being perceived better than voiced plosives; The performance of senior learners in dual tasks is significantly better than that of junior learners, confirming that learning experience has a promoting effect on the acquisition of Russian plosives; The error rate produced in flow of speech is higher than that of isolated words, reflecting the interference effect of semantic processing on plosive production. It is worth noting that the

perception and production of voiceless plosives show a significant positive correlation, while voiced plosives exhibit a perception production separation pattern, which challenges the holistic view of traditional phonological processing.

Conclusion. The above findings expand the “speech learning model” and establish a hierarchical effect based on pronunciation parts in the second language acquisition of plosives. At the same time, they provide empirical evidence for implementing pronunciation part sequence training strategies and contextualized training methods in Russian phonetic teaching.

Keywords: perception, production, Russian language, plosive consonants, Chinese students

Acknowledgments: the authors express their gratitude to all participants of the experiment for participating in the study, and are also grateful to the anonymous reviewers for their valuable comments on the previous version of the article.

Source of financing: the study was conducted with the support of the Foundation for Humanities and Social Sciences of the Ministry of Education of the People's Republic of China (project No. 22YJA740032 “Study of oral speech and strategies for improving general language skills of young migrant workers in rural areas of Southern Xinjiang”).

For citation: Zhao, A., Yang, X. and Wang, X. (2026), “The Impact of Cross-Linguistic Factors on the Russian Phonetics Acquisition by Chinese Students. Exploration of the Dynamic Relationship between Perception and Production of Plosive Consonants”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 105–125. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-105-125 (Russia).

Введение. Рост использования русского языка в Китае предоставляет учащимся больше практических возможностей для повышения уровня владения им. Однако из-за того, что китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям, у китайских студентов возникают трудности в освоении фонетики русского языка, которые сохраняются в течение длительного времени. Это побуждает исследователей изучать особенности освоения русских звуков китайскими студентами, а также влияние их родного языка на произношение на втором языке (L2). Несмотря на высокую значимость этих исследований, эмпирические данные о восприятии и воспроизведении русских звуков китайскими студентами остаются крайне ограниченными. Особого внимания заслуживают смычные согласные, так как их произношение в русском и китайском языках весьма различно, а сложности их освоения до сих пор недостаточно изучены.

Освоение произношения второго языка в свете теорий усвоения. В процессе усвоения второго языка (L2) на формирование произносительных навыков влияют как фонетические, так и фонологические факторы. Модель обучения речи (SLM) [1] и ее обновленная версия SLM-r [2] предполагают, что учащиеся испытывают трудности в обработке русских смычных согласных из-за различий между фонологическими системами родного и изучаемого языков. Согласно Модели перцептивной ассимиляции (PAM) [3], изучающие соотносят звуки второго языка со звуками первого (L1), а Модель восприятия второго языка (L2LP) [4–5] подчеркивает влияние фонологической системы L1 на произношение L2. Для изучающих русский язык понимание этих механизмов имеет решающее значение в формировании эффективных стратегий овладения произношением.

Помимо психолингвистических факторов важную роль в освоении речи второго языка играют биомеханические свойства артикуляционных органов. Русские звонкие смычные согласные требуют точной координации вибрации голосовых связок и смычки ротовой полости. Влияние межъязыковых факторов на усвоение фонетики русского языка китайскими студентами. ... 107
The Impact of Cross-Linguistic Factors on the Russian Phonetics Acquisition by Chinese Students. Exploration...

лости аналогично производству звонких аспират в хинди и урду, где после смычки происходит абдукция голосовых складок, обеспечивая больший воздушный поток и придавая голосу дыхательное периодическое звучание [6]. Обучающимся китайязычным студентам может быть сложно контролировать гортанные и языковые движения из-за отсутствия противопоставления звуков по звонкости в их родном языке. Это приводит к систематическим отклонениям в произнесении звуков китайскими студентами по сравнению с носителями русского языка. Например, отрицательные значения VOT (Voice Onset Time – время начала звучания) у русских звонких смычных согласных (–78 до –70 мс) указывают на особую биомеханику – вибрация голосовых связок начинается до выхода смычки, что трудно точно воспроизвести китайским обучающимся.

Фонологические особенности русских и китайских смычных согласных. Данное исследование представляет инновационную интеграцию трех методов межъязыкового анализа:

- сравнение по МФА (Международный фонетический алфавит);
- акустические измерения;
- перераспределение признаков – для систематического сопоставления систем взрывных согласных в мандаринском китайском и русском языках.

В то время как ранее эти методы применялись разрозненно, их совместное использование позволяет достичь более высокой степени достоверности результатов.

Сравнение по МФА (IPA), как отмечает Фледж (1995) [1], представляет собой простой способ оценки межъязыковой схожести звуков первого (L1) и второго (L2) языка. В системе IPA взрывные согласные китайского языка передаются как /p t k/ (неаспирированные) и /ph th kh/ (аспирированные), тогда как в русском – как /p t k/ (глухие) и /b d g/ (звонкие). Обозначения глухих согласных /p t k/ совпадают, что свидетельствует о фонетической схожести, тогда как звонкие согласные /b d g/ в русском языке не имеют прямых аналогов в китайском, что потенциально может вызывать затруднения в восприятии у изучающих русский язык.

Акустическое различие служит ключевым показателем, как подчеркивает Фледж (1995) [1], предложивший рассматривать восприятие звуков L2 в континууме, основанном на акустических отличиях от L1. Одним из критически важных параметров при сравнении гортанных противопоставлений в разных языках остается VOT, как показано в ряде предыдущих исследований [7]. В табл. 1 обобщены измерения VOT на мандаринском и русском языках, что свидетельствует об их значительных различиях в характеристиках произношения.

Таблица 1. Значения VOT (мс) для взрывных согласных в мандарине и русском языках в начальной позиции слова (по данным предыдущих исследований)

Table 1. VOT (ms) values for explosive consonants in Mandarin and Russian in the initial position of the word (according to previous studies)

Взрывные согласные в мандарине	p ^h	t ^h	k ^h	p	t	k
Chao and Chen (2008) [8]	82	81	92	14	16	27
Взрывные согласные русского языка	b	d	g	p	t	k
Ringen and Kulikov (2012) [9]	–70	–75	–78	18	20	38

Как показано в табл. 1, значения VOT для глухих неаспирированных взрывных согласных в мандарине (родной язык (L1) – современный стандартный китайский язык (путун-хуа)) (/p t k/) варьируются в диапазоне от 14 до 27 мс, тогда как аспираторные взрывные соглас-

ные (/ph th kh/) демонстрируют значительно большие значения VOT (от 82 до 92 мс). В отличие от этого, глухие взрывные согласные в русском языке (/p t k/) имеют значения VOT, сопоставимые с неаспирированными согласными в мандарине (от 18 до 38 мс), а звонкие взрывные согласные русского языка (/b d g/) демонстрируют отчетливо отрицательные значения VOT (от –78 до –70 мс), что свидетельствует о значительных межъязыковых различиях.

Метод перераспределения признаков предполагает, что восприятие звуков L2 определяется наличием или отсутствием характерных признаков целевого языка. Для китайских изучающих, звонкие смычные согласные русского языка /b d g/ могут восприниматься как новые звуки из-за отсутствия фонемных звонких смычных в китайском. В китайском все смычные согласные – глухие, и они встречаются только в начальной позиции слова, при этом аспирация является ключевым признаком различия (/p t k/ – неаспирированные, /ph th kh/ – аспирированные). Хотя Лэйдфогед (2005) предполагает, что /p t k/ могут озвончаться в безударных слогах [10], Чин (2008) утверждает, что звонкие смычные в китайском языке не существуют как фонемы, хотя может происходить аллофоническое озвончение [7]. Русская система смычных отличается вибрацией голосовых связок при произнесении звонких согласных. Как показано в табл. 2, главное различие между китайскими и русскими согласными заключается в признаке [±voice], который отличает русские звонкие смычные от китайских неаспирированных глухих.

Таблица 2. Начальные взрывные согласные родного языка (L1) и второго языка (L2)
Table 2. Initial explosive consonants of the mother tongue (L1) and second language (L2)

Языки		Глухие взрывные согласные		Звонкие взрывные согласные
		аспирированные	неаспирированные	
L1	Мандарин	p ^h , t ^h , k ^h	p, t, k	–
L2	Русский	–	p, t, k	b, d, g

Взрывные согласные русского языка фонетически отличаются от соответствующих согласных современного стандартного китайского языка (мандарина). Глухие взрывные согласные русского языка являются неаспирированными, тогда как звонкие взрывные согласные сопровождаются вибрацией голосовых связок во время смыкания. В отличие от современного стандартного китайского языка (путунхуа), который представляет собой аспирационный язык и различает взрывные согласные по наличию или отсутствию аспирации, русский язык является языком с противопоставлением по звонкости и различает взрывные согласные по наличию или отсутствию вибрации голосовых связок во время смыкания.

Целью настоящего исследования является изучение того, как китайские обучающиеся русскому языку с различным уровнем подготовки воспринимают и производят русские смычные согласные в начальной позиции слова, а также выявление взаимосвязи между восприятием и произношением. В ходе исследования авторами были поставлены следующие вопросы: как обучающиеся воспринимают глухие и звонкие смычные согласные; как они производят эти согласные; существует ли корреляция между восприятием и произношением.

Методология и источники. Участники исследования были набраны в период с 15 по 31 декабря 2023 г., предварительно заполнив анкету по языковому фону для обеспечения адекватного отбора. Все участники предоставили письменное информированное согласие на участие в исследовании, одобренное этическим комитетом (IRB), курирующим проект. Согласие оформлялось через стандартную форму, включающую описание цели исследования, про-
Влияние межъязыковых факторов на усвоение фонетики русского языка китайскими студентами. ... 109
The Impact of Cross-Linguistic Factors on the Russian Phonetics Acquisition by Chinese Students. Exploration...

цедур, возможных недостатков и преимуществ, а также прав участников. Несовершеннолетние в исследовании не участвовали, поэтому согласие родителей или опекунов не требовалось.

Участники были разделены на две группы: экспериментальную и контрольную. Экспериментальную группу (CL – Chinese Learners) составили 40 чел., изучающих русский язык (29 женщин и 11 мужчин в возрасте от 18 до 23 лет), все – носители китайского языка, выросшие в северном Китае. Все проходили регулярное языковое обучение не менее 10 часов в неделю. Кроме того, участники были разделены по четырем академическим уровням (G1 – первокурсники, G2 – второкурсники, G3 – третьекурсники и G4 – четверокурсники) для анализа динамики восприятия. Контрольную группу (NS – Native Speakers) составили 5 носителей русского языка (3 женщины и 2 мужчины в возрасте от 19 до 24 лет), использовавшие русский язык как основной в повседневном общении.

Все участники либо добровольно согласились на открытое участие в исследовании, либо их данные хранились конфиденциально. Информация об участниках исследования представлена в табл. 3.

Таблица 3. Информация об участниках эксперимента
Table 3. Information about the study participants

Экспериментальная группа, чел.				Контрольная группа, чел.
G1	G2	G3	G4с	
10	10	10	10	5

Для эксперимента на восприятие были использованы 36 пар русских смычных согласных (включая «филлеры») из курса общего русского языка, представленных в виде 84 случайно сгенерированных стимулов. Записи были сделаны пятью носителями русского языка из Москвы. Перед каждым стимулом воспроизводились пауза и звуковой сигнал.

В эксперименте на воспроизведение анализировались смычные согласные в начальной позиции слова (/p, b, t, d, k, g/), за которыми следовали гласные [a, o, u] с целью исключения эффекта палатализации. Целевые согласные звучали как в изоляции, так и в контексте. Акустические параметры извлекались с помощью программы Praat, а визуализация данных осуществлялась с использованием ggplot2 в R для сопоставления восприятия и артикуляторных моделей L1 и L2.

Исследование включало задания на идентификацию и различение звуков. Участники использовали наушники Sony MDRZX110NC и прослушивали случайные фонетические стимулы через модуль Praat Experiment MFC. Они нажимали пробел для начала задания и могли делать перерывы по необходимости. В задании на идентификацию участникам предлагалось выбрать услышанный стимул, а в задании на различение – определить, одинаковы ли две услышанные пары слов.

Эксперименты проводились в звукоизолированной лаборатории речи Синьцзянского педагогического университета. Участников просили читать предложения в обычном темпе. Запись звука осуществлялась на микрофон Shure MV-7. Каждое предложение повторялось дважды как экспериментальной, так и контрольной группами. Экспериментальная группа (40 участников) произвела 1440 единиц (18 стимулов × 2 повторения), контрольная группа (5 участников) – 180 единиц.

Время начала звучания (VOT) измерялось с использованием программы Praat версии 6.3.10. Положительное значение VOT определялось как интервал от начала взрыва соглас-

ного до первого нуля пересечения оси у гласного. Границы между согласным и гласным устанавливались с помощью спектрального анализа; сегментация /p/ иллюстрировалась с применением спектрограммы и данных давления в ротовой полости. Этот комбинированный метод обеспечивает точное определение акустических границ при анализе различий между звонкими и глухими смычными согласными в русском языке.

В настоящем исследовании восприятие и воспроизведение русских смычных согласных китайскими обучающимися анализировались с помощью средств визуализации в языке R. Точность восприятия глухих и звонких согласных оценивалась на основе заданий на идентификацию и различение с использованием SPSS 24. Анализ произношения включал распределение значений VOT у изучающих и носителей языка, следуя методологии Лискера и Абрамсона (1964) [11]. Акустические параметры извлекались с использованием программы Praat и визуализировались через пакет ggplot2. Для выявления связи между восприятием и произношением рассчитывались корреляции Спирмена в SPSS 24, анализируя взаимосвязь между точностью восприятия и значениями VOT.

Результаты. 1. Восприятие смычных согласных. 1.1. Различение смычных. Эксперимент включал 40 контрастов согласных: 18 пар стимулов (9×2) в двух последовательностях, 9 одинаковых пар фонем и 13 заполнителей. Контрасты включали pa-ba, po-bo, pu-po, ta-da, to-do, tu-du, ka-ga, ko-go, ku-gu. Результаты представлены в табл. 4 и 5.

Таблица 4. Точность различения девяти различных русских контрастов смычных согласных
Table 4. Accuracy of distinguishing 9 different Russian contrasts of consonants

Согласный 1	Согласный 2	Точность, %
pa	ba	70.03
po	bo	75.74
pu	po	72.29
ta	da	58.55
to	do	64.28
tu	du	60.99
ka	ga	51.73
ko	go	66.64
ku	gu	60.33

Таблица 5. Точность различения одинаковых пар смычных согласных
Table 5. Accuracy of distinguishing identical pairs of consonants

Согласный 1	Согласный 2	Точность, %	Согласный 1	Согласный 2	Точность, %
pa	pa	65.44	ba	ba	78.38
po	po	64.93	bo	bo	74.99
pu	pu	65.07	bu	bu	77.19
ta	ta	66.48	da	da	65.44
to	to	67.47	do	do	64.93
tu	tu	63.66	du	du	65.07
ka	ka	75.53	ga	ga	63.29
ko	ko	75.88	go	go	62.97
ku	ku	76.38	gu	gu	68.86

Как видно из табл. 4, китайским обучающимся труднее всего различать контраст “ka-ga” (51.73 %), в то время как контраст “pa-ba” оказался самым легким (70.03–75.74 %). Общий порядок точности: губные > альвеолярные > велярные.

Уровень правильного распознавания глухих смычных (/p/ 65.07–65.44 %, /t/ 63.66–66.48 %, /k/ 75.53–76.38 %) и звонких (/b/ 74.99–78.38 %, /d/ 64.93–65.44 %, /g/ 62.97–68.86 %) демонстрирует, что звук “go” оказался наиболее трудным для восприятия, тогда как “ba” – наиболее простым.

1.2. Идентификация смычных. Участники идентифицировали 18 русских смычных согласных (каждая повторялась дважды), и на рис. 1 показана точность распознавания.

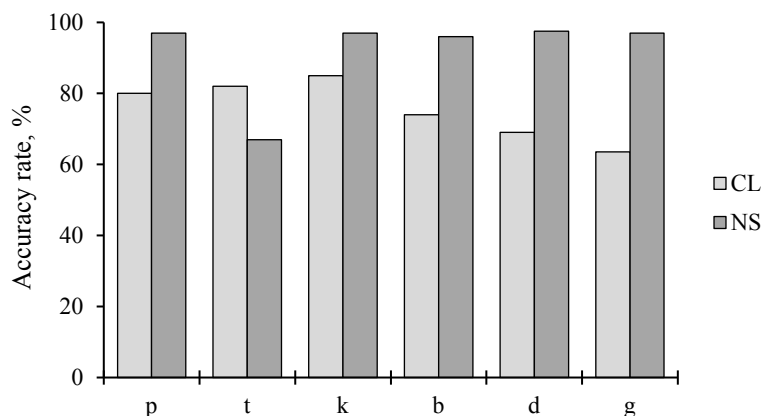

Рис. 1. Сравнительный анализ точности восприятия согласных /p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/ в группах CL и NS
Fig. 1. Comparative analysis of the accuracy of perception of consonants /p/, /t/, /k/, /b/, /d/, /g/ in the CL and NS groups

Как видно из рис. 1, китайские обучающиеся (CL) демонстрировали устойчиво более низкие показатели точности восприятия по сравнению с группой носителей языка (NS). Особенно четко различались глухие согласные (/p/, /t/, /k/), которые воспринимались с большей точностью (от 79.7 до 85.1 %), чем звонкие (/b/, /d/, /g/), для которых точность составила от 63.2 до 75.3 %. Среди глухих согласных наивысшую точность продемонстрировал /k/, а среди звонких – /b/.

Статистический анализ данных показал общую тенденцию повышения точности восприятия с увеличением уровня обучения.

В табл. 6 представлен сравнительный анализ восприятия русских смычных у студентов первого (G1) и четвертого (G4) курсов. Среднее значение (Mean) – это средний процент правильно распознанных звуков: студентами первого курса – 69.11 %, студентами 4 курса – 78.12 %. SD – (Standard Deviation – стандартное отклонение) – показатель разброса данных, который показывает, насколько индивидуальные результаты участников отличаются от среднего значения. G1 – 12.59 (большой разброс, т. е. студенты показывают очень разные результаты), G4 – 6.44 (меньший разброс, результаты более однородные, студенты демонстрируют более стабильные навыки). Разница средних значений – 9.01 %. t (79) – t-критерий Стьюдента, т. е. выборка из восприятия смычных согласных участниками исследования. df (degrees of freedom) = 38 – число степеней свободы, которое рассчитывается так: общее количество участников эксперимента минус 2, в нашем случае 40 – 2 = 38. t = 3.54 определяет, насколько значимы различия между двумя группами. При этом p-value составляет 0.001, что меньше чем 0.05, а это показывает вероятность того, насколько эти различия случайны. Поскольку p = 0.001, что меньше 0.05, означает, что улучшение навыков восприятия у студентов 4 курса не случайно, оно является следствием обучения.

Таблица 6. Сравнение показателей восприятия русских смычных у студентов первого (G1) и четвертого (G4) курсов
Table 6. Comparison of the indicators of perception of Russian consonants among students of the first (G1) and fourth (G4) courses

Точность восприятия	G1		G4		Разница средних значений, %	t (79)
	среднее значение, %	SD, %	среднее значение, %	SD, %		
	69.11	12.59	78.12	6.44	9.01	3.54*

*p = 0.001 < 0.05

2. Воспроизведение смычных согласных. 2.1. Значения VOT русских смычных согласных в изоляции. Распределение значений VOT у китайских обучающихся и носителей русского языка.

Как показали предыдущие исследования, значения VOT могут служить акустическим признаком для идентификации смычных согласных. В данном исследовании данные VOT, размеченные в программе Praat, были использованы для построения коробчатых диаграмм (boxplot) с помощью ggplot2 в R (версия 4.2.1), иллюстрирующих распределение значений VOT для глухих и звонких согласных, производимых носителями языка и китайскими обучающимися.

Для оценки статистической значимости различий в VOT глухих согласных между CL и NS был проведен t-тест для независимых выборок. Результаты приведены в табл. 7.

Таблица 7. Сравнение значений VOT глухих согласных у китайских обучающихся (CL) и носителей русского языка (NS)

Table 7. Comparison of VOT values of deaf consonants in Chinese (CL) and native speakers of Russian (NS)

Звонкие VOT	CL		NS		Разница средних значений, мс	t (213)
	среднее значение, мс	SD, мс	среднее значение, мс	SD, мс		
	7.11	30.29	22.89	8.44	15.78	2.91*

*p = 0.001 < 0.05

Табл. 7 демонстрирует статистически значимое различие в усвоении русских звонких взрывных согласных между носителями языка и китайскими изучающими русский язык, что подтверждается t-критерием Стьюдента: t = 2.91 (df = 43), p < 0.05.

Для оценки значимости различий в значениях VOT звонких согласных между группами CL и NS был проведен независимый t-тест. Результаты представлены в табл. 8.

Таблица 8. Сравнение китайских учащихся (CL) и носителей русского языка (NS) по значениям VOT звонких взрывных согласных

Table 8. Comparison of Chinese students (CL) and native speakers of Russian (NS) by VOT values of voiced explosive consonants

Звонкие VOT	CL		NS		Разница средних значений, мс	t (213)
	среднее значение, мс	SD, мс	среднее значение, мс	SD, мс		
	-45.53	50.78	-93.55	19.82	48.02	5.58*

*p=0.001<0.05

Табл. 8 демонстрирует статистически значимое различие в усвоении русских звонких взрывных согласных между носителями языка и китайскими учащимися, что подтверждается результатами t-теста: t = 5.58 (df = 214), p < 0.05.

2.2. Отклонения значений VOT у китайских обучающихся и носителей русского языка.

Полярность VOT служит важным акустическим параметром для различения звонких и глухих смычных согласных в русском языке. В данном исследовании были проанализированы

отклонения в VOT, а также рассчитаны пропорции положительных и отрицательных значений и их средние значения со стандартными отклонениями для обеих групп. Результаты представлены в табл. 9.

Таблица 9. Пропорции положительных и отрицательных VOT и средние значения у CL и NS
Table 9. Proportions of positive and negative VOT and average values for CL and NS

Язык			Тип согласных			
			Положительный VOT		Отрицательный VOT	
			+VOT, %	средний VOT (SD), мс	-VOT, %	средний VOT (SD), мс
Русский	CL	глухие	89.44	17.23 (9.94)	10.56	-74.03 (9.58)
		звонкие	37.22	16.71 (4.84)	62.78	-100.39 (20.45)
	NS	глухие	100	21.89 (8.44)	0	–
		звонкие	0	–	100	-93.55 (19.82)

Табл. 9 показывает, что 10.56 % глухих согласных, произнесенных китайскими учащимися, имели отрицательное значение VOT, в то время как у носителей русского языка таких случаев не наблюдалось. Что касается звонких согласных, 37.22 % китайских учащихся произнесли их с положительным VOT, что свидетельствует о том, что они значительно оглушают звонкие согласные.

Для более детального анализа произношения согласных /p/ /b/ /t/ /d/ /k/ /g/ китайскими учащимися (CL), в исследовании использовался программный пакет R и функция 'geom_bar' из библиотеки 'ggplot2' с параметром 'stat = "identity"' для построения двунаправленной столбчатой диаграммы. На данной диаграмме по горизонтальной оси отображаются места артикуляции, а по вертикальной – соотношение положительных и отрицательных значений VOT, как показано на рис. 2.

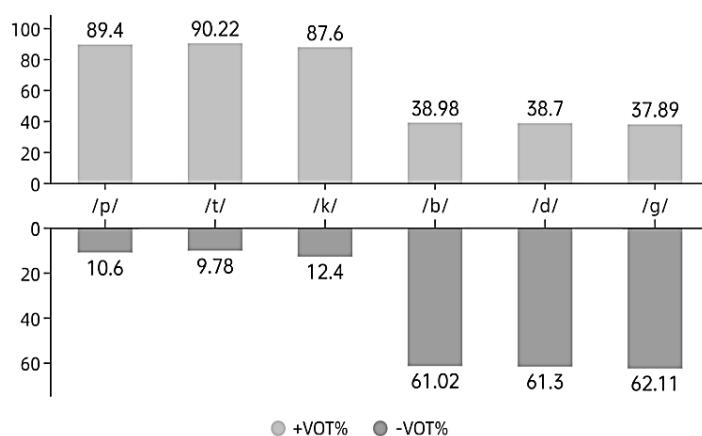

Рис. 2. Визуализация долей положительных и отрицательных значений VOT для /p/ /b/ /t/ /d/ /k/ /g/, произведенных китайскими учащимися (CL)

Fig. 2. The proportion of positive and negative VOT values for /p//b//t//d//k//g/ produced by Chinese students (CL)

Рис. 2 демонстрирует, что среди глухих взрывных согласных наивысшая доля положительных значений VOT наблюдается для /t/ (90.22 %), за ним следуют /p/ (89.4 %) и /k/ (87.6 %). В категории звонких согласных наибольшая доля отрицательных значений VOT приходится на /g/ (62.11 %), далее следуют /d/ (61.3 %) и /b/ (61.02 %). Эти результаты указывают на более точное воспроизведение /t/ среди глухих и /g/ среди звонких согласных у китайских учащихся, что также свидетельствует о смешении этих двух категорий звуков в их сознании.

2.3. Фонетические ошибки китайских студентов, выявленные на спектрограмме.

На основе анализа спектрограмм выполнен детальный анализ артикуляционных ошибок в произношении русских звуков китайскими учащимися.

На рис. 3 представлена комплексная акустическая визуализация слога «па», произнесенного китайским студентом, где отчетливо видны акустические характеристики, свидетельствующие о замене глухого /р/ на звонкий /б/. Спектрограмма показывает темную горизонтальную полосу в нижней части спектра, характерную для звонких согласных, а также отрицательное значение VOT – (–75мс), что подтверждает озвончение.

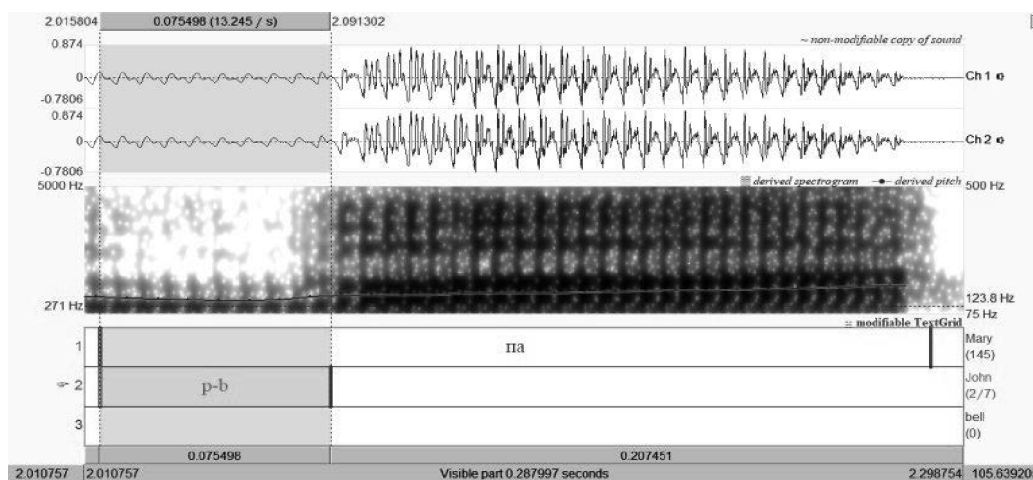

Рис. 3. Спектрограмма искажения русского /р/ в произношении китайского учащегося (CL)
Fig. 3. Spectrogram of the distortion of Russian /р/ in the pronunciation of a Chinese student (CL)

Например, значение VOT для /р/ в слове «па», произнесенного носителем языка, составляет 13 мс. В то время как китайские учащиеся часто произносят глухой взрывной /р/ как звонкий /б/, что приводит к значению VOT –75 мс (рис. 3).

Точно так же значение VOT для /б/ в слове «ба», произнесенного носителем русского языка, составляет –80 мс. В то время как китайские учащиеся часто произносят звонкий взрывной /б/ как глухой /р/, что приводит к значению VOT 11 мс.

2.4. Значения VOT в зависимости от опыта изучения русского языка. На следующем рисунке представлены результаты произношения глухих согласных как звонких учащимися разных курсов.

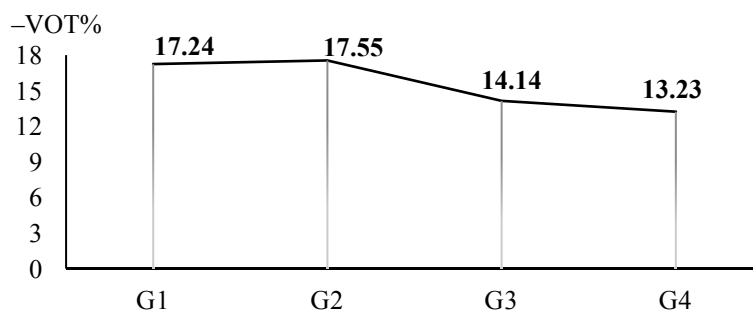

Рис. 4. Визуализация долей отрицательных значений VOT при произнесении русских глухих согласных китайскими учащимися с разным уровнем языкового опыта

Fig. 4. The proportion of negative VOT values when pronouncing Russian deaf consonants by Chinese students with different levels of language experience

Результаты рис. 4 демонстрируют, что китайские учащиеся проявляют тенденцию к снижению частоты оглушения глухих согласных по мере накопления опыта. Хотя у студентов второго курса (G2) наблюдается незначительное увеличение по сравнению с первым курсом (G1), студенты четвертого курса (G4) демонстрируют наименьший уровень этой подмены, что свидетельствует о более точной артикуляции глухих согласных с увеличением опыта обучения.

Также происходит снижение общей тенденции оглушения звонких согласных китайскими учащимися с повышением их уровня владения языком. Наименьшее количество таких случаев зафиксировано у студентов четвертого курса (G4), что указывает на повышение точности в произношении звонких взрывных согласных с ростом языкового опыта.

3. Значения VOT русских взрывных согласных у учащихся. 3.1. Распределение значений VOT у китайских учащихся (CL) и носителей русского языка (NS). Для оценки значимости различий по глухим согласным между группами CL и NS был проведен независимый t-тест. Результаты представлены в табл. 10.

Таблица 10. Сравнение китайских учащихся (CL) и носителей русского языка (NS) по значениям VOT глухих согласных

Table 10. Comparison of Chinese students (CL) and native speakers of Russian (NS) by VOT values of deaf consonants

Глухие (VOT)	CL		NS		Разница средних значений, мс	t (64)
	среднее значение, мс	SD, мс	среднее значение, мс	SD, мс		
	9.11	30.64	19.92	16.61	10.81	1.81*

*p = 0.038 < 0.05

Табл. 10 демонстрирует статистически значимое различие в усвоении русских глухих взрывных согласных между носителями языка и китайскими учащимися, что подтверждается результатами t-теста: $t = 1.81$ ($df = 43$), $p < 0.05$.

Точно так же для оценки статистической значимости различий между группами CL и NS по звонким согласным был проведен независимый t-тест. Результаты приведены в табл. 11.

Таблица 11. Сравнение китайских учащихся (CL) и носителей русского языка (NS) по значениям VOT звонких согласных

Table 11. Comparison of Chinese students (CL) and native speakers of Russian (NS) by VOT values of voiced consonants

Voiced VOT	CL		NS		Разница средних значений, мс	t (40)
	среднее значение, мс	SD, мс	среднее значение, мс	SD, мс		
	-34.40	46.28	-71.56	4.96	37.16	2.78*

*p = 0.009 < 0.05

Табл. 11 демонстрирует статистически значимое различие в усвоении русских звонких взрывных согласных между носителями языка и китайскими учащимися, что подтверждается результатами t-теста: $t = 2.78$ ($df = 43$), $p < 0.05$.

3.2. Отклонения значений VOT у китайских учащихся и носителей русского языка. Полярность VOT (положительная/отрицательная) различает звонкие и глухие взрывные согласные. Китайские учащиеся демонстрируют нетипичную отрицательную VOT для глухих согласных и положительную VOT для звонких. Для оценки точности артикуляции были проанализированы типы VOT, их доля, средние значения и стандартные отклонения у китайских учащихся (CL) и носителей языка (NS). Результаты приведены в табл. 12.

Таблица 12. Доля положительных и отрицательных значений VOT и средние значения у CL и NS
Table 12. The proportion of positive and negative VOT values and the average values for CL and NS

Язык			VOT тип			
			Положительный VOT		Отрицательный VOT	
			+VOT, %	средний VOT(SD), мс	-VOT, %	средний VOT(SD), мс
Русский	CL	глухие	90.14	15.61 (12.06)	9.86	-70.17 (16.31)
		звонкие	69.87	11.81 (30.83)	30.13	-68.97 (40.45)
	NS	глухие	100	13.92 (33.61)	0	–
		звонкие	0	–	100	-78.36 (7.33)

Как показано в табл. 12, китайские учащиеся демонстрировали отрицательные значения VOT в 9.86 % произнесения глухих согласных, в то время как у носителей языка таких случаев не наблюдалось (0 %). В то же время положительные значения VOT были зафиксированы у 69.87 % учащихся при произнесении звонких согласных, что значительно выше по сравнению с 0 % у носителей языка. Это указывает на вероятность 9.86 % озвончения глухих согласных и 69.87 % оглушения звонких согласных среди китайских учащихся.

Для анализа произношения согласных /p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/ китайскими учащимися использовался пакет R – ggplot2 с построением двунаправленной диаграммы с помощью функции geom_bar и параметра stat = "identity". По горизонтальной оси отображены места артикуляции, по вертикальной – соотношение положительных и отрицательных значений VOT (рис. 5).

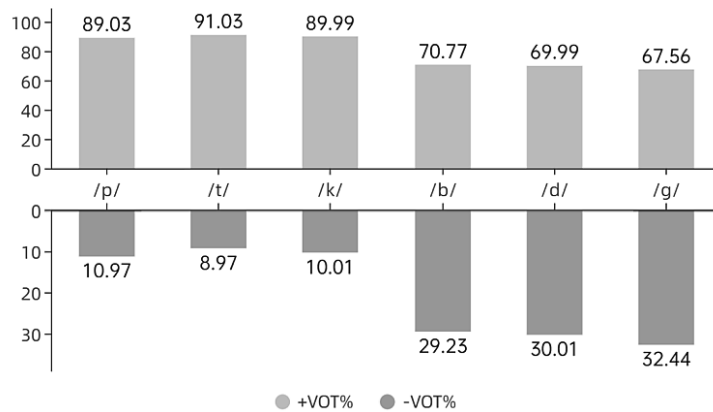

Рис. 5. Визуализация долей положительных и отрицательных значений VOT для /p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/, произведенных китайскими учащимися
Fig. 5. The proportion of positive and negative VOT values for /p/, /b/, /t/, /d/, /k/, /g/ produced by Chinese students

Рис. 5 показывает, что среди глухих согласных /t/ имеет наивысший процент положительных значений VOT (91.03 %), затем следуют /k/ (89.99 %) и /p/ (89.03 %), что указывает на более точное воспроизведение /t/. Среди звонких согласных /g/ демонстрирует наивысший процент отрицательных значений VOT (32.44 %), опережая /d/ (30.01 %) и /b/ (29.23 %), что указывает на лучшее воспроизведение /g/. Эти данные свидетельствуют о смещении категорий согласных у китайских учащихся, при этом /t/ и /g/ являются наиболее точно воспроизводимыми в своих категориях.

3.3. Фонетические ошибки китайских учащихся на спектрограмме. Был выполнен детальный анализ артикуляционных ошибок в произношении русских согласных китайскими учащимися в сравнении с произнесением тех же согласных носителями языка.

На рис. 6 и 7 представлена комплексная акустическая визуализация русского слова *было*, выполненная в программе фонетического анализа Praat. Такая визуализация используется для измерения VOT.

Верхняя панель – осциллограмма отражает амплитуду звуковой волны во времени. Розовая область выделяет участок звука /ы/. Видны различия в интенсивности – более сильные колебания в начале при произнесении согласного /б/ и конце слова. Средняя панель – спектрограмма представляет частотно-временной анализ звука. На вертикальной оси представлена частота звука – от 0 до 500 Гц. Горизонтальная ось показывает время. Темные полосы – форманты, т. е. резонансные частоты голосового тракта. Синие линии (F1, F2, F3) показывают динамику формант. Черные участки внизу показывают звонкий согласный /б/. Нижняя панель – текстовая разметка. Желтый прямоугольник отражает маркировку звука /ы/.

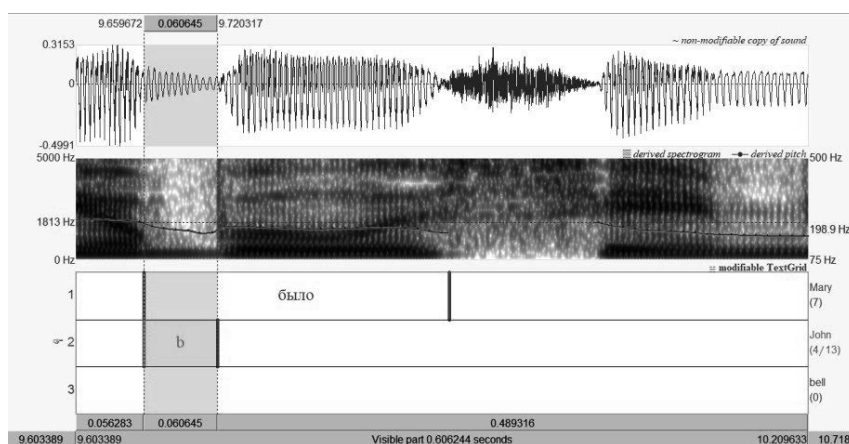

Рис. 6. Спектрограмма русской согласной /б/, произнесенной носителем русского языка
Fig. 6. Spectrogram of the Russian consonant /b/ pronounced by a native speaker of the Russian language

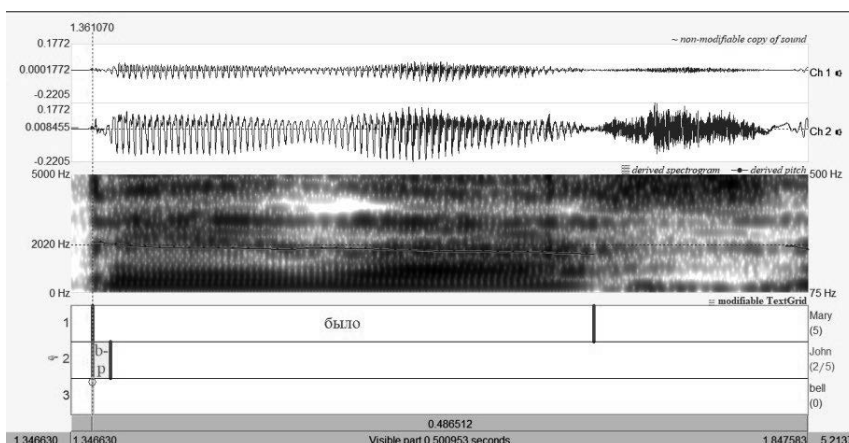

Рис. 7. Спектрограмма искажения произнесения русской /б/ в произношении китайского учащегося (CL)
Fig. 7. Spectrogram of distortion of the pronunciation of Russian /b/ in the pronunciation of a Chinese student (CL)

Сравнение рис. 6 и 7 демонстрирует, что значение VOT для /б/ в слове «было», произнесенного носителем, составляет –61 мс. В то время как китайские учащиеся склонны произносить звонкую /б/ как беззвонкую /р/, что дает значение VOT 12 мс.

4. Корреляция между восприятием и произношением русских взрывных согласных.

В данном исследовании рассматривается взаимосвязь средней точности восприятия глухих взрывных согласных /п/, /т/, /к/ (независимые переменные) и соответствующих значений

VOT (зависимые переменные) у китайских учащихся, изучающих русский язык. Учитывая объем выборки ($N > 50$), для оценки нормальности распределения данных был использован тест Колмогорова–Смирнова, который показал ненормальное распределение ($p < 0.05$), что привело к применению корреляционного анализа Спирмена. Результаты представлены в табл. 13.

Таблица 13. Коэффициент корреляции восприятия и произношения глухих взрывных согласных
Table 13. Correlation coefficient between perception and pronunciation of deaf explosive consonants

Показатель	Значение
Коэффициент корреляции, rs	0.543*
Значимость (двусторонняя), p	<.001
Количество измерений, N	720

* корреляция значима на уровне $p < 0,01$, N – общее количество измерений VOT (40 участников эксперимента*18 стимулов = 720)

Как видно из табл. 13, корреляционный анализ Спирмена выявил значимую положительную корреляцию ($r_s = 0.543$, $p < 0.001$) восприятия и произношения русских глухих взрывных согласных у китайских учащихся. Точность восприятия прямо коррелирует со значениями VOT в произношении, что позволяет предсказывать артикуляционные параметры на основе перцептивных навыков.

Для визуализации взаимосвязи между восприятием и произношением глухих согласных использовался пакет effect в среде R для построения диаграммы рассеяния, где по оси Y отложены значения VOT, а по оси X – точность восприятия (рис. 8).

Рис. 8 показывает положительную корреляцию точности восприятия и произношения глухих согласных, причем большинство данных сосредоточено в стандартном диапазоне значений VOT (0 – 40 мс). Также наблюдаются вариации, включая выбросы (например, отрицательные значения VOT), обусловленные артикуляционными отклонениями отдельных участников.

Для звонких согласных полярность VOT (положительная/отрицательная) служит критерием фонологической классификации. В настоящем исследовании анализировалась взаимосвязь точности восприятия (независимая переменная) и долей отрицательных значений VOT (зависимая переменная) у звонких согласных. Поскольку тест Колмогорова–Смирнова ($p < 0.05$) показал ненормальное распределение, был применен корреляционный анализ Спирмена. Результаты представлены в табл. 14.

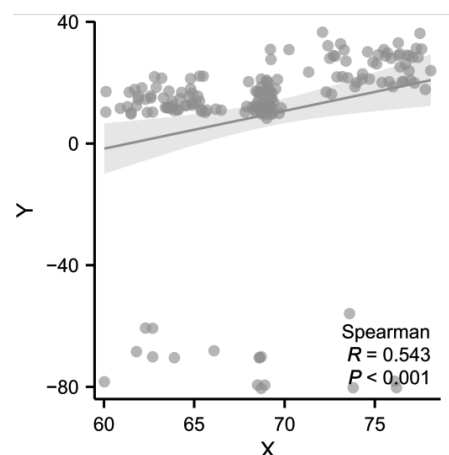

Рис. 8. Корреляция восприятия и произношения глухих взрывных согласных
Fig. 8. Correlation between perception and pronunciation of deaf explosive consonants

Таблица 14. Корреляция восприятия и произношения звонких взрывных согласных
Table 14. Correlation between perception and pronunciation of voiced explosive consonants

Показатель	Значение
Коэффициент корреляции, rs	0.097
Значимость (двусторонняя), p	0,197
Количество измерений, N	720

Как видно из табл. 14, корреляционный анализ Спирмена не выявил статистически значимой связи ($r_s = 0,097$, $p = 0,197$) между восприятием и произношением русских звонких взрывных согласных у китайских учащихся. Это свидетельствует о том, что точность восприятия звонких согласных не коррелирует с правильностью их артикуляции, что может указывать на различные механизмы обработки звонких и глухих согласных при изучении русского языка китайскими студентами.

Обсуждение. 1. Восприятие русских взрывных согласных. В исследовании анализировалось восприятие глухих и звонких взрывных согласных у учащихся, изучающих русский язык как второй язык с различным уровнем языкового опыта. Результаты показали, что в заданиях на различение наиболее точно распознавались губные согласные, тогда как в заданиях на идентификацию наблюдалась наименьшая точность для звонких согласных (наиболее проблемным оказался звук /g/), что согласуется с данными по французскому языку как второму [12; 13]. Студенты старших курсов показали более высокую точность по сравнению с первокурсниками, что подтверждает выводы Эванса, Абрамсона и их коллег [14; 15]. Особенно сложными для восприятия оказались велярные взрывные, что подтверждает гипотезу AVC Харламова (2022): сохранение звонкости при смыкании в задней части полости рта требует более сложной артикуляционной настройки. Харламов объясняет, что аэродинамическое ограничение звонкости (AVC) влияет на произношение заднеязычных взрывных, поскольку они формируются в условиях малого объема за смычкой, ограничивая возможность компенсации повышенного давления [16]. Это контрастирует с результатами Чанга (2019) по французскому языку, где /g/ распознавался учащимся лучше, что говорит о влиянии языково-специфических факторов восприятия, помимо места артикуляции [13].

2. Произношение русских взрывных согласных. С использованием языка программирования R визуализировались особенности произношения русских звонких и глухих взрывных согласных китайскими учащимися, что выявило систематические отклонения от нормы носителей в условиях изолированной и связной речи. Выявленные ошибки соответствуют закономерностям межъязыкового фонетического усвоения [14], прежде всего проявляясь в оглушении звонких и озвончении глухих согласных. Эти артикуляционные затруднения объясняются сложностью координации физиологических механизмов, таких как контроль назальных/оральных утечек и расширение глоточной полости, необходимых для поддержания транслоттального воздушного потока [15]. Теоретическую основу предоставляет модель L2LP [8], согласно которой фонологическая система китайского языка, противопоставляющая аспирированные и неаспирированные глухие согласные, но не оперирующая истинной звонкостью, способствует переносу L2-фоном на категории L1. Исследование включает: 1) сравнительный фонологический анализ систем взрывных согласных в русском и китайском языках; 2) визуализацию акустических параметров средствами языка R и 3) эмпирическую проверку педагогических выводов через анализ связи между восприятием и произношением.

3. Корреляция восприятия и произношения русских взрывных согласных. Результаты показывают значимую положительную корреляцию восприятия и произношения глухих согласных, но не звонких. Этот вывод подтверждает данные Лю (2009) [12], но противоречит

исследованиям Чжана (2019) [17], Гуаня (2020) [18] и Мура (2008) [19]. Согласно модели Фледжа (1995) [1], ограниченное фонетическое восприятие препятствует точному произношению, поскольку учащиеся опираются на аналогии из родного языка, а биомеханические различия в строении речевого аппарата, включая длину и натяжение голосовых связок, также могут способствовать вариативности результатов [20].

Заключение. Настоящее исследование посвящено восприятию и производству русских взрывных согласных китайскими учащимися, сочетая фонетический анализ с биодинамическими принципами для углубленного понимания усвоения фонологической системы второго языка. Полученные результаты проливают свет на взаимодействие лингвистических и биомеханических факторов в процессе речевого обучения.

Эксперименты по восприятию выявили иерархию точности (губные > альвеолярные > велярные согласные), что соответствует аэродинамическим ограничениям звонкости (AVC) в биодинамическом процессе артикуляции [21]. Велярные согласные оказались наиболее сложными из-за биомеханических требований к поддержанию подскладочного давления при смыкании, что подтверждается результатами моделирования речевого тракта [22]. Кроме того, задания на идентификацию выявили значительный разрыв между учащимися и носителями языка, особенно в случае произнесения ими звонких согласных, что указывает на неполное усвоение фонем учащимися и соответствует модели перцептивной ассимиляции [3].

Анализ произношения выявил систематические ошибки, включая оглушение звонких и озвончение глухих согласных, объясняемые биомеханическими ограничениями в координации голосовых связок [23]. Например, склонность китайских учащихся к произнесению русского /b/ с положительным значением VOT указывает на неполную активацию гортанных мышц для поддержания звонкости при смыкании – это подтверждается электромиографическими исследованиями управления речевой моторикой [24].

Примечательно, что выявлена значимая положительная корреляция восприятия и произношения глухих согласных ($r_s = 0.543$, $p < 0.001$), что согласуется с обновленной моделью речевого обучения Фледжа (SLM-r), согласно которой восприятие и произношение развиваются совместно [2]. Эта взаимосвязь подчеркивает важность интеграции биомеханической обратной связи в фонетическую подготовку, как это демонстрируется в современных биоакустических исследованиях сенсомоторной адаптации [22].

С точки зрения биолингвистики, результаты подчеркивают роль артикуляционной биомеханики в формировании фонологической системы второго языка. В будущих исследованиях можно использовать ультразвуковую визуализацию или методы измерения воздушного потока для прямого наблюдения за движением языка и гортани при произнесении взрывных согласных, что даст более глубокое понимание механизмов ошибок у изучающих язык.

Для применения этих результатов в педагогической практике предлагается интеграция биодинамических систем обратной связи, таких как электропалатография и ультразвуковая визуализация языка, которые предоставляют визуальное отображение артикуляционных жестов и способствуют развитию проприоцептивного осознания у учащихся целевых фонетических конфигураций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Flege J. E. Second-language speech learning: theory, findings, and problems // *Speech Perception and Linguistic Experience: Issues in Cross-Language Research*. Baltimore: NY Press, 1995. P. 233–277.
2. Flege J. E., Bohn O-S. The revised speech learning model (SLM-r) // *Second Language Speech Learning: Theoretical and Empirical Progress* / in R. Wayland (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021. P. 3–83.
3. Best C. T. A direct realist view of cross-language speech perception // *Speech Perception and Linguistic Experience: Theoretical and Methodological Issues in Cross-Language Speech Research* / W. Strange (ed.). Timonium: NY Press, 1995. P. 167–200.
4. Escudero P., “The linguistic perception of SIMILAR L2 sounds”, *Phonology in Perception* / Boersma P. and Hamann S. (eds.). Berlin; NY: De Gruyter Mouton, 2009. pp. 151–190. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110219234.151>.
5. Van Leussen J.-W., Escudero P. Learning to perceive and recognize a second language: the L2LP model revised // *Front. Psychol.* 2015. Vol. 6: 1000. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01000.
6. Schertz J., Khan S. Acoustic cues in production and perception of the four-way stop laryngeal contrast in Hindi and Urdu // *J. of Phonetics*. 2020. Vol. 81: 100979. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2020.100979>.
7. Chin T. *Sounds Systems of Mandarin Chinese and English: A Comparison*. Beijing: Beijing Language and Culture Univ. Press, 2008.
8. Chao K. Y., Chen L. M. A Cross-Linguistic Study of Voice Onset Time in Stop Consonant Productions // *Int. J. Comput. Linguistics Chin. Lang. Process*. 2008. Vol. 13. P. 215–232. DOI: 10.30019/IJCLCLP.200806.0005.
9. Ringen C., Kulikov L. Voicing in Russian Stops: Cross-Linguistic Implications // *J. of Slavic Linguistics*. 2012. Vol. 49, no. 2. P. 207–217.
10. Ladefoged P., Johnson K. *A Course in Phonetics*. 7th ed. Beijing: Beijing Univ. Press, 2005.
11. Lisker L., Abramson A. S. A cross-language study of voicing in initial stops: Acoustical measurements // *Word*. 1964. Vol. 20, no. 3. P. 384–422.
12. Liu J. *Perception Training Effects of French Voiceless and Voiced Stop Consonants: Master's Degree Thesis*. Shandong Univ., Shandong, 2009.
13. Chang Ch. *Study on the Acquisition of French Stop Consonants by Chinese Learners and the Impact of Voiced Stop Dialect Background on Their Acquisition Effectiveness: Master's Degree Thesis*. Shanghai International Studies Univ., Shanghai, 2019.
14. Evans B. G., Alshangiti W. The perception and production of British English vowels and consonants by Arabic learners of English // *J. of Phonetics*. 2018. Vol. 68. P. 15–31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2018.01.002>.
15. Abramson A. S., Whalen D. H. Voice Onset Time (VOT) at 50: Theoretical and Practical Issues in Measuring Voicing Distinctions // *J. of Phonetics*. 2017. Vol. 63. P. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2017.05.002>.
16. Kharlamov V. Phonetic Effects in the Perception of VOT in a Prevoicing Language // *Brain Science*. 2022. Vol. 12, iss. 3: 427. DOI: <https://doi.org/10.3390/brainsci12040427>.
17. Zhang M. *Research on the Impact of Chinese Phonetic Learning Strategies on Phonetic Acquisition by Russian Students: Master's Degree Thesis*. Liaoning Univ., Liaoning, 2019.
18. Guan X. *Analysis and Research on the Relationship between Speech Perception and Speech Production: Master's Degree Thesis*. Harbin Institute of Technology, Harbin, 2020.
19. Moore B. C. J., Tyler L. K., Marslen-Wilson W. Introduction. The perception of speech: from sound to meaning // *Philos. Trans. R. Soc. Lond. B Biol. Sci.* 2008. Vol. 363 (1493). P. 917–921. DOI: 10.1098/rstb.2007.2195.

20. Investigating voice onset time in Pakistani English speech / A. M. Abbasi, I. Husain, I. Bakhsh, N. K. Khosh, A. Khan // *Speech Communication*. 2025. Vol. 168: 103174. DOI: 10.1098/rstb.2007.2195.
21. Nagle C. L. Examining the temporal structure of the perception-production link in second language acquisition: A longitudinal study // *Language Learning*. 2018. Vol. 68, iss. 1. P. 234–270. DOI: <https://doi.org/10.1111/lang.12275>.
22. Titze I. R. Principles of voice production. NJ: Prentice Hall, 1994.
23. Zhu L. G., Wang H. Y. Exploring Input and Output Issues of Second Language Learners from a Phonological Perspective // *J. of Xi'an Int. Studies Univ.* 2019. Vol. 3, iss. 2. P. 55–60.
24. Baken R. J., Orlikoff R. F. Clinical measurement of speech and voice. 2nd ed. San Diego: Singular Publ., 2000.

Информация об авторах.

Чжао Анна – магистрант (иностранные языки и прикладная лингвистика) факультета иностранных языков Синьцзянского педагогического университета, ул. Гуаньцзин, д. 100, р-н Шуймогоу, Урумчи, Синьцзян, Китай. Автор четырех научных публикаций. Область научных интересов: анализ дискурса, усвоение языка.

Ян Синьлу – профессор (2024) факультета иностранных языков Синьцзянского педагогического университета, ул. Гуаньцзин, д. 100, р-н Шуймогоу, Урумчи, Синьцзян, Китай. Автор 20 научных публикаций. Область научных интересов: анализ дискурса, усвоение языка.

Ван Сянсюэ – магистрант (иностранные языки и прикладная лингвистика) факультета иностранных языков Синьцзянского педагогического университета, ул. Гуаньцзин, д. 100, р-н Шуймогоу, Урумчи, Синьцзян, Китай. Область научных интересов: анализ дискурса, усвоение языка.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.07.2025; принята после рецензирования 08.10.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Flege, J.E. (1995), "Second-language speech learning: theory, findings, and problems", *Speech Perception and Linguistic Experience: Issues in Cross-Language Research*, NY Press, Baltimore, USA, pp. 233–277.
2. Flege, J.E. and Bohn, O-S. (2021), "The revised speech learning model (SLM-r)", *Second Language Speech Learning: Theoretical and Empirical Progress*, in Wayland, R. (ed.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 3–83.
3. Best, C.T. (1995), "A direct realist view of cross-language speech perception", *Speech Perception and Linguistic Experience: Theoretical and Methodological Issues in Cross-Language Speech Research*, in Strange, W. (ed.), NY Press, Timonium, USA, pp. 167–200.
4. Escudero, P. (2009), "The linguistic perception of SIMILAR L2 sounds", *Phonology in Perception*, in Boersma, P. and Hamann, S. (eds.), De Gruyter Mouton, Berlin; NY, USA, pp. 151–190. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110219234.151>.
5. Van Leussen, J.-W. and Escudero, P. (2015), "Learning to perceive and recognize a second language: the L2LP model revised", *Front. Psychol.*, vol. 6: 1000. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01000.
6. Schertz, J. and Khan, S. (2020), "Acoustic cues in production and perception of the four-way stop laryngeal contrast in Hindi and Urdu", *J. of Phonetics*, vol. 81: 100979. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2020.100979>.

7. Chin, T. (2008), *Sounds Systems of Mandarin Chinese and English: A Comparison*, Beijing Language and Culture Univ. Press, Beijing, CHN.
8. Chao, K.Y. and Chen, L.M. (2008), "A Cross-Linguistic Study of Voice Onset Time in Stop Consonant Productions", *Int. J. Comput. Linguistics Chin. Lang. Process*, vol. 13, pp. 215–232. DOI: 10.30019/IJCLCLP.200806.0005.
9. Ringen, C. and Kulikov, L. (2012), "Voicing in Russian Stops: Cross-Linguistic Implications", *J. of Slavic Linguistics*, vol. 49, no. 2, pp. 207–217.
10. Ladefoged, P. and Johnson, K. (2005), *A Course in Phonetics*, 7th ed., Beijing Univ. Press, Beijing, CHN.
11. Lisker, L. and Abramson, A.S. (1964), "A Cross-Language Study of Voicing in Initial Stops: Acoustical Measurements", *Word*, vol. 20, no. 3, pp. 384–422.
12. Liu, J. (2009), "Perception Training Effects of French Voiceless and Voiced Stop Consonants", Master's Degree Thesis, Shandong Univ., Shandong, CHN.
13. Chang, Ch. (2019), "Study on the Acquisition of French Stop Consonants by Chinese Learners and the Impact of Voiced Stop Dialect Background on Their Acquisition Effectiveness", Master's Degree Thesis, Shanghai International Studies Univ., Shanghai, CHN.
14. Evans, B.G. and Alshangiti, W. (2018), "The perception and production of British English vowels and consonants by Arabic learners of English", *J. of Phonetics*, vol. 68, pp. 15–31. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2018.01.002>.
15. Abramson, A.S. and Whalen, D.H. (2017), "Voice Onset Time (VOT) at 50: Theoretical and Practical Issues in Measuring Voicing Distinctions", *J. of Phonetics*, vol. 63, pp. 75–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.wocn.2017.05.002>.
16. Kharlamov, V. (2022), "Phonetic Effects in the Perception of VOT in a Prevoicing Language", *Brain Science*, vol. 12, iss. 3: 427. DOI: <https://doi.org/10.3390/brainsci12040427>.
17. Zhang, M. (2019), "Research on the Impact of Chinese Phonetic Learning Strategies on Phonetic Acquisition by Russian Students", Master's Degree Thesis, Liaoning Univ., Liaoning, CHN.
18. Guan, X. (2020), "Analysis and Research on the Relationship between Speech Perception and Speech Production", Master's Degree Thesis, Harbin Institute of Technology, Harbin, CHN.
19. Moore, B.C.J., Tyler, L.K. and Marslen-Wilson, W. (2008), "Introduction. The perception of speech: from sound to meaning", *Philos. Trans. R. Soc. Lond. B Biol. Sci.*, vol. 363 (1493), pp. 917–921. DOI: 10.1098/rstb.2007.2195.
20. Abbasi, A.M., Husain, I., Bakhsh, I., Khosh, N.K. and Khan, A. (2025), "Investigating voice onset time in Pakistani English speech", *Speech Communication*, vol. 168: 103174. DOI: 10.1098/rstb.2007.2195.
21. Nagle, C.L. (2018), "Examining the temporal structure of the perception-production link in second language acquisition: A longitudinal study", *Language Learning*, vol. 68, iss. 1, pp. 234–270. DOI: <https://doi.org/10.1111/lang.12275>.
22. Titze, I.R. (1994), *Principles of voice production*, Prentice Hall, NJ, USA.
23. Zhu, L.G. and Wang, H.Y. (2019), "Exploring Input and Output Issues of Second Language Learners from a Phonological Perspective", *J. of Xi'an Int. Studies Univ.*, vol. 3, iss. 2, pp. 55–60.
24. Baken, R.J. and Orlikoff, R.F. (2000), *Clinical measurement of speech and voice*, 2nd ed., Singular Publ., San Diego, USA.

Information about the authors.

Anna Zhao – Postgraduate (Foreign Languages and Applied Linguistics) at the School of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, No. 100, Guanjing Road, Shuimogou District, Urumqi, Xinjiang, China. The author of 4 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, language acquisition.

Yang Xinlu – Professor (2024) at the School of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, No. 100, Guanjing Road, Shuimogou District, Urumqi, Xinjiang, China. The author of 20 scientific publications. Area of expertise: discourse analysis, language acquisition.

Wang Xiangxue – Master's student (Foreign Languages and Applied Linguistics) at the School of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, No. 100, Guanjing Road, Shuimogou District, Urumqi, Xinjiang, China. Area of expertise: discourse analysis, language acquisition.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 01.07.2025; adopted after review 08.10.2025; published online 20.02.2026.*

Оригинальная статья

УДК 81'25

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-126-138>

«Видимость» и «невидимость» переводчика при лингвокультурной адаптации реалий: диахроническое исследование переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»

Анастасия Сергеевна Соколова

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
hawkschatten@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7625-8394>*

Введение. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» принадлежит к мировой литературе, а наличие постоянно публикуемых новых переводов свидетельствует об интересе к данному произведению. Целью настоящего исследования является сравнительно-сопоставительный анализ переводов романа «Преступление и наказание» в диахроническом аспекте. В данной статье проводится оценка изменений в норме перевода.

Методология и источники. Материалом исследования послужил роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», а также переводы на английский язык, выполненные К. Гарнетт, Д. Макдаффом, Р. Пиваром и Л. Волохонской. В ходе работы применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный, а также контекстуальный.

Результаты и обсуждение. Ранние переводы романа характеризуются легкостью восприятия, но при этом в них утрачиваются маркеры исходной культуры из-за их нейтрализации и замены на маркеры принимающей культуры. Поздние переводы демонстрируют осознанность со стороны переводчика в стремлении подчеркнуть принадлежность произведения к иной культуре, вследствие чего текст перевода становится труднее для восприятия: он изобилует транслитерированными элементами и переводческими комментариями. Особый случай демонстрируют переводы, в которых выдерживается баланс между доместикацией и форенизацией, благодаря чему в тексте перевода сохранена культурологическая точность, читабельность и избыточность описательных элементов (переводческих комментариев), которые не усложняют восприятие текста, а приближают читателя к исходной культуре.

Заключение. Выявленные различия в лингвокультурной адаптации культурно-маркированной лексики демонстрируют разное отношение к «видимости» и «невидимости» переводчика. Однако в ходе исследования было выявлено, что сохранение баланса между двумя крайностями позволяет породить посильный для восприятия перевод, сохраняющий в себе инолингвокультурные вкрапления.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация, доместикация, форенизация, культурно-маркированная лексика, реалия, приблизительный перевод

© Соколова А. С., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Соколова А. С. «Видимость» и «невидимость» переводчика при лингвокультурной адаптации реалий: диахроническое исследование переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 126–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-126-138.

Original paper

“Visibility” and “Invisibility” of the Translator in the Linguocultural Adaptation of Realia: A Diachronic Study of Translations of F.M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”

Anastasiia S. Sokolova

*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia,
hawkschatten@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-7625-8394>*

Introduction. F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" belongs to world literature, and the presence of constantly published new translations testifies to the interest in it. The objective of this study is a comparative analysis of translations of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in the diachronic aspect. This article assesses changes in the translation norm.

Methodology and sources. The research material was the novel "Crime and Punishment" by F.M. Dostoevsky, as well as translations into English by C. Garnett, D. McDuff, R. Pevear and L. Volokhonskaya. The following methods were used in the course of the work: comparative-contrastive, descriptive, and contextual.

Results and discussion. Early translations of the novel are characterized by ease of perception, but at the same time they lose markers of the original culture by neutralizing them and replacing them with markers of the receiving culture. Later translations demonstrate a conscious effort on the part of the translator to emphasize the work's belonging to another culture, as a result of which the text of the translation becomes more difficult to perceive: it abounds in transliterated elements and translation comments. A special case is demonstrated by translations that maintain a balance between domestication and foreignization, as a result of which the text of the translation retains cultural accuracy, readability and redundancy of descriptive elements (translation comments), which do not complicate the perception of the text, but bring the reader closer to the original culture.

Conclusion. The differences revealed in the linguocultural adaptation of culturally marked vocabulary demonstrate different attitudes towards the "visibility" and "invisibility" of the translator, however, during the study it was revealed that maintaining a balance between the two extremes allows one to generate a translation that is easy to perceive and retains foreign linguistic and cultural inclusions.

Keywords: linguocultural adaptation, domestication, foreignization, culturally marked vocabulary, realia, approximate translation

For citation: Sokolova, A.S. (2026), "“Visibility” and “Invisibility” of the Translator in the Linguocultural Adaptation of Realia: A Diachronic Study of Translations of F.M. Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 126–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-126-138 (Russia).

Введение. Личность Ф. М. Достоевского и его произведения известны не только среди отечественных читателей, но и среди зарубежных, причем стоит отметить, что его популярность за рубежом неожиданным образом возросла. Так, повесть «Белые ночи», в англоязычном переводе изданная Penguin Books, стала четвертой по продаваемости книгой за 2024 г.,

попав в список популярных произведений современных писателей. Всплеск интереса к творчеству Ф. М. Достоевского среди молодежи в Великобритании образно описывается The Guardian как «лихорадка белых ночей» («White Nights fever») [1]. Читатели поколения Z откликаются на поднятую Достоевским тему одиночества, особо остро переживаемую теми, кто ощутил на себе последствия изоляции во время пандемии COVID-19. Исследователи отмечают, что поколению Z свойственны такие черты, как высокий уровень эмоционального интеллекта [2], подверженность депрессивным состояниям, частое ощущение одиночества [3], склонность к эскапизму [4]. Все это позволяет современному читателю испытывать особое духовное родство с героями Достоевского.

Роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского переведен более чем на 170 языков. Сегодня существует 15 переводов на английский язык и новые переводы, которые публикуются до сих пор. Это свидетельствует о том, что роман является ядром, «центром переводческой аттракции» [5, с. 264] с признанными удачными или популярными его переводами. Постоянное возникновение новых переводов вне зависимости от их популярности и качества, т. е. их «повторность» [6], можно считать индикатором высокого интереса к произведению. Невозможно не признать тот факт, что роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», несмотря на долгое непринятие за рубежом, на данный момент стал одним из значимых произведений не только отечественной, но мировой литературы.

Термин «мировая литература» (нем. *Weltliteratur*, англ. *world literature*, фр. *littérature mondiale*), восходящий к трудам И. В. фон Гёте, актуализировал и переосмыслил в современном филологическом дискурсе Д. Дамрош. Под мировой литературой понимаются произведения, которые не лишаются, а приобретают нечто важное и необходимое в процессе их перевода, следовательно, перевод способствует раскрытию смыслов исходного текста [7, р. 19]. Мировая литература рассматривается Д. Дамрошем в качестве результата бесконечного процесса обмена культурных идей и диалога разных культур, а не только в качестве формального перечня художественных произведений. Бесконечность, или динамичность, характеризуется постоянным взаимодействием произведений, в котором происходит взаимное переплетение. Так, в каком-либо произведении можно обнаружить элементы одного или нескольких других. Динамичность также обусловлена расширением перечня произведений, входящих в состав мировой литературы по мере межкультурного взаимодействия. Произведения мировой литературы являются отражением исходной и принимающей культур.

Представитель французской филологии Жером Давид, также поднимая вопрос мировой литературы, спорит с точкой зрения Д. Дамроша, заключающейся в обязательном условии, согласно которому произведение должно стать «региональным», прежде чем стать «мировым» [8, р. 163]. Ж. Давид считает, что мировая литература должна включать и произведения, относящиеся к глобальной литературе. Следовательно, мировая литература транснациональна [9] и представляет собой тесное взаимодействие всех произведений, а также взаимодействие через них исходных и принимающих культур.

Отличной от Д. Дамроша точки зрения об отношении перевода и произведений мировой литературы придерживается Э. Эптер, в работах которой прослеживается парадоксальное сосуществование двух тезисов: «Nothing is translatable» и «Everything is translatable» [10, р. 226],

из которых следует, что через процесс перевода может пройти совершенно любой текст, однако финальный текст перевода будет лишен исходных культурных особенностей [11].

Художественное произведение существует в том числе и в форме перевода, легкость восприятия которого стирает границы перевода и оригинала. Данный эффект тесно связан с концептом «fluency», описанным Л. Венути, согласно которому легкость прочтения перевода приводит к тому, что переводчик становится «невидимым», а автор оригинального произведения – «видимым» [12]. Представления Л. Венути о «видимости» и «невидимости» (или «прозрачности» в других исследованиях [13]) переводчика соотносимы с двумя переводческими стратегиями: форенизацией и доместикацией соответственно.

Текст перевода воспринимается как оригинальное произведение вследствие применения стратегии доместикации. Переводчик, становясь незримым для читателя, приближает иноязычный текст к принимающей культуре, нивелируя все «чужое» и, следовательно, «непонятное» и адаптируя под «свое» и «понятное».

С другой стороны, стратегия форенизации не оставляет читателя в покое и подчеркивает непохожести двух культур. Л. Венути характеризует данную стратегию «сопротивлением» («resistancy») [14, p. 242], проявляющимся в том, что такой текст перевода воспринимается сложнее, поскольку он бросает вызов представителям принимающей культуры, погружая их в иноязычную культуру.

Доместикация и форенизация представляют собой два варианта «давления» («violence») [12, p. 20]. В ходе доместикации происходит этноцентрическое «давление» на текст оригинала и исходный культурный код, а в ходе форенизации этноцентрическому «давлению» подвергается культурный код языка перевода. Из двух вариантов, не являющихся противоположными друг другу, Л. Венути отдает предпочтение форенизации как способу сохранения культурного разнообразия исходного произведения. Другой исследователь, А. Берман, тоже выступает против стремления адаптировать оригинальный текст путем нивелирования исходного культурного кода, однако при этом обращает внимание на то, что каждому переводчику свойственно стремление адаптировать текст путем уменьшения вариативности, которое также называется «деформирующей тенденцией» [15, p. 280]. К таким «деформирующим тенденциям» относятся: излишние разъяснения, вследствие чего происходит необоснованное увеличение объема текста перевода; избыточное «улучшение» и «украшательство» текста; сведение лексического разнообразия к общему и нередко нейтральному понятию; нейтрализация диалектов, социолектов и идиолектов; подбор эквивалента идиоматическим выражениям; нарушение смыслообразующей структуры текста; деформация ритма (характерна при переводе лирических произведений).

С учетом проанализированных работ следует, что форенизация и доместикация не являются диаметрально разными стратегиями, крайностями, из которых можно придерживаться исключительно одной: переводчик в ходе работы с художественным произведением не использует только одну из двух стратегий, напротив, он применяет обе в разных соотношениях. С одной стороны, переводчик может максимально адаптировать произведение под нормы принимающей культуры, что в значительной степени облегчает восприятие перевода, убирает переводчика из поля видимости читателя и нивелирует «чужие» элементы.

С другой стороны, переводчик может подчеркнуть свое присутствие, акцентируя внимание на культурных различиях, что осложняет восприятие текста, но сохраняет его принадлежность к иноязычной культуре. Переводчик вправе в качестве основы выбрать одну из стратегий либо попытаться сохранить баланс между ними. Баланс представляет собой ненавязчивое присутствие переводчика с намеком на прозрачность, характеризуется сохранностью голоса автора, признанием культурных различий и их объяснением («patient interpretive, contextualizing negotiating») [16, p. 387] без грубых нарушений культурного облика путем излишней нейтрализации и навязчивых вкраплений элементов принимающей культуры.

Поэтому невозможно не прийти к выводу о ценности изучения разных переводов одного художественного произведения, заключающейся в том, что все переводы дополняют друг друга.

Таким образом, принимая во внимание принадлежность романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» к мировой литературе, резко возросший интерес современного зарубежного читателя к произведениям данного писателя, что выражено в возникновении феномена «лихорадки белых ночей», а также переводческий интерес к этому роману, о чем свидетельствует постоянно обновляющееся количество переводов (переводная множественность [17]), можно прийти к выводу об актуальности исследования переводов данного романа с их сравнительно-сопоставительным анализом на фоне недостаточной изученности данного вопроса, что обуславливает также научную новизну нашего исследования.

Цель данного сравнительно-сопоставительного диахронического исследования переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» заключается в выявлении степени влияния времени создания перевода на применяемые стратегии и оценка меняющейся нормы перевода.

Методология и источники. На фоне описанной множественности переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» можно прийти к выводу о слишком обширном материале для настоящего исследования, вследствие чего для выполнения поставленной цели появилась необходимость в отборе материала согласно определенным критериям.

В качестве материала исследования были использованы переводы романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [18] на английский язык, выполненные К. Гарнетт (1914) [19], Д. Макдаффом (1991) [20], Р. Пивиаром и Л. Волохонской (1992) [21]. Отобранный материал обоснован определенными критериями: общедоступность и популярность среди современного читателя; осведомленность переводчика в области теории перевода и филологии, а также наличие других переводов русской классики; формальная целостность переводов на структурном уровне.

Следовательно, отобранные переводы являются полными версиями исходного произведения, т. е. все структурные элементы сохранены. Создатели отобранных переводов ранее работали над переводами других произведений Ф. М. Достоевского, включающих не только романы великого пятикнижия, но и рассказы, а также над переводами других художественных произведений, составляющих значимый пласт русской классики, включающий произведения А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, М. А. Булгакова А. П. Чехова и т. д. Среди отобранных переводов присутствуют и популярные, спустя время подвергшиеся критике ввиду значительных несоответствий, а также переводы, признанные удачными.

В ходе работы применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный и контекстуальный. Сравнительно-сопоставительный стал основным методом исследования, использованным для выделения разных способов передачи реалий в отобранных для исследования переводах и анализа изменившейся тенденции в переводе с диахронической точки зрения. Каждая культурно-маркированная единица была проанализирована не изолированно, а в контексте с целью верной оценки переводческого решения в каждом рассматриваемом случае. Контекстуальный метод позволил оценить влияние каждого переводческого решения на исходный смысл, заключенный в реалии. В ходе работы была также описана степень сохранности реалий в рассматриваемых переводах.

Результаты и обсуждение. Культурно-маркированная лексика отражает действительность, существующую вне языка, что делает ее перевод одним из сложнейших вопросов современного переводоведения. В ходе работы с любым текстом, где присутствуют реалии, переводчик прибегает к лингвокультурной адаптации для приспособления исходного текста под принимающую культуру. В данном исследовании под лингвокультурной адаптацией понимается ряд способов приспособления текста на языке оригинала для достижения адекватного восприятия носителями культуры языка перевода.

От удачной передачи культурно-маркированной лексики зависит сохранность атмосферы эпохи, описанной автором оригинального произведения, ее культурного колорита. В ходе работы с культурно-маркированной лексикой невозможно передать элементы иноязычной культуры без потерь, поэтому главная задача переводчика заключается в выборе верной стратегии с учетом значимости реалии относительно произведения. Некоторые реалии нуждаются в дополнительном толковании и разъяснении посредством описательного перевода или введения переводческого комментария. С другой стороны, чрезмерное разъяснение каждой реалии, не препятствующей пониманию произведения, избыточно. Основные способы передачи реалий включают в себя транскрипцию, транслитерацию и непосредственный перевод, в ходе которого реалия на исходном языке (ИЯ) заменяется на реалию языка перевода, осуществляется приблизительный или контекстуальный перевод либо вводится неологизм в форме кальки или полукальки.

В ходе исследования были отобраны реалии, относящиеся к следующим группам: реалии, обозначающие предметы быта; реалии, обозначающие предметы одежды; гастрономические реалии; реалии, обозначающие здания и помещения. Сравнительно-сопоставительное исследование позволило сделать выводы о способах передачи культурно-маркированной лексики в разных переводах, определить степень сохранности культурного облика (полная сохранность, частичная сохранность и утрата культурного облика реалии), а также оценить выраженность «видимости» и «невидимости» переводчика в каждом из случаев.

Перевод К. Гарнетт (1914) является примером, в котором переводчик «невидим», вследствие чего текст легок в прочтении, однако за простотой скрывается нейтрализация значительного пласта реалий и малый процент сохранности исходного культурного кода.

В вопросе передачи реалий, обозначающих предметы быта, перевод К. Гарнетт продемонстрировал преимущественную утрату изначального культурного образа путем подмены изначального понятия на понятие, принадлежащее совершенно иной культуре, как в случае перевода слов, обозначающих музыкальные инструменты «гармонь» и «шарманка», при «Видимость» и «невидимость» переводчика при лингвокультурной адаптации реалий: диахроническое... 131
“Visibility” and “Invisibility” of the Translator in the Linguocultural Adaptation of Realia: A Diachronic Study of...

надлежащих русской культуре после ассимиляции. Данные инструменты были переведены как «concertina» («концертина»), т. е. как английский инструмент, который отличается от гармони и шарманки внешними характеристиками, способом использования и звучанием. Утрата исходного образа наблюдается и в случае перевода реалии «полуштоф». Несмотря на очевидное немецкое происхождение слова, «полуштоф» является русской реалией, обозначающей, с одной стороны, меру измерения в 0,6 л, а с другой – бутылку с алкоголем объемом 0,6 л. Наличие синонимов «jug», «quart» и «pot» в переводе К. Гарнетт препятствует созданию определенного образа данного предмета и отдаляет от исходного образа. Частичное сохранение образа наблюдается при переводе реалии «ушат» на «pail».

В ходе перевода реалий, обозначающих предметы одежды, в тексте К. Гарнетт наблюдается тенденция к подбору эквивалента, описывающего общую форму и разновидность без уточнений специфики, вследствие чего многие реалии были переведены общим понятием, препятствующим созданию более точного и конкретного образа описываемого предмета одежды.

Так, «бурнусик» (плащ-накидка из шерстяной ткани с капюшоном) и «меховая кацавейка» (короткая кофта, подбитая мехом) были переданы общим термином «sare». В первом случае при помощи этого переводческого решения было подобрано приблизительное соответствие в языке перевода, передающее общий вид и функцию данного предмета одежды. Во втором случае наблюдается некорректный подбор понятия в языке перевода, поскольку под кацавейкой понимается короткая кофта, а не накидка. В случае «мантильки» (легкая короткая накидка с удлиненными концами) был подобран более удачный вариант «mantle». Внешний вид вицмундира (дореволюционный форменный фрак гражданских чиновников) как специфической формы дореволюционных времен ограничился нейтральным понятием «uniform». Нейтрализация также наблюдается в переводе «ермолки» (традиционный еврейский мужской головной убор, плотно прилегающий к голове). Несмотря на существующее в английском языке слово «kiprah», в переводе К. Гарнетт обнаруживается вариант «sar» с отсутствием каких-либо описательных элементов, которые могли бы подробнее раскрыть специфические особенности ермолки, отличающие ее от других головных уборов. «Косынка» (женский предмет одежды, представляющий собой головной или шейный платок в виде отреза ткани треугольной формы) также подверглась нейтрализации, превратившись в тексте перевода в «shawl», лишившись своих особенностей. Наконец, «кафтан» (верхняя одежда с длинными лапами), «сибирка» (короткий кафтан с высоким воротником) и «сюртук» (длинная повседневная верхняя одежда среднего и высшего класса) также были переданы одним общим понятием – «coat». Таким образом, три данных предмета одежды, явно отличающиеся друг от друга фасоном, материалом и классовой принадлежностью, в переводе являются одним предметом.

В вопросе передачи гастрономических реалий перевод К. Гарнетт демонстрирует их сохранение ввиду использования существующих в английском языке эквивалентов. Однако некоторые использованные эквиваленты лишь частично передают исходный образ, что можно наблюдать на примере вариантов «pancakes» и «jam». В некоторых случаях сложно оценить удачность или неудачность перевода реалии из-за отсутствия однозначности в ее понимании на уровне носителей исходной культуры. Например, «заливное» и «кулебяка» –

две реалии, которые в настоящее время интерпретируются по-разному. С одной стороны, под «заливным» понимают холодное блюдо только из рыбы, с другой стороны – только из мяса. Однако во время написания романа под «заливным» понималось и то и другое. «Кулебяка» также сейчас воспринимается отдельными людьми только как пирог с мясом либо как пирог с рыбой, хотя традиционный рецепт включал одновременно мясо, рыбу, капусту и тертую морковь. Учитывая данное исходное значение, можно отметить генерализацию понятия «заливное» до «cold entrée with jelly» и конкретизацию реалии «кулебяка» до «fish-pie». Стоит отметить удачную попытку передать в переводе реалию «кутья» при помощи описательного перевода («traditional rice and honey»).

На основе анализа способов перевода реалий, обозначающих помещения и их части, в тексте К. Гарнетт прослеживается приверженность к варианту, который не отражает в достаточной мере исходное понятие, а также «деформирующую тенденцию», по А. Берману, – избыточное «улучшение» и «украшательство». Так, «кабак», «распивочная», «трактир» и «харчевня» – слова, объединенные одной тематикой, однако имеющие некоторые различия, которые, с одной стороны, сохраняются в переводах, а с другой – утрачиваются.

Разберем значения каждой из представленной выборки лексической единицы при помощи толковых словарей В. И. Даля, поскольку данные лексикографические источники фиксируют состояние лексикона русского языка эпохи Ф. М. Достоевского. Так, под кабаком понимается питейный дом, в котором осуществлялась продажа и распитие алкогольных напитков («питейный дом, место продажи водки, иногда также пива и меду» [22, с. 68]). Распивочная – это кабак, что также отражено в словарной статье («помещение с продажей алкогольных напитков; кабак; питейный дом, где идет распивочная продажа» [23, с. 66]), следовательно, два данных понятия являются синонимами. Под харчевней понимается место продажи и употребления пищи простого уровня («простое заведение, где едят за деньги» [23, с. 559]). Трактир представлял собой помещение, в котором располагалась гостиница и харчевня («гостиница и харчевня, где пьют и едят за плату, постоялый двор» [23, с. 436]). В ходе анализа было выявлено, что в переводе К. Гарнетт прослеживается тенденция к сведению понятий «кабак», «распивочная» и «харчевня» до генерализованного понятия «tavern» и конкретизации понятия «трактир» до «restaurant» с более возвышенным стилем, что приводит к искажению смысла, учитывая контекст, подразумевающий, что место, в котором находились Мармеладов и Раскольников, называться рестораном не может.

Перевод Д. Макдаффа (1991) отличается подчеркнутой «видимостью» переводчика, что выражено в наличие большого количества переводческих комментариев, вследствие чего объем текста перевода заметно больше оригинального по количеству страниц. Перевод романа, выполненный Д. Макдаффом, отличается сниженной читабельностью из-за частого применения транслитерации/транскрипции с развернутыми переводческими комментариями, однако при этом наблюдается сохранение исходной культурной специфики.

Как и в переводе К. Гарнетт, аналогичная ситуация с утратой изначального культурного образа ввиду подмены реалии наблюдается в переводе Д. Макдаффа, однако только в случае с музыкальными инструментами («гармонь» и «шарманка»), которые были переведены как «concertina» и «hurdy-gurdy». Стоит обратить внимание, что в переводе Д. Макдаффа произошла подмена русской реалии на английскую («concertina») и на французскую («hurdy-

gurdy»). Перевод реалии «полуштоф» как «half-shtof» демонстрирует введение неологизма путем создания полукальки, которое сопровождается переводческим комментарием, вследствие чего реалия сохраняется.

В вопросе перевода реалий, обозначающих предметы одежды, текст Д. Макдаффа демонстрирует попытку приблизительного перевода с подбором более удачных соответствий. Так, обозначилась разница между «бурнусиком» и «кацавейкой» (в отличие от перевода К. Гарнетт), выражающаяся в том, что оба понятия были переданы более удачными соответствиями – «burnous mantlet» и «fur jacket» соответственно. «Ермолка» также была дифференцирована от других головных уборов вариантом «skull-cap», в котором дан описательный элемент, подчеркивающий особенность этого головного убора. Понятию «сюртук» был подобран эквивалент «frock-coat», который создает однозначное представление о фасоне и классовой принадлежности данного предмета одежды; то же касается и «мантильки», переданной как «mantilla». Реалия, обозначающая кафтан, передана транслитерированной формой «saftan», которая в целом ассимилирована в языке перевода и имеет за собой определенный образ. Нейтрализация наблюдается в переводах понятий «вицмундир», который был передан общим понятием «uniform jacket», «косынка», переданная более отдаленным понятием «scarf», и «сибирка», в переводе которой наблюдается попытка сохранения этимологии изначального слова («Siberian saftan»), которая в действительности не выделяет каких-либо особенностей данного предмета одежды, хотя и позволяет понять читателю, что данный предмет одежды принадлежит русской культуре.

В переводе наблюдается применение конкретизации в случае передачи гастрономической реалии «заливное» до «jellied meat» и сохранение формального облика слова «kulebiaka» с переводческим комментарием «pies with meat, fish or cabbage stuffing» [20, p. 664], который способствует сближению смысла и транслитерированной формы. Однако утрата связи реалии и слова наблюдается на примере перевода понятия «кутья» – нетипичная для ИЯ комбинация букв «kutya» без переводческого комментария или любого другого описательного элемента.

Отмечается дифференциация четырех разных помещений с целью выделения разницы между ними («трактир» был передан эквивалентом «inn», а «кабак», «распивочная» и «харчевня» – лексическими единицами, в которых были заключены ключевые характеристики понятий: «drinking-house», «drinking den» и «eating-house» соответственно).

Перевод Р. Пивиара и Л. Волохонской (1992) является примером сохранения баланса: работа переводчиков «видима», однако «давление» на принимающую культуру умеренное. Культурно-маркированная лексика преимущественно передана описательным переводом; случаи транскрипции/транслитерации сопровождаются переводческими комментариями.

В переводе сохранены исходные образы реалий путем введения понятий, ассоциирующихся с русской культурой, что демонстрирует перевод слов «гармонь» и «шарманка» («accordion» и «barrel organ» соответственно).

Переводческие решения Р. Пивиара и Л. Волохонской во много сходны с решениями Д. Макдаффа. Так, наблюдается приблизительный перевод понятий «ермолка» и «мантилька» («skullcap» и «little cap» соответственно), а также описательный перевод понятий « меховая кацавейка» и «сибирка» («fur-trimmed jacket» и «tight-waisted coat» соответственно). Эти стратегии сохраняют разнообразие представленных предметов одежды.

«Кафтан» также был передан транслитерированным вариантом «caftan». Интересен случай передачи понятия «косынка» максимально близким понятием «kerchief», который сохраняет внешний вид данного женского головного убора. В ходе перевода понятий «бурнусик», «вицмундир» и «сюртук» наблюдается нейтрализация, в ходе которой были подобраны общие понятия: «wgar», «uniform» и «jacket» соответственно.

В переводе присутствует применение конкретизации «fish in aspic» и «meat pie», а также введение транслитерированного варианта «kut'ya» с переводческим комментарием, вследствие чего понятие обретает смысловую форму («special dish offered to people at the end of a memorial service <...> made from rice (or barley, or wheat) and raisins, sweetened with honey» [21, p. 555]): конкретизируется рецепт данного блюда, а также обстоятельство, когда оно готовится и подается, что имеет большое значение для приближения читателя к пониманию иноязычной культуры.

Аналогичный подход сохранения разнообразия и смысла наблюдается в передаче единиц «кабак» и «харчевня» через единицы, в которых выделены смысловые характеристики: «rot-house» и «cook-shop» соответственно. Однако «распивочная» и «трактир» были переданы единым понятием «tavern», что расширило значение в первом случае и сузило во втором.

Заключение. В результате сопоставительного анализа трех англоязычных переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» было выявлено, что наиболее распространенной стратегией перевода культурно-маркированной лексики является приблизительный перевод, который позволяет частично сохранить значение, однако утрачивает национально-культурное своеобразие и приводит к нейтрализации реалии. В рамках данного способа переводчик производит родовидовую замену, генерализацию, заменяя культурно-маркированную лексику более общим понятием с нейтральной коннотацией. Данной стратегии можно противопоставить точный перевод, отдающий предпочтение транскрипции/транслитерации, в ходе которой переводчик сохраняет формальный облик реалии (фонетическую и орфографическую форму), но утрачивает любые связи с исходным образом, вследствие чего появляется необходимость во внедрении культурологического комментария.

В ходе сравнительно-сопоставительного анализа был оценен процент сохранности культурного кода в каждом переводе: учитывалась полная сохранность культурного образа, частичная сохранность и утрата культурного кода. Из всех рассмотренных переводов в варианте К. Гарнетт прослеживается тенденция к максимальной нейтрализации культурно-маркированной лексики, вследствие чего утрачивается индивидуальный стиль писателя и культурный колорит всего исходного произведения, а текст перевода становится простым для восприятия (42 % реалий утрачено, 39 % частично сохранено, 19 % полностью сохранено). Перевод Д. Макдаффа отличается применением приблизительного перевода, а также транслитерации/транскрипции с добавлением переводческого комментария, устанавливающего связь между формальным обликом слова и его исходным значением. Результатом данного подхода является сложный для восприятия текст перевода с полной репрезентацией иноязычной культуры (12 % реалий утрачено, 23 % частично сохранено, 77 % полностью сохранено). В переводе Р. Пивиара и Л. Волохонской наблюдаются приблизительный и описательный переводы с целью сохранения реалий. Текст перевода представляет собой баланс, в котором «давление» перевода на принимающую культуру умеренно и не осложняет

восприятие художественного произведения (4 % реалий утрачено, 46 % частично сохранено, 50 % полностью сохранено).

Полученные результаты сравнительно-сопоставительного анализа трех переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» показали все трудности лингвокультурной адаптации культурно-маркированной лексики и позволили сделать выводы о меняющихся стратегиях перевода в диахронии. Эти результаты позволяют судить об изменениях в норме перевода и восприятии роли переводчика: от стремления создать простой для прочтения текст, который близок представителям принимающей культуры ввиду минимального количества маркеров иноязычной культуры, до максимального раскрытия всех культурных маркеров посредством создания неологизма, введения транслитерированного варианта, сопровождающегося переводческим комментарием, либо посредством описательного перевода.

Стремление к «прозрачности» и «невидимости» образа переводчика, характерное для более ранних переводов, вытесняется на современном этапе тенденцией к «видимости» переводчика, при которой перевод сохраняет за собой право не читаться как оригинал, намеренно затрудняя читателя инолингвокультурными вкраплениями и фокусируя на них внимание за счет пояснений. При этом переводчику важно сохранить баланс между культурологической точностью и читабельностью произведения, которое не должно превратиться в справочное пособие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wade A. Gen Z discover Dostoevsky novella written 1848 and dub it “like Harry met Sally” – causing sales to surge to record high // Daily Mail. 19.12.2024. URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-14209607/Gen-Z-discover-Dostoevsky-novella-written-1848-dub-like-Harry-met-Sally-causing-sales-surge-record-high.html> (дата обращения: 13.08.2025).
2. Harari T. T., Sela Y., Bareket-Bojmel L. Gen Z during the COVID-19 crisis: a comparative analysis of the differences between Gen Z and Gen X in resilience, values and attitudes // Current Psychology. 2023. Vol. 42. P. 24223–24232. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03501-4>.
3. Permana V. G., Mar’at S., Soetiko N. Loneliness of Z Generation Adolescents in the Covid-19 Pandemic: Descriptive Study // Advances in Health Science Research. 2021. Vol. 41. P. 159–163. DOI: <https://doi.org/10.2991/ahsr.k.211130.027>.
4. Annamalai S., Vasunandan A., Mehta A. Social isolation and loneliness among Generation Z employees: can emotional intelligence help mitigate? // Cogent Business & Management. 2025. Vol. 12, iss. 1: 2441474. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2441474>.
5. Разумовская В. А. «Сверхтекст» как форма существования «сильного» художественного текста // Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15, № 1. С. 262–275. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>.
6. Шерстнева Е. С. Переводная множественность в контексте эволюции переводческой рецепции оригинала: культурологический и этический аспекты // Ученые записки Петргу. 2020. Т. 42, № 3. С. 96–102. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.471>.
7. Damrosch D., Pike D. L. Longman Anthology of World Literature. London: Pearson, 2011.
8. Damrosch D. What is world literature? Princeton: Princeton Univ. Press, 2003.
9. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». Paris: Les prairies ordinaires, 2011.
10. Apter E. The Translation Zone: A New Comparative Literature. Princeton: Princeton Univ. Press, 2006.

11. Apter E. *Against World Literature: On the Politics of Untranslatability*. NY: Verso, 2013.
12. Venuti L. *The Translator's Invisibility: A history of translation*. NY: Routledge, 2004.
13. Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses / B. Buden, S. Nowotny, S. Simon et al. // *Translation Studies*. 2009. Vol. 2, iss. 2. P. 196–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/14781700902937730>.
14. Venuti L. *The Scandals of Translation. Towards an Ethics of Difference*. NY: Routledge, 1998.
15. Berman A. *Translation and the trials of the foreign*. NY: Routledge, 2004.
16. Hermans T. Cross-cultural translation studies as thick translation // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 2003. Vol. 66, iss. 3. P. 380–389. DOI: [10.1017/S0041977X03000260](https://doi.org/10.1017/S0041977X03000260).
17. Филиппова И. Н. О некоторых факторах переводной множественности // *Вестн. РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8, № 2. С. 241–248. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-241-248>.
18. Достоевский Ф. М. *Преступление и наказание*. СПб.: Азбука-Аттикус, 2024.
19. Dostoyevsky F. *Crime and Punishment* / transl. by C. Garnett. Oxford: Benediction Classics, 2017.
20. Dostoyevsky F. *Crime and Punishment* / transl. by D. McDuff. London: Penguin Books, 2003.
21. Dostoyevsky F. *Crime and Punishment* / transl. by R. Pevear, L. Volokhonsky. London: Vintage Books, 2007.
22. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 2. СПб.: Гостиный двор, 1881.
23. Даль В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 4. СПб.: Гостиный двор, 1882.

Информация об авторе.

Соколова Анастасия Сергеевна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-сопоставительная лингвистика, теория и практика перевода, лингвистика текста.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 13.08.2025; принята после рецензирования 08.11.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Wade, A. (2024), "Gen Z discover Dostoevsky novella written 1848 and dub it "like Harry met Sally" - causing sales to surge to record high", *Daily Mail*, 19.12.2024, available at: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-14209607/Gen-Z-discover-Dostoevsky-novella-written-1848-dub-like-Harry-met-Sally-causing-sales-surge-record-high.html> (accessed 13.08.2025).
2. Harari, T.T., Sela, Y. and Bareket-Bojmel, L. (2023), "Gen Z during the COVID-19 crisis: a comparative analysis of the differences between Gen Z and Gen X in resilience, values and attitudes", *Current Psychology*, vol. 42, pp. 24223–24232. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03501-4>.
3. Permana, V.G., Mar'at, S. and Soetiko, N. (2021), "Loneliness of Z Generation Adolescents in the Covid-19 Pandemic: Descriptive Study", *Advances in Health Science Research*, vol. 41, pp. 159–163. DOI: <https://doi.org/10.2991/ahsr.k.211130.027>.
4. Annamalai, S., Vasunandan, A. and Mehta, A. (2025), "Social isolation and loneliness among Generation Z employees: can emotional intelligence help mitigate?", *Cogent Business & Management*, vol. 12, iss. 1: 2441474. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2441474>.
5. Razumovskaya, V.A. (2024), ""Supertext" as a Form of a "Strong" Fiction Text Existence", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 15, no. 1, pp. 262–275. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-262-275>.

6. Sherstneva, E.S. (2020), "Retranslation within the evolution of translators' reception of the original: culturological and ethical aspects", *Proceedings of Petrozavodsk State Univ.*, vol. 42, no. 3, pp. 96–102. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.471>.
7. Damrosch, D. and Pike, D.L. (2011), *Longman Anthology of World Literature*, Pearson, London, UK.
8. Damrosch, D. (2003), *What is world literature?*, Princeton Univ. Press, Princeton, USA.
9. David, J. (2011), *Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la "littérature mondiale"*, Les prairies ordinaires, Paris, FRA.
10. Apter, E. (2006), *The Translation Zone: A New Comparative Literature*, Princeton Univ. Press, Princeton, USA.
11. Apter, E. (2013), *Against World Literature: On the Politics of Untranslatability*, Verso, NY, USA.
12. Venuti, L. (2004), *The Translator's Invisibility: A history of translation*, Routledge NY, USA.
13. Buden, B., Nowotny, S., Simon, S., Bery, A. and Cronin, M. (2009), "Cultural translation: An introduction to the problem, and Responses", *Translation Studies*, vol. 2, iss. 2, pp. 196–219. DOI: <https://doi.org/10.1080/14781700902937730>.
14. Venuti, L. (1998), *The scandals of translation. Towards an ethics of difference*, Routledge, NY, USA.
15. Berman, A. (2004), *Translation and the trials of the foreign*, Routledge, NY, USA.
16. Hermans, T. (2003), "Cross-cultural translation studies as thick translation", *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, vol. 66, iss. 3, pp. 380–389. DOI: 10.1017/S0041977X03000260.
17. Filippova, I.N. (2017), "On Some Factors of Translation Multiplicity", *RUDN J. of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 8, no. 2, pp. 241–248. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-241-248>.
18. Dostoevskii, F.M. (2024), *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment], Azbuka-Attikus, SPb., RUS.
19. Dostoyevsky, F. (2017), *Crime and Punishment*, Transl. by Garnett, C., Benediction Classics, Oxford, UK.
20. Dostoyevsky, F. (2003), *Crime and Punishment*, Transl. by McDuff, D., Penguin Books, London, UK.
21. Dostoyevsky, F. (2007), *Crime and Punishment*, Transl. by Pevear, R. and Volokhonsky, L., Vintage Books, London, UK.
22. Dal', V. (1881), *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language], vol. 2, Gostinyi dvor, SPb., RUS.
23. Dal', V. (1882), *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language], vol. 4, Gostinyi dvor, SPb., RUS.

Information about the author.

Anastasiia S. Sokolova – Applicant for the Degree of Can. Sci. (Philology), The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia. The author of 13 scientific publications. Area of expertise: comparative linguistics, theory and practice of translation, text linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 13.08.2025; adopted after review 08.11.2025; published online 20.02.2026.*

Оригинальная статья

УДК 81-23

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-139-153>

Ценность «верность/преданность» в англоязычной и арабской лингвокультурах: кросс-культурный корпусный анализ

Аль-Мисфир Мухамад Мустафа М.

*Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
Университет Аль-Кадисия, Аль-Дивани, Ирак,
moh.mustafa@qu.edu.iq, <https://orcid.org/0009-0008-3314-439X>*

Введение. Актуальность работы обусловлена интересом лингвистики к проблематике кросс-культурного описания концептуальных ценностных образований, в том числе и имеющим универсальный характер, в их ряд входят морально-этические ценности. Новизна исследования заключается в установлении культурно специфического содержания ценности «Loyalty/Devotion» в арабской и англоязычной культуре.

Методология и источники. В работе использовались методы корпусной лингвистики и интерпретативный метод дискурс-анализа. Эмпирической базой исследования послужили арабоязычный корпус Leeds Corpus of Contemporary Arabic; корпусы английского языка: COCA (Corpus of Contemporary American English); BNC1994, BNC2014 (British National Corpus), включающие тексты различных жанров. Корпусными методами была выявлена частотность употребления лексических единиц, репрезентирующих концепт, описан их коллокационный профиль, проанализированы контекстуальные значения и определена когнитивно-пропозициональная модель ценности. Интерпретация полученных результатов в контексте теории социального действия М. Вебера позволила выявить ценностные импликации, отражающие модели поведения, свойственные различным лингвокультурам.

Результаты и обсуждение. Установлено, что в английской лингвокультуре верность/преданность соотносится с целерациональным действием по Веберу, прагматически обусловлена и ориентирована на внешнюю демонстрацию приверженности, выражающуюся в определенных поступках и соблюдении институциональных правил, норм и законов. В арабской лингвокультуре, ориентированной на ценностно-рациональное действие, в основе верности/преданности лежит внутренняя мотивация и чувство долга, определяющие ценностные ориентации членов дискурсивного сообщества.

Заключение. Предложенная методика может быть использована в анализе других морально-этических ценностей в аспекте их содержания и дискурсивно-текстовой обработки, в кросс-культурном изучении ценностей с целью выявления их универсальных и специфических черт.

Ключевые слова: концепт, ценность, корпус, корпусная лингвистика, арабский язык, английский язык

Для цитирования: Аль-Мисфир Мухамад Мустафа М. Ценность «верность/преданность» в англоязычной и арабской лингвокультурах: кросс-культурный корпусный анализ // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 139–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-139-153.

© Аль-Мисфир Мухамад Мустафа М., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

The Value of “Loyalty/Devotion” in English and Arabic Linguocultures: a Cross-Cultural Corpus Analysis

Mohammed Mustafa M. Al-Misfer

Volgograd State University, Volgograd, Russia,

Al-Qadisiyah University, Al-Diwaniyah, Iraq,

moh.mustafa@qu.edu.iq, <https://orcid.org/0009-0008-3314-439X>

Introduction. The relevance of this study stems from linguistic interest in the cross-cultural description of conceptual value formations, including those of a universal nature, such as moral and ethical values. The novelty of this study lies in its identification of the culturally specific content of the value of “Loyalty/Devotion” in Arabic and English cultures.

Methodology and sources. The study utilized corpus linguistics and interpretive discourse analysis. The empirical basis for the study was the Leeds Corpus of Contemporary Arabic; the English corpora COCA (Corpus of Contemporary American English); The British National Corpus (BNC1994; BNC2014) includes texts of various genres. Corpus methods were used to identify the frequency of lexical units representing the concept, describe their collocation profile, analyze contextual meanings, and define a cognitive-propositional model of value. Interpreting the results in the context of Max Weber's theory of social action revealed value implications reflecting behavior patterns characteristic of different linguistic cultures.

Results and discussion. It was established that in English linguistic culture, devotion/loyalty is correlated with Weber's goal-oriented rationality, is pragmatically determined, and is oriented toward an external demonstration of commitment, expressed through specific actions and compliance with institutional rules, norms, and laws. In the Arabic linguistic culture, which is oriented toward value-based and rational action, loyalty/devotion is based on intrinsic motivation and a sense of duty, which determine the value orientations of members of the discourse community.

Conclusion. The proposed methodology can be used in the analysis of other moral and ethical values in terms of their content and discursive-textual processing, as well as in the cross-cultural study of values to identify their universal and specific features.

Keywords: concept, value, corpus, corpus linguistics, Arabic language, English language

For citation: Mohammed Mustafa M. Al-Misfer (2026), “The Value of “Loyalty/Devotion” in English and Arabic Linguocultures: a Cross-Cultural Corpus Analysis”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 139–153. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-139-153 (Russia).

Введение. В ценностной картине мира ведущая роль в формировании человеческих отношений и функционировании общества отводится морально-этическим концептам. Х. Куссе считает данные концепты аксиологическими ценностями, «абстрактными категориями с устойчивой положительной аксиологической модальностью, сравнению с которыми поддаются персоны, события или явления в процессе их оценивания (*X поступает справедливо/несправедливо*) [1, с. 139]. М. В. Пименова отмечает, что такие концепты, как «честь», «долг», «корысть», «подлость» и подобные, являются базовыми, составляющими фундамент языка и картины мира [2].

Морально-этические ценности неоднократно попадали в поле зрения лингвистов. В центре внимания исследователей находился регулятивный эмоциональный концепт

«стыд» как ключевая культурная универсалия, обладающая дискурсивной и жанровой спецификой [3]; концепт «честь» [4–6]; концепт «совесть» [7], концепты «добро/благо» [8], «вера/доверие» [9], «грех» [10], «долг» [11] и многие другие. Описывались понятийные признаки концептов, изучалась специфика их языковых репрезентантов, выявлялись образные и ценностные характеристики. Формирование и развитие морально-этической концептосферы в английской лингвокультуре представлено в работе И. В. Кононовой. В поле зрения исследователя находятся образующие ценностные оппозиции: концепты «слава/позор», «доблесть/трусость», «верность/неверность», «щедрость/жадность» и др. [12].

Кросс-культурный подход, основанный на сравнительном анализе ценностной составляющей концепта в различных культурах, представлен незначительным количеством работ. Рассматривались концепт «обман» в русской, английской и немецкой языковой картине мира [13]; концепт «честь» в русской и калмыцкой лингвокультурах [5], в русской и казахской культурах [14]; концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой культурах [15] и др.

Существует заметный пробел в исследованиях, посвященных установлению лингвокультурных характеристик морально-этических концептуальных образований, в частности «верности/преданности», которая является одним из морально-этических концептов. Понятие верности привлекало внимание исследователей в различных дисциплинах – от философии до лингвистики. Философские исследования верности традиционно рассматривают ее роль в системе моральных категорий и этического поведения. Например, А. Макинтайр определяет верность как добродетель, необходимую для поддержания общественных практик и моральной целостности общества [16]. В таких контекстах верность связана не только с личной лояльностью, но и с более широкими понятиями идентичности, этики и ответственности. Несмотря на то, что философские подходы обеспечивают фундаментальное понимание ценности, они не рассматривают, как верность концептуализируется в языке, представляется в словарях, осмысливается в различных типах дискурса. Особенно важным представляется изучение ценности в кросс-культурном аспекте, поскольку это имеет практическое значение для теории межкультурной коммуникации и переводоведения.

В лингвистическом плане на материале английского языка концепт «верность/преданность» изучался в исследовании Ю. А. Купцовой. Автор выделяет сферы проявления преданности: личностная, профессиональная, политическая и религиозная, рассматривает аксиогенные ситуации преданности, в которых действительное положение дел соответствует этической норме [17]. Основопологающим для данной работы является тезис о том, что, несмотря на универсальный характер ценности, ее лексическое воплощение и интерпретация в различных лингвокультурах могут не совпадать, особенно если речь идет о лингвистически и культурно различных языковых системах.

Работа направлена на построение когнитивно-пропозициональной модели понятия преданности/верности в арабском и английском языках, выявление культурно обусловленной специфики концепта на основе применения как теоретических, так и эмпирических методов.

Цель данной работы – построить когнитивно-пропозициональную модель, установить содержательные и образно-сочетаемые признаки морально-этической ценности «верность/преданность» в английской и арабской культурах и на основе сопоставительного анализа выявить лингвокультурную специфику ее осмысления и восприятия в английской и арабской культурах.

Методология и источники. Методологической основой изучения понятия верности в арабском и английском языках являются лексическая семантика, теория концептуальной метафоры, кросс-культурная прагматика и когнитивная лингвистика. Каждая из этих областей способствует более глубокому пониманию того, как значения формируются, интерпретируются и как культурно обусловлены в языке.

Лексическая семантика, изучающая значения слов и их взаимосвязи с другими лексическими единицами, фокусируется на том, как значения слов структурированы внутри лексикона языка и как они организованы в более широкие семантические поля. Это включает исследование таких явлений, как полисемия (множественные значения одного слова), синонимия, гипонимия и антонимия. В контексте данного исследования лексическая семантика помогает картографировать семантическое поле преданности/верности и его арабских эквивалентов – الأمانة و الوفاء, الإخلاص. Арабские лексические единицы часто переводятся на английский как *fidelity*, *loyalty* или *faithfulness*, но они имеют различные семантические оттенки, формируемые культурно обусловленными ожиданиями. Лексико-семантический анализ позволяет выявить эти нюансы и соответствующие коннотации в различных контекстах употребления [18]. М. Мёрфи и Дж. Лайонс указывают, что такие слова часто существуют внутри сложных лексических сетей, где их значения зависят от культуры и контекста [19; 20]. Однако работы, посвященные их изучению, в основном сосредоточены на семантике английского языка и мало освещают, как подобные термины определяются, различаются или оцениваются в других языковых традициях, например таких, как арабская. Используя метод сравнения словарных дефиниций, методологию корпусного анализа, нацеленного на изучение collocational profile лексем, репрезентирующих ценность, мы стремимся раскрыть, как концепт верности/преданности кодируется и осмысливается в обеих языковых системах.

Актуальными для данной работы являются труды А. Вежбицкой, Ю. Найды и М. Бейкер, которые подчеркивают сложности передачи и перевода культурно нагруженных понятий. А. Вежбицка утверждает, что моральные и эмоциональные концепты глубоко встроены в культурные сценарии, что не позволяет переводить их дословно [21]. Подход Natural Semantic Metalanguage (NSM), предложенный А. Вежбицкой, направлен на выявление универсальных семантических примитивов при учете культурных различий. Ю. Найда также подчеркивает важность динамической эквивалентности в переводе, утверждая, что языковая точность должна быть уравновешена культурной релевантностью, особенно при работе с абстрактными или моральными понятиями, такими как «верность» [22].

Особую роль в лингвокультурных исследованиях играет кросс-культурная прагматика (Cross-cultural pragmatics), которая изучает, как использование языка варьируется между культурами, в частности в аспектах использования речевых актов (например, обещаний, просьб), стратегий вежливости и др. [23]. «Верность/преданность» как морально и социально нагруженный термин часто встречается в перформативных высказываниях: брачных клятвах, клятвах верности, религиозных заявлениях и публичных актах выражения доверия.

Несмотря на успехи в билингвальной и мультилингвальной лексикографии, ощущается недостаток сравнительных исследований того, как универсальные моральные концепты, такие как «верность», трактуются в крупных словарях. Хотя арабские и английские словари содер-

жат статьи о лексических единицах *fidelity*, *loyalty* и их арабских эквивалентах (الوفاء, الإخلاص, الأمانة), они существенно различаются в определениях, примерах и примечаниях к употреблению. Так, Аль-Джалад подчеркивает историческую и религиозную глубину арабской моральной лексики, часто укорененной в кораническом языке и классической арабской риторике [24]. В английской лексикографии, напротив, определения лексем с семантикой верности/преданности имеют светский характер, приводятся институциональные (юридические, экономические, политические), а также технологические контексты их употребления. Эти различия говорят о том, что лексикографическое сравнение может выявить не только содержательные, но и оценочные, эмоциональные и идеологические расхождения в понимании ценности.

Методологически важной для данной работы является теория социального действия М. Вебера, которая рассматривает ценности как поведенческие ориентиры в оппозиционном отношении к целям [25]. Выделяя аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целерациональное действия, М. Вебер указывает особенностью ценностно-рационального действия то, что оно осуществляется на основании определенных ценностных установок, т. е. для действующего лица первостепенное значение имеют его собственные ценности, определяющие его поступки. Целерациональным является действие, не зависящее от ценностных убеждений и ориентированное исключительно на конечный желаемый результат. Как отмечает Х. Куссе, «изучение ценностей позволяет реконструировать нормы, проследить их появление, установление и развитие в разных культурах и эпохах, а также в соответствующих им дискурсах» [1, с. 141]. Используя данный системный подход, можно определить ценностно- и целерациональную ориентацию морально-этических ценностей в определенный момент времени и в определенных дискурсах, сделать выводы о том, какие типы действий преобладают в тех или иных дискурсах и в тех или иных культурах.

Данное исследование заполняет эти пробелы, предлагая сравнительный лингвокультурный анализ понятия «верность» в арабской и английской лингвокультурах. Таким образом, оно вносит вклад в развитие лингвоконцептологии, лексикографии, переводоведения и межкультурной семантики, предлагая практические рекомендации для переводчиков, преподавателей и исследователей.

Исследование опирается на смешанную исследовательскую методiku, сочетающую как качественные, так и количественные подходы для комплексного семантического анализа понятия «верность» в арабском и английском языках. Учитывая сложность верности как моральной, эмоциональной и культурной категории, необходим многоаспектный методологический подход, чтобы охватить как глубину, так и широту ее лингвистического представления. Методологическая структура исследования основана на трех ключевых опорах: лексикографическом сопоставлении, корпусном анализе и оценке культурных сценариев в рамках теории социального действия М. Вебера. Эти процедуры позволяют получить как описательные, так и интерпретативные выводы об употреблении, значении и межкультурной эквивалентности понятия «верность» в двух языках.

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе проводился сравнительный анализ лексических единиц, зафиксированных в авторитетных одноязычных словарях арабского и английского языков. Эти словари содержат определения, отражающие понятийные признаки концепта, примеры контекстуальных употреблений и этимологическую ин-

формацию о лексических единицах с семантикой «верности/преданности». Арабские данные получены из следующих источников:

– طيسولامج عم (Al-Mu‘jam al-Wasīṭ), изданный Академией арабского языка в Каире, содержащий современные и доступные определения слов [26];

– لسان العرب (Lisān al-‘Arab) Ибн Манзура – классический лексикон, иллюстрированный историческими, кораническими и поэтическими цитатами [27];

– المعجم المفهرس لألفاظ القرآن الكريم (Concordance of Quranic Terms) – определяет религиозные значения моральных терминов, таких как الوفاء (лояльность) والإخلاص (искренность) [28].

Английские лексикографические источники представлены Oxford English Dictionary (OED) [29] – известен глубиной исторических данных и подробной этимологией; Merriam-Webster On-line Dictionary [30] – отражает нормы американского английского; Cambridge English Dictionary [31] и Collins Dictionary [32] – предлагают современные, удобные для изучающих языки определения и примеры употребления. Эти источники служат лексикографической базой для анализа того, как концепт «верность\преданность» концептуализируется, репрезентируется и определяется в разных языковых традициях.

На следующем этапе изучалось использование языковых репрезентантов концепта в естественном языковом контексте, в исследовании применялось несколько масштабных корпусов для обоих языков. Leeds Corpus of Contemporary Arabic (LCCA) [33], разработанный Университетом Лидса, представляет собой обширную базу текстов на современном стандартном арабском языке, включающую разнообразные жанры, такие как медиа, литература и религиозный дискурс.

Корпус английского языка COCA (Corpus of Contemporary American English) [34] содержит более одного миллиарда слов из устных, художественных, журнальных, газетных и академических текстов. BNC (British National Corpus) [35], BNC2014 (British National Corpus) [36] предлагают сбалансированные данные по британскому английскому из разных жанров и временных периодов. Эти корпуса позволяют выявить частотность употребления лексических единиц, репрезентирующих концепт, установить модели их употребления и коллокационный профиль, установить контекстуальные значения лексических единиц, репрезентирующих концепт «верность/преданность» в реальной коммуникации.

Первый этап анализа включает в себя определение семантического поля, связанного с понятием «верность/преданность» как в арабском, так и в английском языках. В английском языке данное поле включает лексические единицы с аналогичными или пересекающимися значениями, такими как «loyalty», «faithfulness», «trust», «sincerity» и «devotion». В арабском языке такие термины, как الإخلاص, الوفاء, والأمانة, рассматриваются не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом и с центральным понятием «верность».

Этот метод позволяет:

- установить содержательные признаки концепта;
- зафиксировать контекстуальные коннотации;
- установить различия в стиле и регистре (например, формальное vs неформальное употребление).

С использованием компьютерного функционала корпусов COCA, BNC, BNC2014, LCCA проводится анализ частотности использования репрезентантов концепта, анализируются

контексты их употребления и определяется жанровая принадлежность текстов, содержащих ценность: коллокационный анализ позволяет определить коллокаты, которые часто встречаются в окружении репрезентантов ценности. Анализ конкордансов дает возможность выявить семантические и прагматические закономерности. Этот количественный компонент поддерживает качественные результаты лексикографического сравнения и предоставляет доказательства культурных и языковых тенденций. Контрастивный подход применяется для сравнения употребления терминов, связанных с верностью, в аналогичных жанрах дискурса в обоих языках.

Результаты и обсуждение. В английском языке синонимический ряд, актуализирующий семантику «верности/преданности», включает следующие единицы: *loyalty*, *fidelity*, *dedication*, *devotion*, *devotedness*, *faith*, *faithfulness*.

Рассмотрим словарные дефиниции, которые позволяют провести моделирование когнитивно-пропозициональной структуры концепта и выделить его понятийные признаки. В английских словарях *fidelity* определяется преимущественно как «верность», «преданность» и «точность». Например, Oxford English Dictionary определяет *loyalty* как «faithful adherence to one's promise, oath, word» [29]; *fidelity* – «преданность человеку, делу или убеждению, проявляющаяся в постоянной лояльности и поддержке», а также как «степень точности, с которой что-то копируется или воспроизводится»; *fidelity* – «the state of being faithful, faithfulness» [29].

Словарь Merriam-Webster определяет *fidelity* как «the quality or state of being faithful» [30]; *dedication* – «self-sacrificing devotion and loyalty» [30], *devotedness* – «characterized by loyalty and devotion» [30], *devotion* – «the fact or state of being ardently dedicated and loyal» [30], *faith* – «allegiance to duty or a person; belief and trust in and loyalty to God, fidelity to one's promises»; «sincerity of intentions» [30]; *faithfulness* – «steadfastness in affection or allegiance, firmness in adherence to promises or in observance of duty» [30].

Cambridge English Dictionary акцентирует выполнение обещаний и обязательств – «the state of remaining loyal to someone and keeping the promises you made to that person» [31]. Словари Merriam-Webster и Cambridge English Dictionary аналогично акцентируют внимание на объектах преданности/верности: «firm in adherence to promises or in observance of duty», на личной верности: «honest or lasting support, or loyalty, especially to a sexual partner» (например, «marital fidelity» – «супружеская верность») и на качестве воспроизведения звука, например аудиосистемами («high-fidelity audiosystems»). В деловом дискурсе понятие трактуется как лояльность к компании – «loyalty to a person or organization», выражающаяся в покупке ее товаров или услуг: «fidelity card scheme» (программы лояльности).

Collins Dictionary определяет *fidelity* как «loyalty to a person, organization, or set of beliefs» [32]; *loyalty* – как «the quality of staying firm in your friendship or support for someone or something»; «an obligation of support and faithfulness to a person, government, cause, duty» [32]. Лексема *faithful* определяется как «someone who is faithful to a person, organization, idea, or activity remains firm in their belief in them or support for them» [32]; существительное *dedication* – как «complete and wholehearted devotion, esp to a career, ideal, etc» [32].

Таким образом, когнитивно-пропозициональная модель концепта включает следующие смысловые конструкторы: субъекты преданности/верности (кто кому предан), объекты

преданности/верности (кто чему/кому предан), атрибутивные характеристики субъектов (идеологическая позиция субъектов сотрудничества, пространственная локализация субъектов сотрудничества, т. е. их география), атрибутивные характеристики совместного действия (сферы сотрудничества); вознаграждение за верность/преданность, наказание за нарушение верности.

Денонативная область семантики охватывает в качестве субъектов верности/преданности социальные группы, коллективы, организации, людей, которые объединены одинаковыми целями или интересами (лексический план представляют имена нарицательные: собирательные существительные, обозначающие партии, спортивные команды, неформальные объединения): *employee loyalty, customer loyalty, fan loyalty* и др.

Коллокации показывают, что верность многомерна и проявляется по отношению к различным группам людей и институтов: *country, family, filial, group, company, brand, personal*; она может определяться пространственными атрибутами *local, national, regional*; сферами сотрудничества *religious, political; brand, customer*.

Объектом верности/преданности может быть страна (*country*), семья (*family*), закон (*law*), партия (*party*), муж/жена (*wife/husband*): «Why don't they show more loyalty to this country?» [35]. В следующем фрагменте рассуждения о морали в современном мире характеризуют ее как культурно обусловленное явление и личный выбор, а не как незыблемые понятия верности верховному закону, долгу и обязанностям: «Making a moral case for peace can be confusing, even controversial; ask any church or mosque leader. For many people, it seems, morality is a dirty word these days. It's fungible, negotiable and emotive – a matter primarily of individual choice and cultural belonging, not of duty, obligation or fidelity to a higher law» [36].

В число коллокатов входят существительные *reward, rewards, bonuses*, что передает идею о том, что верность/преданность должна быть вознаграждена: «The Group recognises the importance of its employees in achieving its objectives and has contractual arrangements in place to encourage and reward loyalty and to safeguard the interests of the Group. Employees are provided with information about the Group's activities via the Employee Consultative Committee, other staff meetings and staff notice boards» [34]. В то же время верность не всегда оценивается по достоинству: «The Southampton centre-half has just 18 months left on his contract and turned down a move to Everton last summer. He expected his loyalty to be rewarded with an improved deal. But instead the Portugal defender, 32, has been told he can leave if the right offer comes in» [34]. В текстовом фрагменте демонстрация лояльности футбольного игрока клубу не приводит к желаемому результату, т. е. не вознаграждается. Преданность может быть основана на материальной заинтересованности и противопоставляться религиозной верности: «...gobes and the white beard. Our Father bestrode the aisle like a cross between the late Archbishop Makarios and Billy Graham. Our Father's mother, an old woman with a luminous face, sat across the aisle from us. She seemed to have come on the retreat more out of material loyalty than religious devotion. She saw us as allies and babbled to us in a mixture of French and Arabic throughout the hymns, then sighed loudly and looked out of the window as the prayers droned on» [35].

В английской лингвокультуре верность сопряжена с такими нравственными качествами человека, как любовь, уважение, храбрость, толерантность, дружба, солидарность, дисциплина, подчинение (*authority, purity, love, respect, courage, tolerance, friendship, solidarity,*

discipline, obedience). Верность регулируется неписаными правилами (*unwritten rules*) и тесно ассоциируется с патриотизмом: «...though we may say it can be criticised, that it may have dangers about it and it may have its faults, yet we recognise that it is a very admirable system ... It creates and engenders high qualities among the boys, it engenders loyalty and patriotism and truthfulness and independence. We do not believe that any other system can so well create these faculties among boys Sir Richard Jebb, speaking at the dedication of Charterhouse School's memorial transept, was equally keen to extol the formative qualities of a public school education» [35].

Анализ коллокационного профиля лексем, номинирующих концепт, показал, что атрибутами лексемы *loyalty* выступают прилагательные, выражающие степень проявления верности, такие как *absolute, complete, total, undivided, unswerving*, например: «He showed unswerving loyalty to his friends; You may count on my complete loyalty»; прилагательные, выражающие интенсивность проявления морального качества, такие как *fierce, great, intense, strong, tremendous*, например: «conflicting, divided Rows with one's in-laws often create divided loyalties» [35]; приоритетность в выражении верности, такие как *primary, prime*, например: «His prime loyalty was to his family» [35].

В английском языке осуждается *blind loyalty* («слепая преданность»), т. е. безоговорочная преданность человеку, группе или идеологии, не подвергающая сомнению их мотивы, действия и убеждения. Такой тип поведения рассматривается как опасный и деструктивный, который может побудить человека действовать вопреки собственным интересам и ценностям, часто с катастрофическими последствиями. В английской лингвокультуре осуждаются те, кто проявляют непоколебимую приверженность выбранному лидеру, союзнику или группе, не проявляют критического мышления и не способны самостоятельно принимать решения. В обществе важно всегда подвергать сомнению авторитеты, мыслить критически и принимать решения, основываясь на собственных ценностях и принципах, а не слепо следовать желаниям других. Так, реагируя на общественный резонанс после гибели солдат шотландского полка «Black Watch» в Ираке в результате атаки террориста-смертника, премьер-министр Великобритании Тони Блэр, говоря о союзе с США и оправдывая отправку своих военных в эту страну на смену американским войскам, заявил: «I do not feel we have been acting out of blind loyalty or out of compulsion as an ally» [36]. Политик отрицает тот факт, что власти страны подчиняются политике другого государства, не имея права выбора и возможности самостоятельно принять решение.

В западной культуре проявление верности, выражающейся в соблюдении институциональных соглашений, считается нормой, отклонения от которой нарушают общественный порядок и осуждаются: «A clear message of support for many of the agreements made in the European Councils must go out from this Parliament, together with criticism and condemnation of those Heads of Government who are failing to show due loyalty to the institutional agreements, hence conveying confusion and insecurity to the public» [37].

В арабских лексикографических источниках подчеркивается моральное и духовное измерение концепта. Такие термины, как *الوفاء (al-wafāʾ)*, определяются не только как верность или соблюдение обещаний, но и как выполнение обязанностей, основанных на нравственной целостности и чести.

الإخلاص (al-ikhhlās) означает *sincere devotion, loyal attachment, sincere affection, sincerity, frankness, candor, loyalty, faithfulness, fidelity, allegiance*. Лексема несет в себе коннотацию

Ценность «верность/преданность» в англоязычной и арабской лингвокультурах: кросс-культурный... 147
The Value of "Loyalty/Devotion" in English and Arabic Linguocultures: a Cross-Cultural Corpus Analysis

искренности и преданности, часто употребляется в религиозных контекстах и указывает на чистоту намерений перед Богом. Например: وَلَيْكُمُ اللَّهُ دِينُهُمْ وَأَخْلَصُوا بِاللَّهِ وَاعْتَصَمُوا وَأَصْلَحُوا تَابُوا الَّذِينَ لَا عَظِيمًا أَجْرًا الْمُؤْمِنِينَ اللَّهُ يُؤْتِ وَسَوْفَ الْمُؤْمِنِينَ مَعَ «Will ye dispute with us about Allah, seeing that He is our Lord and your Lord; that we are responsible for our doings and ye for yours; and that We are sincere (in our faith) in Him?»

Арабская лексема الإخلاص (ikhlāṣ) вызывает ассоциации с чистотой, покорностью и внутренней искренностью. В арабской лингвокультуре верность связана с оценкой таких нравственных качеств человека, как честность, искренность, уверенность. Лексема الأمانة (al-amānah) – *reliability, trustworthiness; loyalty, faithfulness, fidelity, fealty; integrity, honesty; confidence, trust, good faith; deposition in trust; trusteeship*, означает надежность и ответственность, подчеркивая социальные и этические обязательства [38]. Например: على ع ثبني فثلا ة عرسب امر ي مدت من كمي ع ادخل ان كل ة – «Доверие основано на честности, но обман может быстро его разрушить».

Данные показывают, что если в английском языке понятийные признаки концепта «верность/преданность» более дифференцированы и контекстно обусловлены, то в понятийной структуре концепта в арабском языке понятийные признаки объединяют личностные, духовные и общественные ценности, а в понимании верности преобладают религиозные и моральные аспекты.

В арабских корпусах [39], напротив, анализ коллокаций терминов الإخلاص, الوفاء, والأمانة показал, что они часто употребляются в религиозных, моральных и общественных контекстах:

- الإخلاص لله هو جوهر العبادة («Искренность перед Богом – суть поклонения»);
- الوفاء بالعهد من صفات المؤمن («Соблюдение завета – качество верующего»);
- الأمانة في العمل تعكس صدق النية («Надежность в работе отражает искренность намерения»).

Анализ частотности также показал, что арабские тексты чаще используют термины, связанные с верностью, в духовных и этических дискурсах, тогда как в английских текстах преобладают политические, экономические или публицистические контексты. Это отражает влияние традиционных ценностей на формирование концепта верности в арабском языке. В арабском подобные выражения глубоко укоренены в религиозных и общественных актах речи, часто сопровождаемых призывом к Богу как свидетелю преданности (например: أعاهدك أمام الله – «Я клянусь тебе перед Аллахом»).

Эти различия подчеркивают, что в аспекте межкультурной прагматики различаются речевые акты, выражающие верность/преданность (клятвы, обещания). В английском языке верность воспринимается как личное или контрактное обязательство, тогда как в арабском – как обязанность, подкрепленная религиозными и общественными ожиданиями.

Таким образом, результаты исследования показывают, что верность – это культурно опосредованный концепт, значение и употребление которого значительно различаются в английском и арабском языках. Хотя обе языковые системы разделяют основную идею преданности и лояльности, их семантические поля не совпадают: английская лингвокультура акцентирует внимание на индивидуальных обязательствах (например, супружеская или юридическая верность). В арабской лингвокультуре интегрируются религиозная преданность, общественное доверие и моральная добропорядочность как неотъемлемые составляющие верности.

Это расхождение можно объяснить различиями в культурных и религиозных основаниях. Арабский язык находится под значительным влиянием исламских ценностей, где верность тесно связана с духовной искренностью (الإخلاص). Английский язык, напротив, отражает западные светские традиции, в которых верность часто представлена в юридических, деловых или политических контекстах.

Заключение. Исследование показало, что понятие «верности/преданности», которое считается универсальной моральной ценностью, носит абстрактный характер и относится к морально-этическим категориям, регулирующим социальное поведение личности, лингвистически и культурно обусловлено в арабском и английском языках. В структуре ценности выделяется три значимых взаимосвязанных составляющих. Во-первых, понятие «верности/преданности» связано с моральным сознанием и внутренней самооценкой. В этом отношении верность составляет неотъемлемую часть личности, является отрефлексированным в процессе социализации чувством собственной значимости, собственного достоинства. Во-вторых, верность выступает как нормативно-этическая социальная категория, определяющая принятые правила поведения человека в обществе, соответствующие исторически сложившимся представлениям о долге, обязанности, морали, способности поставить интересы общества выше личных. В этом отношении представление о верности распространяется на определенные социальные группы: верность стране, верность политической партии, верность религии.

Основные отличия верности в английской и арабской культурах сводятся к следующему. Установлено, что в английском языке представление о верности акцентирует индивидуальную лояльность, договорные обязательства и технологическую точность. В английской лингвокультуре верность проявляется в поступках и трактуется как следование правилам, соблюдение договоренностей и соглашений, выполнение обязательств и договоров, что отражает легитимную сущность верности и ее институциональный характер. Важная роль отводится обязанностям и долгу перед коллективом, компанией или страной. Проявление верности выражается в поведении, соответствующем общественным нормам и правилам, требованиям социальных институтов. В обществе приветствуется рациональная оценка при демонстрации лояльности/преданности, осуждается некритичное подчинение лидерам, союзникам. Таким образом, в английской лингвокультуре преобладают целерациональные действия по М. Веберу, ориентированные на конечный результат, для нее характерна рациональная оценка верности. Восприятие верности/преданности прагматично и в целом не связано с их эмоциональным переживанием.

В арабской лингвокультуре верность глубоко укоренена в традициях и эмоциональной сфере. Подлинная верность оценивается преимущественно через внутренние чувства и переживания, а также личную готовность следовать своему выбору независимо от ситуации, руководствуясь своими чувствами и убеждениями, считая такие качества важнейшими признаками личности. В основе поведения членов арабского социума лежит ценностно-рациональное действие по М. Веберу, предполагающее сознательную ориентацию на высшие идеалы, эмоциональное переживание ценности, основанное на чувстве долга и религиозных убеждениях, не предполагающих утилитарной выгоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика / пер. с нем. М. Новоселовой. М.: Гнозис, 2022.
2. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КемГУ, 2006. С. 16–61.
3. Цуй Х. Специфика языковой репрезентации эмоционального концепта «Стыд» в интернет-коммуникации (на материале речевого жанра интернет-откровения): автореф. дис. ... канд. филол. наук / ТГУ. Томск, 2025.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
5. Слышкин Г. Г. «Честь» // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты / Т. С. Есенова, В. И. Карасик, Ж. Н. Сарангаева и др. Элиста: КалмГУ, 2009. С. 41–47.
6. Юрина Е. А. Концепт «честь» как аксиологический феномен и его образная репрезентация в русском языке // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф., УрФУ, 15–17 окт. 2019 г. / Екатеринбург: ИД «Ажур», 2019. С. 282–284.
7. Маркевич Ю. В. Лингвокультурный смысл «Совесть» (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / КубГУ. Краснодар, 2020.
8. Сафонова Н. В. Ментальная и языковая репрезентация концепта добро/зло в русском языковом сознании: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / ТГУ им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2004.
9. Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в различных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018.
10. Семухина Е. А. Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СГУ. Саратов, 2008.
11. Бочкарев А. Е. О чувстве долга как лингвоспецифичном концепте (в фокусе Национального корпуса русского языка) // Вестн. СПбГУ. Язык и литература. 2019. Т. 16, вып. 1. С. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.102>.
12. Кононова И. В. Структура и языковая репрезентация британской морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. ... дис. д-ра филол. наук / РГПУ им А. И. Герцена. СПб., 2010.
13. Федюнина И. Э. Концепт «обман» в русской, английской и немецкой языковых картинах мира, репрезентируемых фразеологизмами: автореф. ... дис. канд. филол. наук / БелГУ. Белгород, 2009.
14. Кажигалиева Г. А. Концепт «честь»: отражение национального характера и культуры в русских и казахских пословицах // Вестн. КазНУ. Серия филологическая. 2012. № 5–6 (139–140). С. 55–59.
15. Дженкова Е. А. Концепты «Стыд» и «Вина» в русской и немецкой лингвокультурах: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2005.
16. MacIntyre A. *After Virtue*. Univ. of Notre Dame Press, 1981.
17. Купцова Ю. А. Этический концепт преданность: актуализация в речи // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2012. № 24 (143), вып. 16. С. 74–80.
18. Cruse D. A. *Lexical semantics*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.
19. Lyons J. *Linguistic semantics: An introduction*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
20. Murphy M. L. *Lexical meaning*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
21. Wierzbicka A. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. NY: Oxford Univ. Press, 1997.
22. Nida E. A. *Toward a science of translating: With special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Leiden: E. J. Brill, 1964.
23. Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin; NY: Mouton de Gruyter, 1991.
24. Al-Jallad A. *An outline of Arabic lexicography*. Leiden: E. J. Brill, 2014.

25. Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
26. Al-Mu'jam al-Wasit (مجموعه) // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/al-mujam-al-wasit/page/n145/mode/2up> (дата обращения: 04.09.2025).
27. Ibn Manr, Muammad ibn Mukarram. Lisan al-'Arab. Bullag Misr al-Matb'ah al-Kubra al-'Amiriyah, 1883 // Internet Archive. URL: <https://archive.org/details/lisanalarab09ibnmuoft> (дата обращения: 05.09.2025).
28. Concordance of Quaranic terms. URL: <https://corpus.quran.com/login.jsp> (дата обращения: 10.08.2025).
29. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (дата обращения: 10.08.2025).
30. Merriam-Webster On-line Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 10.08.2025).
31. Cambridge English Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.08.2025).
32. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 10.08.2025).
33. Leeds Corpus of Contemporary Arabic. URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/ccaleedsv2> (дата обращения: 15.08.2025).
34. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 10.08.2025).
35. BNC – British National Corpus. URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения: 15.08.2025).
36. BNC2014 – British National Corpus. URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения: 10.08.2025).
37. Europarl 3: English. URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения: 10.08.2025).
38. Ibn Manẓūr. Lisān al-'Arab. Beirut: Dār ṣādir, 1984.
39. The Quaranic Arabic Corpus. URL: <https://corpus.quran.com/wordbyword.jsp> (дата обращения: 15.08.2025).

Информация об авторе.

Аль-Мисфир Мухамад Мустафа М. – аспирант кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета, Университетский пр., д. 100, Волгоград, 400062, Россия; преподаватель кафедры английского языка Педагогического колледжа университета Аль-Кадисия, ул. Джамеаа, д. 1, 85001, г. Аль-Дивании, Ирак. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвокультурология, стилистика, дискурс, корпусная лингвистика.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 11.11.2025; принята после рецензирования 26.11.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Kuße, H. (2022), *Kulturwissenschaftliche Linguistik*, Transl. by Novoselova, M., Gnozis, Moscow, RUS.
2. Pimenova, M.V. (2006), "Problems of cognitive linguistics and conceptual research at the present stage", *Mental'nost' i yazyk* [Mentality and language], Pimenova, M.V. (ed.), KemSU, Kemerovo, RUS, pp. 16–61.
3. Tsui, Kh. (2025), "The specificity of the linguistic representation of the emotional concept of "Shame" in Internet communication (based on the material of the Internet revelation speech genre)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, TSU, Tomsk, RUS.
4. Karasik, V.I. (2007), *Yazykovye klyuchi* [Language keys], Paradigma, Volgograd, RUS.
5. Slyshkin, G.G. (2009), "Honor", *Kalmytskie i russkie lingvokul'turnye kontsepty* [Kalmyk and Russian linguistic and cultural concepts], Yesenova, T.S., Karasik, V.I., Sarangaeva, Zh.N. et al., KalmSU, Ehlista, RUS, pp. 41–47.

6. Yurina, E.A. (2019), "The concept of "honor" as an axiological phenomenon and its figurative representation in the Russian language", *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy* [Axiological aspects of modern philological research], *Int. Sci. Conf.*, UrFU, Ekaterinburg, RUS, 15–17 Oct. 2019, pp. 282–284.

7. Markevich, Yu.V. (2020), "Linguistic and cultural meaning of "Conscience" (based on the material of Russian and French languages)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, KubSU, Krasnodar, RUS.

8. Safonova, N.V. (2004), "Mental and linguistic representation of the concept of good/evil in the Russian linguistic consciousness", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, TSU named after G.R. Derzhavin, Tambov, RUS.

9. Arutyunova, N.D. and Kovshova, M.L. (eds.) (2018), *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya. Logicheskii analiz yazyka. Ponyatie very v razlichnykh yazykakh i kul'turakh* [Linguistic and cultural studies. Logical analysis of language. The concept of faith in various languages and cultures], Gnosis, Moscow, RUS.

10. Semukhina, E.A. (2008), "The concept of "sin" in national linguistic pictures of the world", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SSU, Saratov, RUS.

11. Bochkarev, A.E. (2019), "On the sense of duty as a language-specific concept (in the focus of the National Russian Corpus)", *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Language and Literature*, vol. 16, iss. 1, pp. 20–32. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.102>.

12. Kononova, I.V. (2010), "The structure and linguistic representation of the British moral and ethical conceptsphere (in synchrony and diachrony)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, Herzen Univ., SPb., RUS.

13. Fedyunina, I.E. (2009), "The concept of "deception" in Russian, English and German linguistic worldviews represented by phraseological units", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, BelSU, Belgorod, RUS.

14. Kazhigalieva, G.A. (2012), "The concept of "honor": a reflection of the national character and culture in the Russian and Kazakh proverbs", *Bulletin KazNU. Filology series*, no. 5–6 (139–140), pp. 55–59.

15. Jenkova, E.A. (2005), "Concepts of "Shame" and "Guilt" in Russian and German linguistic cultures", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, VSPU, Volgograd, RUS.

16. MacIntyre, A. (1981), *After Virtue*, Univ. of Notre Dame Press, Notre Dame, USA.

17. Kuptsova, Y.A. (2012), "The Ethical (Moral) Concept "Devotion": Actualization in the Speech (on the English Language Material)", *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Gumanitarnye nauki*, no. 24 (143), iss. 16, pp. 74–80.

18. Cruse, D.A. (1986), *Lexical semantics*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

19. Lyons, J. (1995), *Linguistic semantics: An introduction*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

20. Murphy, M.L. (2010), *Lexical meaning*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.

21. Wierzbicka, A. (1997), *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*, Oxford Univ. Press, NY, USA.

22. Nida, E.A. (1964), *Toward a science of translating: With special reference to principles and procedures involved in Bible translating*, E. J. Brill, Leiden, NDL.

23. Wierzbicka, A. (1991), *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*, Mouton de Gruyter, Berlin, NY, USA.

24. Al-Jallad, A. (2014), *An outline of Arabic lexicography*, E. J. Brill, Leiden, NDL.

25. Weber, M. (1990), "Basic sociological concepts", Transl. by Levina, M.I., *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], Progress, Moscow, USSR, pp. 602–643.

26. Al-Mu'jam al-Wasit (المجمل الوسيط), *Internet Archive*, available at: <https://archive.org/details/al-mujam-al-wasit/page/n145/mode/2up> (accessed 04.09.2025).

27. Ibn Manr, Muammad ibn Mukarram (1883), *Lisan al-'Arab*, Bullag Misr al-Matb'ah al-Kubra al-'Amiriyah, *Internet Archive*, available at: <https://archive.org/details/lisanalarab09ibnmuoft> (accessed 05.09.2025).

28. *Concordance of Quaranic terms*, available at: <https://corpus.quran.com/login.jsp> (accessed 10.08.2025).
29. *Oxford English Dictionary*, available at: <https://www.oed.com> (accessed 10.08.2025).
30. *Merriam-Webster On-line Dictionary*, available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 10.08.2025).
31. *Cambridge English Dictionary*, available at: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 10.08.2025).
32. *Collins Dictionary*, available at: <https://www.collinsdictionary.com> (accessed 10.08.2025).
33. *Leeds Corpus of Contemporary Arabic*, available at: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/ccaleedsv2> (accessed 15.08.2025).
34. *Corpus of Contemporary American English*, available at: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 10.08.2025).
35. *BNC – British National Corpus*, available at: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (accessed 15.08.2025).
36. *BNC2014 – British National Corpus*, available at: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (accessed 10.08.2025).
37. *Europarl 3: English*, available at: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (accessed 10.08.2025).
38. Ibn Manzūr (1984), *Lisān al-‘Arab*, Dār ṣādir, Beirut, LBN.
39. *The Quaranic Arabic Corpus*, available at: <https://corpus.quran.com/wordbyword.jsp> (accessed 15.08.2025).

Information about the author.

Mohammed Mustafa M. Al-Misfer – Postgraduate at the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, Volgograd State University, 100 Universitetskiy ave., Volgograd 400062, Russia; Lecturer at the Department of English Language, College of Education, Al-Qadisiyah University, 1 Jameaa str., 85001, Al-Diwaniyah, Iraq. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: linguoculturology, stylistics, discourse, corpus linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 11.11.2025; adopted after review 26.11.2025; published online 20.02.2026.*

Обзорная статья

УДК 81

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-154-169>

Научный дискурс: обзор исследований в зарубежной лингвистике

Марина Юрьевна Миронова

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>*

Введение. В статье представлен обобщенный обзор зарубежной научной литературы, посвященной исследованию научного дискурса. Актуальность аналитического обзора объясняется возрастающим вниманием к дискурсу не только как системе с устойчивыми характеристиками, но и как к динамическому процессу, подверженному изменениям под воздействием внешних факторов. Цель работы заключается в представлении основных направлений и концепций прикладной лингвистики, исследующей научный дискурс, установлении лакун в существующих исследованиях и обозначении перспектив дальнейшего изучения.

Методология и источники. В работе проанализировано содержание зарубежных научных публикаций, посвященных изучению научного дискурса. Источниками служат рецензируемые журналы и академические базы данных. Методология опирается на систематизацию и сравнительный анализ различных лингвистических концепций и теоретических подходов.

Результаты и обсуждение. Обзор показал, что несмотря на существующий широкий корпус исследований научного дискурса, эволюция научной коммуникации остается недостаточно изученной. Делается вывод, что среди работ, посвященных исследованию научного дискурса, преобладают труды, которые либо фокусируются на анализе дискурсивных особенностей научного общения в синхронном срезе, либо акцентируют узко ограниченный временной интервал. Однако для понимания того, как научная коммуникация адаптируется к новым требованиям и обстоятельствам, представляется важным учитывать не только статические характеристики, но и процессы эволюции. В этой связи изучение научного дискурса в его динамическом развитии приобретает особую значимость и новизну.

Заключение. Аналитический обзор открывает новые перспективы для изучения научного дискурса через призму динамического подхода. Исследование научного дискурса в историческом ракурсе представляется ценным для выявления ключевых социокультурных факторов, влияющих на трансформации текстовых реализаций дискурсивных категорий и признаков в различные эпохи. Это позволяет определить специфические дискурсивные особенности, присущие каждому конкретному историческому периоду существования дискурса.

Ключевые слова: обзор, зарубежные исследования, научный дискурс, историческая дискурсология

Для цитирования: Миронова М. Ю. Научный дискурс: обзор исследований в зарубежной лингвистике // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 154–169. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-154-169.

© Миронова М. Ю., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Review

Scientific Discourse: An Overview of Research in Foreign Linguistics

Marina Yu. Mironova

*Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia,
mkpr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7938-6254>*

Introduction. The article presents a generalized overview of foreign scientific literature devoted to the scientific discourse research. The relevance of the analytical overview is explained by the increasing attention to discourse not only as a system with stable characteristics, but also as a dynamic process subject to change under the influence of external factors. The purpose of the paper is to present the main directions and concepts of applied linguistics, which explores scientific discourse, to identify gaps in existing research and to identify prospects for further study.

Methodology and sources. The paper analyzes the content of scientific publications of foreign scientists devoted to the study of scientific discourse. The sources are peer-reviewed journals and academic databases. The methodology is based on the systematization and comparative analysis of various linguistic concepts and theoretical approaches.

Results and discussion. The conducted review showed that despite the existing wide body of research on scientific discourse, the evolution of scientific communication is insufficiently studied. It is concluded that among the works devoted to the study of scientific discourse, there are works that either focus on analyzing the discourse features of scientific communication in a synchronic context, or emphasize a limited time period. However, to understand how scientific communication adapts to new requirements and circumstances, it is important to take into account not only static characteristics, but also the processes of evolution. In this regard, the study of scientific discourse in its dynamic development acquires special significance and novelty.

Conclusion. The conducted analytical overview opens up new perspectives for studying scientific discourse through the prism of a dynamic approach. The study of scientific discourse from a historical perspective is valuable in terms of identifying key socio-cultural factors influencing the transformation of textual realizations of discourse categories and features in different eras. This allows us to identify the specific discourse features typical for each specific historical period of the discourse existence.

Keywords: overview, foreign studies, scientific discourse, historical discoursology

For citation: Mironova, M.Yu. (2026), "Scientific Discourse: An Overview of Research in Foreign Linguistics", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 154–169. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-154-169 (Russia).

Введение. В условиях глобализации и быстрого обмена информацией увеличивается необходимость эффективной передачи знаний и участия в международном научном общении. Современный мир требует от специалистов не только глубоких знаний в своих областях, но и умения взаимодействовать с представителями разных стран и культур. Этим объясняется неослабевающая актуальность работ, посвященных исследованию особенностей научной коммуникации, а поиск новых подходов к изучению научного дискурса выходит на первый план. Кроме того, развитие технологий и цифровых платформ открывает новые возможности для обмена научной информацией, что требует адаптации методов коммуникации. Таким образом, изучение научного дискурса становится ключевым элементом успешного развития науки в глобальном масштабе.

Научный дискурс неизменно вызывает интерес не только в отечественной, но и зарубежной лингвистике. Свидетельством тому служат труды зарубежных исследователей. Поскольку для глубокого осмысления проблем научного дискурса невозможно опираться исключительно на опыт отечественных лингвистов, представляется необходимым осуществить аналитический разбор теоретического и практического наследия зарубежного языкознания. Цель данной статьи – дать краткий обзор работ, посвященных изучению научного дискурса в зарубежной лингвистике, установить лакуны в существующих исследованиях и определить области дальнейшего изучения.

За годы исследований сформировалось несколько научно-методологических направлений, каждое из которых предполагает определенную интерпретацию научного дискурса и предлагает способы его анализа.

Методология и источники. Учеными, в фокусе внимания которых на протяжении многих лет находились проблемы научного дискурса, выступают L. Anthony, M. Atai, D. Atkinson, R. G. Badger, C. Bazerman, F. Benelhadj, M. Clyne, T. Dahl, J. Flowerdew, D. S. Giannoni, S. Hunston, K. Hyland, P. A. Martín Martín, G. Myers, L. Sadr, M. D. Salas, J. M. Swales и др. Исследования выполнены на примерах разных языков и на базе различных дисциплин. Рассмотрим ключевые концепции и наиболее актуальные результаты, полученные зарубежными учеными.

С позиций коммуникативно-прагматического подхода изучаются процессы передачи и интерпретации смысла, коммуникативные намерения адресата, способы достижения коммуникативных целей, речевое поведение участников коммуникации и адекватность употребления языковых средств в конкретных коммуникативных контекстах. Значительное количество исследований сосредоточено на стратагемно-тактической организации научного дискурса. Часть из них посвящена роли стратегии вежливости в научном общении. В этих работах выявляются приемы реализации вежливости и языковые средства ее объективации [1] и др., анализируется важность использования стратегии вежливости для эффективного общения с читателями [2; 3]. Исследователи подчеркивают важность адекватного использования стратегий позитивной и негативной вежливости для эффективного взаимодействия в научной среде. Кроме того, анализируются междисциплинарные особенности применения стратегии вежливости в научных статьях [4], а также изучается, в каких разделах научных публикаций приемы реализации стратегии вежливости представлены наиболее интенсивно [5]. Ученые рассматривают, при помощи каких приемов авторы научных статей выражают степень уверенности в своих утверждениях и налаживают диалог с читателями, выявляя различия в использовании таких приемов в разделах «Введение», «Обсуждение» и «Результаты», а также в различных научных областях, таких как экономика, медицина и технологии. Выводы подкрепляются количественными данными и результатами сравнительного анализа.

Ряд работ посвящен исследованию явления агональности в научном дискурсе. Авторы, занимающиеся изучением соперничества в научной коммуникации, раскрывают проблему доминирования ритуализованного конфликта в академической коммуникации и предлагают переосмыслить способы ведения научной дискуссии для улучшения качества знаний и межличностных отношений в науке [6; 7]. Поднимается вопрос о необходимости рассмотреть альтернативные формы интеллектуального обмена, которые не исключают агонистический подход, но должны сосуществовать с ним ради более продуктивного научного диалога и

поиска истины. Отдельные работы посвящены исследованию оценочности в научной коммуникации. Рассматриваются языковые средства и способы объективации стратегии оценивания, в том числе с учетом культурных особенностей [8]. Авторы подчеркивают, что культурные особенности и локальные традиции академического общения существенно влияют на способы выражения критики и оценочных суждений в научных произведениях. Отдельные исследования посвящены риторическим стратегиям, используемым для выражения академической критики в научных текстах, и их варьированию в зависимости от жанра [9]. Уделяется внимание тому, как конкуренция и критика среди коллег может формировать научные практики и пространство исследований в определенной дисциплине. Такая критика рассматривается не как конфликт, а как важный способ самоорганизации и развития науки. Исследуются лингвистические и дискурсивные средства объективации конфликта в научных работах и определяется роль стратегии несогласия в построении научных аргументов [10]. Подчеркивается важность вежливости и избегания прямых нападок в научных публикациях, а несогласие рассматривается как конструктивный элемент научного общения, необходимый для повышения качества и значения исследований.

Следует упомянуть работы, анализирующие выраженность рекламной стратегии в научных публикациях, в том числе охватывающих различные языки и дисциплины. Так, например, в статье «Promotional strategies in research article introductions: an interlinguistic and cross-disciplinary genre analysis» [11] проводится сравнительный анализ использования рекламной стратегии в вводной части исследовательской статьи. Проанализировав 80 статей на английском и испанском языках, относящихся к двум близким дисциплинам – клинической и здравоохранительной психологии и дерматологии, автор обнаружил, что тексты на английском языке в целом содержат более выраженные риторические промоутерские приемы; при этом наблюдается и междисциплинарное разнообразие. Ученые делают вывод, что на формирование риторических особенностей жанра одновременно влияют и профессиональные, и культурные факторы, причем культурные факторы оказывают более значимое воздействие, чем особенности конкретной дисциплины.

С позиций функционально-прагматического подхода анализируется метадискурс. Метадискурс как инструмент формирования научного текста занимает важное место в лингвистических исследованиях. Функционирование различных типов дискурсивных элементов в научной речи неоднократно становилось предметом анализа зарубежных ученых. Исследователи уделяют особое внимание определению функций метадискурсивных компонентов и их значению в восприятии текста, рассматривают, как их использование связано с коммуникативными целями различных разделов научных текстов и как эти средства помогают модифицировать степень уверенности, субъективности и вежливости высказываний [12] и др. Анализируется роль языковых средств метадискурса в повышении качества публикаций [13] и др. и адаптации научных текстов для конкретной аудитории [14], исследуется влияние родного языка на формирование метадискурса исследовательской статьи [15; 16] и др. Так, в работе «Metadiscourse markers in biological research articles and journal impact factor: Non-native writers vs. native writers» [13] выявляется частота использования метадискурсивных маркеров в статьях, написанных носителями английского языка (американскими авторами) и не носителями (иранскими авторами). Также изучается связь между частотой использова-

ния таких маркеров и импакт-факторов журнала, служащих индикатором качества публикаций. Результаты ученых показали высокую положительную корреляцию частоты использования маркеров и импакт-фактора, при этом не носители английского языка использовали эти маркеры немного чаще. Авторы заключают, что полученные данные свидетельствуют о важной роли метадискурсивных маркеров для улучшения когерентности и организации научных текстов, что способствует публикации в журналах с высоким импакт-фактором. Часть исследований направлена на выявление различий в использовании дискурсивов в разных научных жанрах и дисциплинах [17; 18] и др., а также на установление зависимости их употребления от национальной принадлежности автора [19–21] и др. Многочисленные работы посвящены анализу хеджей (hedges) – лингвистических средств, с помощью которых автор смягчает свои высказывания, представляя их как предположения, а не как бесспорные факты. Выявляются языковые средства объективации смягчения и раскрываются функции хеджей в процессе передачи и восприятия информации [22, 23] и др., анализируется частотность употребления хеджей носителями и не носителями английского языка [24–26] и др., исследуется использование средств смягчения и усиления категоричности в научном дискурсе с учетом специфики различных дисциплин [27–29] и др. и культурной принадлежности автора [30]. Кроме того, анализируется роль дискурсивных маркеров удивления в построении научного дискурса [31].

Роль автора неоднократно становилась объектом внимания исследователей. Ученые рассматривают лингвистический и дискурсивные аспекты самоидентификации автора в научных текстах. Определяются языковые средства самоупоминания автора в научном произведении [32–35] и др., анализируется значение открытости/скромности в представлении собственного вклада и обсуждается культурно-языковая специфика авторской самоидентификации [36; 37], изучаются диахронические изменения в представлении авторского присутствия [38]. К интересным результатам приходит автор статьи «Authorial presence in research article abstracts: A diachronic investigation of the use of first person pronouns» [38], изучавший диахроническое развитие способов обозначения авторского присутствия в научных текстах. Zh. Li делает вывод, что авторы все чаще используют явные средства самовыражения, такие как местоимения первого лица, для обозначения своего авторского голоса в научных исследованиях. Кроме того, существуют исследования, в которых анализируется влияние дисциплинарных [39–41] и культурно-языковых факторов [42; 43] и др. на степень выраженности автора в научных статьях. Так, например, в своей работе «The 'I' in interaction: Authorial presence in academic writing» М. С. Munoz подчеркивает, что практика использования маркеров авторского присутствия в научных статьях не является универсальной, а подвержена влиянию дисциплинарных особенностей. Проанализировав научные работы из разных дисциплин (литература и компьютерные науки), ученый приходит к следующему выводу: авторы статей, чьи работы относятся к гуманитарным наукам, чаще используют местоимение первого лица для усиления авторитетности и убеждения читателя, в то время как в статьях из области технических наук использование данного местоимения ограничено, что продиктовано стремлением к объективности.

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода изучены способы репрезентации информации в научном тексте, связанные с концептуализацией фрагментов действительности; ис-

следована культурная специфика научных текстов, созданных носителями и не носителями английского языка. Ученые анализируют как культурно-языковая принадлежность автора влияет на стиль и организацию научного текста, а также на выбор риторических приемов и коммуникативных стратегий [44; 45] и др. Сравниваются дискурсивные модели научной коммуникации, характерные для разных лингвокультур [46], рассматриваются языковые и стилистические отклонения в контексте культурных и языковых различий [47], моделируются ситуации представления и усвоения специализированных знаний [48]. Кроме того, изучается роль метафоры в академической аргументации [49; 50].

В исследованиях, выполненных в рамках лингвоаксиологического подхода, показывается, как авторы выражают оценочное отношение к предмету своего исследования и работам других ученых [51], какие ценности актуализируются в научной коммуникации и как они объективируются на языковом уровне [52]. Так, работа «Negotiating research values across review genres: A case study in applied linguistics» D. C. Giannoni посвящена исследованию взаимосвязи жанровой специфики и степени выраженности исследовательских ценностей. Изучив такие жанры, как научные рецензии, аннотации и исследовательские статьи, автор выделяет наиболее значимые исследовательские ценности (ясность (clarity), сила аргументации (strength), включенность (inclusiveness) и центральность темы (centrality)) и отмечает их варьированность в зависимости от жанра. Например, значимость ясности, согласно мнению исследователя, наиболее выражена в редакционных статьях, в то время как в аннотациях эта характеристика представлена в меньшей степени. Особое внимание уделяется исследованию того, как способы оценки изменяются в зависимости от дисциплины и культурных норм научного общения [53] и как через оценочные выражения подается идеологическая позиция автора [54]. Обсуждается роль оценочной лексики в построении аргументации [55].

В русле системно-функционального подхода исследуется структурно-композиционная организация научных текстов. Выделяются ключевые этапы научного исследования и соответствующие им разделы научно-исследовательского текста [56; 57] и др., рассматривается применимость стандартной композиционной модели научной статьи к различным дисциплинам [58; 59], исследуется вопрос стандартизации композиционной структуры в зависимости от типа статьи [60], анализируется специфика написания научных статей в различных культурных контекстах [37; 61]. Особое внимание уделяется выявлению дискурсивных особенностей определенных разделов научных статей [62–64] и др., в том числе с учетом междисциплинарных различий [65–68]. Особый интерес вызывает у ученых категория интертекстуальности. Анализируется роль цитат в научных произведениях и выявляются их функции в зависимости от типа статьи и научной дисциплины [69], проводится диахронический анализ изменения практик цитирования в научных медицинских текстах [70]. Отдельное внимание уделяется тому, как авторы используют цитирование для построения аргументации, выстраивания научного дискурса и укрепления своих научных позиций [71].

В рамках жанрового подхода исследуются типологические аспекты жанровой организации научного дискурса и языковые конвенции научных жанров. В частности, изучается, как жанры научных текстов, например, диссертации или научные статьи определяют их грамматическое наполнение [72], выявляются лингвистические нормы, специфичные для

определенных жанров научных статей [73]. Проводится сравнительный анализ жанровых особенностей научных статей и их популяризированных версий [74], исследуется использование связующих средств в письменных академических жанрах с целью понять, как эти элементы влияют на структуру, организацию и качество текста в разных жанрах академического письма [75], анализируется специфика цифровых научных жанров и их роль в научной коммуникации [76].

С диахронических позиций в научном дискурсе анализируется эволюция жанровых и языковых характеристик в социально-историческом контексте. Так, в своей работе «Scientific Discourse in Sociohistorical Context: The Philosophical Transactions of the Royal Society of London, 1675–1975» Д. Аткинсон изучает трансформацию исследовательской статьи с 1675 по 1975 гг., показывая, как на протяжении трехсот лет менялись ее жанровые характеристики. Автор описывает письменный язык и риторику Лондонского королевского общества, основываясь на анализе работ из журнала «Философские труды», и интерпретирует свои выводы в свете истории Королевского общества и британской науки [77]. Эволюция жанра докторской диссертации изучается в работе «Change and Stability in Thesis and Dissertation Writing: The Evolution of an Academic Genre» [78]. Авторы проследили как развитие технологий повлияло на изменения в структуре диссертаций и дали прогнозы относительно дальнейшей трансформации жанра. Диахронические исследования научного дискурса затрагивают также такие аспекты, как переход научной медицинской письменности с латинского на английский язык в период с XIV по начало XVI в. [79], а также формирование и развитие жанра экспериментальной научной статьи с XVII до XX в. [80]. Отдельное внимание уделяется эволюции языковых и композиционных особенностей медицинских научных текстов [81], диахроническому исследованию частотности использования языковых средств для преувеличения значимости авторского вклада [82], эволюции критических замечаний в научных публикациях и анализу воздействия культурологических и дисциплинарных факторов на выраженность полемичности на языковом уровне [70; 83; 84]. В работах, посвященных диахроническому изучению аннотаций к научным статьям, анализировались исторические трансформации метадискурса в жанре научных аннотаций [85], а также исследовалась динамика использования лексики с положительной и отрицательной семантикой [86].

Результаты и обсуждение. Аналитический обзор показал, что несмотря на широкий охват аспектов, рассматриваемых в динамике, ученые редко обращались к изучению эволюции дискурсивных характеристик научного текста. В основном исследования сосредоточены либо на анализе дискурсивных особенностей научного общения в синхронном срезе, либо акцентируют узко временные рамки. Таким образом, процессы трансформации дискурсивных практик, отражающие развитие научных парадигм, остаются недостаточно исследованными. Это создает пробел в понимании того, как научный дискурс адаптируется к новым требованиям и обстоятельствам. Кроме того, игнорирование исторической перспективы ограничивает возможности выявления закономерностей и тенденций в изменении научной коммуникации. Поэтому видится необходимым расширить исследования, учитывая длительные временные интервалы и эволюционные изменения дискурсивных характеристик.

Заключение. Обзор исследований, посвященных изучению динамических изменений дискурса, дает возможность подвести некоторые итоги. Историко-дискурсивный анализ об-

ладает большой объяснительной силой, позволяя понять законы построения речи в конкретно-исторические периоды существования социума. Появление трудов, посвященных исследованию дискурса в его динамическом развитии, свидетельствует о растущем интересе ученых к данной проблематике. Вместе с тем на сегодняшний день отсутствуют полноценные исследования, сфокусированные на научном дискурсе в динамическом ракурсе. Это открывает перспективы для дальнейших научных изысканий. Изучение научного дискурса в динамическом подходе к его реализации может быть полезным и интересным в плане выявления диахронических изменений в научной коммуникации, обусловленных меняющимся социокультурным контекстом. Кроме того, учитывая многообразие форм и жанров научного дискурса, такой анализ позволит лучше понять специфические особенности научного общения на разных этапах развития общества. Важно также отметить, что динамический взгляд способствует интеграции различных методологических подходов, что делает исследование более комплексным и глубинным. Таким образом, развитие исследований в этом направлении позволит не только расширить теоретические представления о функционировании научного дискурса, но и получить практические рекомендации для улучшения научной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Getkham K. Strategies used to politely present ideas in research writing // *J. of Education and Practice*. 2013. Vol. 4, no. 9. P. 128–133.
2. Myers G. The pragmatics of politeness in scientific articles // *Applied Linguistics*. 1989. Vol. 10, no. 1. P. 1–35. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/10.1.1>.
3. Myers G. Strategic vagueness in academic writing // *Academic writing. Intercultural and textual issues*. Amsterdam: John Benjamins, 1996. P. 3–17.
4. Gil-Salom L., Soler-Monreal C. Interacting with the reader: Politeness strategies in engineering research article discussions // *Int. J. of English Studies*. 2009. Vol. 9, no. 3. P. 175–189.
5. Falahati R. The use of hedging across different disciplines and rhetorical sections of research articles // *Proceedings of the 22nd Northwest Linguistics Conf. (NWLC)*. Burnaby: Simon Fraser Univ., 2007. P. 99–112.
6. Tannen D. Agonism in Academic Discourse // *J. of Pragmatics*. 2002. Vol. 34, no. 10/11. P. 1651–1669. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00079-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00079-6).
7. Badger R. G. Investigating agonism in linguistics // *J. of Pragmatics*. 2006. Vol. 38, no. 9. P. 1442–1456.
8. Itakura H., Tsui A. B. M. Evaluation in academic discourse: Managing criticism in Japanese and English book reviews // *J. of Pragmatics*. 2011. Vol. 43, no. 5. P. 1366–1379. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.10.023>.
9. Fagan Vasta A. F., Martín Martín P. A. Competing for a research space: the criticism of one's own scientific community // *LFE: Revista de Lenguas para Fines Específicos*. 2002–2003. No. 9–10. P. 139–150.
10. Hunston S. Professional conflict: Disagreement in academic discourse // *Text and Technology*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 1993. P. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.1075/z.64.08hun>.
11. Martín Martín P. A., León Pérez I. K. Promotional strategies in research article introductions: an interlinguistic and cross-disciplinary genre analysis // *Revista Canaria de Estudios Ingleses*. 2009. No 59. P. 73–87.
12. Salager-Meyer F. Hedges and textual communicative function in medical English written discourse // *English for Specific Purpose*. 1994. Vol. 13, no. 2. P. 149–170. DOI: [https://doi.org/10.1016/0889-4906\(94\)90013-2](https://doi.org/10.1016/0889-4906(94)90013-2).

13. Gholami J., Ilghami R. Metadiscourse markers in biological research articles and journal impact factor: Non-native writers vs. native writers // *Biochemistry and Molecular Biology Education*. 2016. Vol. 44, no 4. P. 349–360. DOI: 10.1002/bmb.20961.
14. Hyland K., Zou H. In the frame: Signalling structure in academic articles and blogs // *J. of Pragmatics*. 2020. Vol. 165. P. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.05.002>.
15. Blagojevic S. Metadiscourse in academic prose: A contrastive study of academic articles written in English by English and Norwegian speakers // *Studies about Linguistics*. 2004. No 5. P. 1–7.
16. Dahl T. Textual metadiscourse in research articles: A marker of national culture or of academic discipline? // *J. of Pragmatics*. 2004. Vol. 36, iss. 10. P. 1807–1825. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2004.05.004>.
17. Abdi R. Interpersonal metadiscourse: An indicator of interaction and identity // *Discourse Studies*. 2002. Vol. 4, iss. 2. P. 139–145. DOI: <https://doi.org/10.1177/14614456020040020101>.
18. Salas M. D. Reflexive metadiscourse in research articles in Spanish: Variation across three disciplines (Linguistics, Economics and Medicine) // *J. of Pragmatics*. 2015. Vol. 77. P. 20–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.12.006>.
19. Burneikaite N. Metadiscourse in Linguistics Master's Theses in English L1 and L2 // *Kalbotrya*. 2008. Vol. 59. P. 38–47.
20. Mur-Dueñas P. An intercultural analysis of metadiscourse features in research articles written in English and in Spanish // *J. of Pragmatics*. 2011. Vol. 43, iss. 12. P. 3068–3079. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.05.002>.
21. Li Zh., Xu J. Reflexive metadiscourse in Chinese and English sociology research article introductions and discussions // *J. of Pragmatics*. 2020. Vol. 159. P. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.02.003>.
22. Hyland K. *Hedging in Scientific Research Articles*. Amsterdam: John Benjamins Publ., 1998.
23. Gherdan M. E. Hedging in Academic Discourse // *Romanian J. of English Studies*. 2019. Vol. 16, iss. 1. P. 123–127. DOI: <https://doi.org/10.1515/rjes-2019-0015>.
24. Atai M., Sadr L. A cross-cultural genre study on hedging devices in discussion section of applied linguistics research articles // *Proceedings of the Conf. of Pan-Pacific Association of Applied Linguistic*. Tokyo: PAAL, 2006. P. 42–57.
25. Budiarti D., Hardjanto T. D., Faris I. N. I. Lexical verbs of hedging in English research articles by native and non-native speakers // *J. of Literature, Linguistics and Culture Studies*. 2023. Vol. 12, no. 1. P. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.15294/rainbow.v12i1.67067>.
26. Demir C. Hedging and academic writing: an analysis of lexical hedges // *J. of Language and Linguistic Studies*. 2018. Vol. 14, no. 4. P. 74–92.
27. Hyland K. Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge // *Interdisciplinary J. for the Study of Discourse*. 1998. Vol. 18, no. 3. P. 349–382. DOI: 10.1515/text.1.1998.18.3.349.
28. Vazquez I., Giner D. Writing with conviction: The use of boosters in modelling persuasion in academic discourse // *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*. 2009. Vol. 22. P. 219–237. DOI: 10.14198/raei.2009.22.14.
29. Takimoto M. A Corpus-based analysis of hedges and boosters in English academic articles // *Indonesian J. of Applied Linguistics*. 2015. Vol. 5, no. 1. P. 95–105. DOI: 10.17509/ijal.v5i1.836.
30. Hu G. W., Cao F. Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals // *J. of Pragmatics*. 2011. No. 43. P. 2795–2809. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.PRAGMA.2011.04.007>.
31. Hu G., Chen L. ““To our great surprise ...”: A frame-based analysis of surprise markers in research articles” // *J. of Pragmatics*. 2019. Vol. 143. P. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.021>.
32. Kuo C-H. The use of personal pronouns: Role relationships in scientific journal articles // *English for Specific Purposes*. 1999. Vol. 18, iss. 2. P. 121–138. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00058-6](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00058-6).

33. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // *English for Specific Purposes*. 2001. Vol. 20, iss. 3. P. 207–226. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(00\)00012-0](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(00)00012-0).
34. Hyland K. Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse // *Discourse Studies*. 2005. Vol. 7, iss. 2. P. 173–192. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>.
35. Hidalgo-Downing L. Stance and intersubjective positioning across scientific discourse genres: Negative and modal epistemic discourse strategies // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2017. Vol. 13, iss. 1. P. 65–85. DOI: 10.1515/lpp-2017-0004.
36. Hyland K. Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing // *J. of Pragmatics*. 2002. Vol. 34, iss. 8. P. 1091–1112. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00035-8](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00035-8).
37. Martín Martín P. A. Personal attribution in English and Spanish scientific texts // *Barcelona English Language and Literature Studies*. 2003. Vol. 12. P. 45–70.
38. Li Zh. Authorial presence in research article abstracts: A diachronic investigation of the use of first person pronouns // *J. of English for Academic Purposes*. 2021. Vol. 51: 100977. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100977>.
39. Hyland K. Disciplinary discourses: writer stance in research articles // *Writing: Texts, Processes and Practices*. 1999. P. 99–121. DOI: 10.4324/9781315840390-6.
40. Harwood N. A corpus-based study of self-promotional I and we in academic writing across four disciplines // *J. of Pragmatics*. 2005. Vol. 37, iss. 8. P. 1207–1231. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2005.01.012>.
41. Shehzad W. Explicit author in scientific discourse: A corpus-based study // *Malaysian J. of ELT Research*. 2007. Vol. 2. P. 56–73.
42. Fløttum K. Academic voices in the research article // *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspectives on Academic Discourse*. 2009. P. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.193.07flo>.
43. Munoz M. C. The 'I' in interaction: Authorial presence in academic writing // *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. 2013. No 8. P. 49–58. DOI: 10.4995/rlyla.2013.1162.
44. Duszak A. Culture and styles of academic discourse // *Trends in Linguistics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. P. 323–341.
45. Siepmann D. Academic writing and culture: An overview of differences between English, French and German // *J. des traducteurs*. 2006. Vol. 51, no. 1. P. 131–150. DOI: <https://doi.org/10.7202/012998ar>.
46. Clyne M. Cultural differences in the organization of academic text // *J. of Pragmatics*. 1987. No. 11. P. 211–247. DOI: 10.1016/0378-2166(87)90196-2.
47. Nasiri S. Academic writing: The role of culture, language and identity in writing for community // *Int. J. of Learning and Development*. 2012. Vol. 2, no. 3. P. 1–8. DOI: 10.5296/ijld.v2i3.1530.
48. Faber P. The dynamics of specialized knowledge representation: simulational reconstruction or the perception–action interface // *Terminology*. 2011. No. 17. P. 9–29. DOI: 10.1075/term.17.1.02fab.
49. Herrmann J. B. Metaphor in academic discourse // *Metaphor in academic discourse. Linguistic forms, conceptual structures, communicative functions and cognitive representations*. The Netherlands: LOT, 2013. P. 15–50.
50. Philip G. Metaphorical space in academic talk // *J. of Pragmatics*. 2023. Vol. 210. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.03.011>.
51. Hood S. *Appraising Research: Evaluation in Academic Writing*. NY: Palgrave Macmillan, 2010. DOI: 10.1057/9780230274662.
52. Giannoni D. S. Negotiating research values across review genres: A case study in applied linguistics // *Academic Evaluation*. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 17–34. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230244290_2.
53. Hunston S. *Evaluation and organization in a sample of written academic discourse // Advances in Written Text Analysis*. London: Routledge, 1994. P. 191–219.
54. Hunston S., Thompson G. *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. DOI: 10.1093/oso/9780198238546.001.0001.

55. Swales J. M. Evaluation in Academic Speech: First Forays // *Academic Discourse: new insights into Evaluation*. Amsterdam: Peter Lang, 2004. P. 31–53.
56. Ling C. Understanding the writing of thesis introductions: An exploratory study // *Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 46. P. 744–749. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.05.191>.
57. Swales J. *Research Genres. Explorations and Applications*. NY: Cambridge Univ. Press, 2004. DOI: [10.1017/CBO9781139524827](https://doi.org/10.1017/CBO9781139524827).
58. Anthony L. Writing research article introductions in software engineering: how accurate is a standard model? // *IEEE Transactions on Professional Communication*. 1999. Vol. 42, iss. 1. P. 38–46. DOI: [10.1109/47.749366](https://doi.org/10.1109/47.749366).
59. Posteguillo S. The schematic structure of Computer Science research articles // *English for Specific Purposes*. 1999. Vol. 18, iss. 2. P. 139–160. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(98\)00001-5](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(98)00001-5).
60. Flowerdew J. *Academic discourse*. London: Longman, 2002. DOI: [10.4324/9781315838069](https://doi.org/10.4324/9781315838069).
61. Hirano E. Research article introductions in English for specific purposes: A comparison between Brazilian Portuguese and English // *English for Specific Purposes*. 2009. No 28. P. 240–250. DOI: [10.1016/j.esp.2009.02.001](https://doi.org/10.1016/j.esp.2009.02.001).
62. Chahal D. Research article introduction in cultural studies: a genre analysis exploration of rhetorical structure // *The J. of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. 2014. Vol. 2, no. 1. P. 1–20.
63. Samraj B. Introductions in research articles: Variations across disciplines // *English for Specific Purposes*. 2002. Vol. 21, iss. 1. P. 1–17. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(00\)00023-5](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(00)00023-5).
64. Todd R. W. Relevance of findings in results to discussion sections in applied linguistics research // *Proc. of the Int. Conf.: Doing research in applied linguistics*. 2011. P. 51–60.
65. Peacock M. Communicative moves in the discussion section of research articles // *System*. 2002. Vol. 30, iss. 4. P. 479–497. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(02\)00050-7](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(02)00050-7).
66. Bloor M. Variations in the method sections of research articles across disciplines: The case of fast and slow text // *Issues in EAP Writing, Research and Instruction*. Reading: Univ. of Reading, 1998. P. 84–106.
67. Fryer D. L. Analysis of the generic discourse features of the English-language medical research article: A systemic functional approach // *Functions in Language*. 2012. Vol. 19, no. 1. P. 5–37. DOI: [10.1075/fol.19.1.01fry](https://doi.org/10.1075/fol.19.1.01fry).
68. Hardjanto T. D. Common discourse patterns of cross-disciplinary research article abstracts in English // *Humaniora*. 2017. Vol. 29, iss. 1. P. 72–84. DOI: [10.22146/jh.22567](https://doi.org/10.22146/jh.22567).
69. Harwood N. An interview-based study of the functions of citations in academic writing across two disciplines // *J. of Pragmatics*. 2009. Vol. 41, no. 3. P. 497–518. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.06.001>.
70. Salager-Meyer F. Referential behavior in scientific writing: a diachronic study (1810–1995) // *English for Specific Purpose*. 1999. Vol. 18, no. 3. P. 279–305. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00042-2](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00042-2).
71. Jacoby S. References to other researchers in literary research articles // *ELRJ*. 1987. Vol. 1. P. 33–78.
72. Benelhadj F. Discipline and genre in academic discourse: Prepositional phrases as a focus // *J. of Pragmatics*. 2019. Vol. 139. P. 190–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.PRAGMA.2018.07.010>.
73. Luzon Marco M. J. Collocational frameworks in medical research papers: A genre-based study // *English for Specific Purposes*. 2000. Vol. 19, iss. 1. P. 63–86. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(98\)00013-1](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(98)00013-1).
74. Garcés-Conejos P., Sánchez-Macarro A. Scientific discourse as interaction: Scientific articles vs. popularizations // *Linguistic choice across genres*. Amsterdam: John Benjamins, 1998. P. 173–190.
75. Tabari M. A., Johnson M. D. Exploring new insights into the role of cohesive devices in written academic genres // *Assessing Writing*. 2023. Vol. 57: 100749. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.asw.2023.100749>.
76. Pérez-Llantada C. Genres and languages in science communication: The multiple dimensions of the science-policy interface // *Language & Communication*. 2021. Vol. 78. P. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.02.004>.

77. Atkinson D. Scientific discourse in sociohistorical context: The philosophical transactions of the Royal Society of London, 1675–1975. NY: Routledge, 1998. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410601704>.

78. Paltridge B., Starfield S. Change and Stability in Thesis and Dissertation Writing: The Evolution of an Academic Genre. NY: Bloomsbury Academic, 2023. DOI: 10.5040/9781350146600.

79. Taavitsainen I., Pahta P. Medical and Scientific Writing in Late Medieval English. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004.

80. Bazerman C. Shaping written knowledge: The genre and activity of the experimental article in science. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1988.

81. Gotti M. Insights into medical discourse: diachronic and synchronic perspectives // ESP today. 2015. Vol. 3, no. 1. P. 5–24.

82. Hyland K., Jiang F. “Our striking results demonstrate ...”: Persuasion and the growth of academic hype // J. of Pragmatics. 2021. Vol. 182. P. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.06.018>.

83. Burgess S., Fagan A. (Kid) gloves on or off?: Academic conflict in research articles across the disciplines // Revista Canaria de Estudios Ingleses. 2002. No. 44. P. 79–96.

84. Salager-Meyer F., Ariza M. Á., Berbesí M. P. Collegiality, critique and the construction of scientific argumentation in medical book reviews: A diachronic approach // J. of Pragmatics. 2007. Vol. 39, iss. 10. P. 1758–1774. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.06.003>.

85. Gillaerts P. Shifting metadiscourse: Looking for diachrony in the abstract genre // Abstracts in academic discourse: Variation and change. Berlin: Peter Lang, 2014. P. 271–287.

86. Vinkers C. H., Tjink J. K., Otte W. M. Use of Positive and Negative Words in Scientific PubMed Abstracts between 1974 and 2014: Retrospective Analysis // British Medical J. 2015. No. 351. P. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.h6467>.

Информация об авторе.

Миронова Марина Юрьевна – кандидат филологических наук (2019), доцент (2022), доцент кафедры английского языка № 2 Санкт-Петербургского государственного экономического университета, наб. канала Грибоедова, д. 30–32, лит. А, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 60 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста и дискурса, корпусная лингвистика, научная коммуникация.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 06.11.2025; принята после рецензирования 10.12.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.

REFERENCES

1. Getkham, K. (2013), “Strategies used to politely present ideas in research writing”, *J. of Education and Practice*, vol. 4, no. 9, pp. 128–133.

2. Myers, G. (1989), “The pragmatics of politeness in scientific articles”, *Applied Linguistics*, vol. 10, no. 1, pp. 1–35. DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/10.1.1>.

3. Myers, G. (1996), “Strategic vagueness in academic writing”, *Academic writing. Intercultural and textual issues*, John Benjamins, Amsterdam, NDL, pp. 3–17.

4. Gil-Salom, L. and Soler-Monreal, C. (2009), “Interacting with the reader: Politeness strategies in engineering research article discussions”, *Int. J. of English Studies*, vol. 9, no. 3, pp. 175–189.

5. Falahati, R. (2007), “The use of hedging across different disciplines and rhetorical sections of research articles”, *Proceedings of the 22nd Northwest Linguistics Conf. (NWLC)*, Burnaby, CAN, pp. 99–112.

6. Tannen, D. (2002), “Agonism in Academic Discourse”, *J. of Pragmatics*, vol. 34, no. 10/11, pp. 1651–1669. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00079-6](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00079-6).

7. Badger, R.G. (2006), “Investigating agonism in linguistics”, *J. of Pragmatics*, vol. 38, no. 9, pp. 1442–1456.

8. Itakura, H. and Tsui, A.B.M. (2011), "Evaluation in academic discourse: Managing criticism in Japanese and English book reviews", *J. of Pragmatics*, vol. 43, no. 5, pp. 1366–1379. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2010.10.023>.

9. Fagan Vasta, A.F. and Martín Martín, P.A. (2002–2003), "Competing for a research space: the criticism of one's own scientific community", *LFE: Revista de Lenguas para Fines Específicos*, no. 9–10, pp. 139–150.

10. Hunston, S. (1993), "Professional conflict: Disagreement in academic discourse", *Text and Technology*, John Benjamins, Amsterdam, NDL, pp. 115–133. DOI: <https://doi.org/10.1075/z.64.08hun>.

11. Martín Martín, P.A. and León Pérez, I.K. (2009), "Promotional strategies in research article introductions: an interlinguistic and cross-disciplinary genre analysis", *Revista Canaria de Estudios Ingleses*, no 59, pp. 73–87.

12. Salager-Meyer, F. (1994), "Hedges and textual communicative function in medical English written discourse", *English for Specific Purpose*, vol. 13, no. 2, pp. 149–170. DOI: [https://doi.org/10.1016/0889-4906\(94\)90013-2](https://doi.org/10.1016/0889-4906(94)90013-2).

13. Gholami, J. and Ilghami, R. (2016), "Metadiscourse markers in biological research articles and journal impact factor: Non-native writers vs. native writers", *Biochemistry and Molecular Biology Education*, vol. 44, no 4, pp. 349–360. DOI: [10.1002/bmb.20961](https://doi.org/10.1002/bmb.20961).

14. Hyland, K. and Zou, H. (2020), "In the frame: Signalling structure in academic articles and blogs", *J. of Pragmatics*, vol. 165, pp. 31–44. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.05.002>.

15. Blagojevic, S. (2004), "Metadiscourse in academic prose: A contrastive study of academic articles written in English by English and Norwegian speakers", *Studies about Linguistics*, no. 5, pp. 1–7.

16. Dahl, T. (2004), "Textual metadiscourse in research articles: A marker of national culture or of academic discipline?", *J. of Pragmatics*, vol. 36, iss. 10, pp. 1807–1825. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2004.05.004>.

17. Abdi, R. (2002), "Interpersonal metadiscourse: An indicator of interaction and identity", *Discourse Studies*, vol. 4, iss. 2, pp. 139–145. DOI: <https://doi.org/10.1177/14614456020040020101>.

18. Salas, M.D. (2015), "Reflexive metadiscourse in research articles in Spanish: Variation across three disciplines (Linguistics, Economics and Medicine)", *J. of Pragmatics*, vol. 77, pp. 20–40. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2014.12.006>.

19. Burneikaite, N. (2008), "Metadiscourse in Linguistics Master's Theses in English L1 and L2", *Kalbotrya*, vol. 59, pp. 38–47.

20. Mur-Dueñas, P. (2011), "An intercultural analysis of metadiscourse features in research articles written in English and in Spanish", *J. of Pragmatics*, vol. 43, iss. 12, pp. 3068–3079. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.05.002>.

21. Li, Zh. and Xu, J. (2020), "Reflexive metadiscourse in Chinese and English sociology research article introductions and discussions", *J. of Pragmatics*, vol. 159, pp. 47–59. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.02.003>.

22. Hyland, K. (1998), *Hedging in Scientific Research Articles*, John Benjamins, Amsterdam, NDL.

23. Gherdan, M.E. (2019), "Hedging in Academic Discourse", *Romanian J. of English Studies*, vol. 16, iss. 1, pp. 123–127. DOI: <https://doi.org/10.1515/rjes-2019-0015>.

24. Atai, M. and Sadr, L. (2006), "A cross-cultural genre study on hedging devices in discussion section of applied linguistics research articles", *Proceedings of the Conf. of Pan-Pacific Association of Applied Linguistic*, PAAL, Tokyo, JAP, pp. 42–57.

25. Budiarti, D., Hardjanto, T.D. and Faris, I.N.I. (2023), "Lexical verbs of hedging in English research articles by native and non-native speakers", *J. of Literature, Linguistics and Culture Studies*, vol. 12, no. 1, pp. 29–39. DOI: <https://doi.org/10.15294/rainbow.v12i1.67067>.

26. Demir, C. (2018), "Hedging and academic writing: an analysis of lexical hedges", *J. of Language and Linguistic Studies*, vol. 14, no. 4, pp. 74–92.

27. Hyland, K. (1998), "Boosting, hedging and the negotiation of academic knowledge", *Interdisciplinary J. for the Study of Discourse*, vol. 18, no. 3, pp. 349–382. DOI: [10.1515/text.1.1998.18.3.349](https://doi.org/10.1515/text.1.1998.18.3.349).

28. Vazquez, I. and Giner, D. (2009), "Writing with conviction: The use of boosters in modelling persuasion in academic discourse", *Revista Alicantina de Estudios Ingleses*, vol. 22, pp. 219–237. DOI: 10.14198/raei.2009.22.14.

29. Takimoto, M. (2015), "A Corpus-based analysis of hedges and boosters in English academic articles", *Indonesian J. of Applied Linguistics*, vol. 5, no. 1, pp. 95–105. DOI: 10.17509/ijal.v5i1.836.

30. Hu, G.W. and Cao, F. (2011), "Hedging and boosting in abstracts of applied linguistics articles: A comparative study of English- and Chinese-medium journals", *J. of Pragmatics*, no. 43, pp. 2795–2809. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.PRAGMA.2011.04.007>.

31. Hu, G. and Chen, L. (2019), "'To our great surprise ...': A frame-based analysis of surprise markers in research articles", *J. of Pragmatics*, vol. 143, pp. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.02.021>.

32. Kuo, C-H. (1999), "The use of personal pronouns: Role relationships in scientific journal articles", *English for Specific Purposes*, vol. 18, iss. 2, pp. 121–138. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00058-6](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00058-6).

33. Hyland, K. (2001), "Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles", *English for Specific Purposes*, vol. 20, iss. 3, pp. 207–226. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(00\)00012-0](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(00)00012-0).

34. Hyland, K. (2005), "Stance and engagement: A model of interaction in academic discourse", *Discourse Studies*, vol. 7, iss. 2, pp. 173–192. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445605050365>.

35. Hidalgo-Downing, L. (2017), "Stance and intersubjective positioning across scientific discourse genres: Negative and modal epistemic discourse strategies", *Lodz Papers in Pragmatics*, vol. 13, iss. 1, pp. 65–85. DOI: 10.1515/lpp-2017-0004.

36. Hyland, K. (2002), "Authority and Invisibility: Authorial identity in academic writing", *J. of Pragmatics*, vol. 34, iss. 8, pp. 1091–1112. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(02\)00035-8](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(02)00035-8).

37. Martín Martín, P.A. (2003), "Personal attribution in English and Spanish scientific texts", *Barcelona English Language and Literature Studies*, vol. 12, pp. 45–70.

38. Li, Zh. (2021), "Authorial presence in research article abstracts: A diachronic investigation of the use of first person pronouns", *J. of English for Academic Purposes*, vol. 51: 100977. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2021.100977>.

39. Hyland, K. (1999), "Disciplinary discourses: writer stance in research articles", *Writing: Texts, Processes and Practices*, pp. 99–121. DOI: 10.4324/9781315840390-6.

40. Harwood, N. (2005), "A corpus-based study of self-promotional I and we in academic writing across four disciplines", *J. of Pragmatics*, vol. 37, iss. 8, pp. 1207–1231. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2005.01.012>.

41. Shehzad, W. (2007), "Explicit author in scientific discourse: A corpus-based study", *Malaysian J. of ELT Research*, vol. 2, pp. 56–73.

42. Fløttum, K. (2009), "Academic voices in the research article", *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Perspectives on Academic Discourse*, pp. 109–122. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.193.07flo>.

43. Munoz, M.C. (2013), "The 'I' in interaction: Authorial presence in academic writing", *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*, no. 8, pp. 49–58. DOI: 10.4995/rlyla.2013.1162.

44. Duszak, A. (1997), "Culture and styles of academic discourse", *Trends in Linguistics*, Mouton de Gruyter, Berlin, GER, pp. 323–341.

45. Siepmann, D. (2006), "Academic writing and culture: An overview of differences between English, French and German", *J. des traducteurs*, vol. 51, no. 1, pp. 131–150. DOI: <https://doi.org/10.7202/012998ar>.

46. Clyne, M. (1987), "Cultural differences in the organization of academic text", *J. of Pragmatics*, no. 11, pp. 211–247. DOI: 10.1016/0378-2166(87)90196-2.

47. Nasiri, S. (2012), "Academic writing: The role of culture, language and identity in writing for community", *Int. J. of Learning and Development*, vol. 2, no. 3, pp. 1–8. DOI: 10.5296/ijld.v2i3.1530.

48. Faber, P. (2011), "The dynamics of specialized knowledge representation: simulational reconstruction or the perception–action interface", *Terminology*, no. 17, pp. 9–29. DOI: 10.1075/term.17.1.02fab.

49. Herrmann, J.B. (2013), *Metaphor in academic discourse. Linguistic forms, conceptual structures, communicative functions and cognitive representations*, LOT, The Netherlands, NDL.
50. Philip, G. (2023), "Metaphorical space in academic talk", *J. of Pragmatics*, vol. 210, pp. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2023.03.011>.
51. Hood, S. (2010), *Appraising Research: Evaluation in Academic Writing*, Palgrave Macmillan, NY, USA. DOI: 10.1057/9780230274662.
52. Giannoni, D.S. (2009), "Negotiating research values across review genres: A case study in applied linguistics", *Academic Evaluation*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 17–34. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230244290_2.
53. Hunston, S. (1994), "Evaluation and organization in a sample of written academic discourse", *Advances in Written Text Analysis*, Routledge, London, UK, pp. 191–219.
54. Hunston, S. and Thompson, G. (2000), *Evaluation in text: authorial stance and the construction of discourse*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI: 10.1093/oso/9780198238546.001.0001.
55. Swales, J.M. (2004), "Evaluation in Academic Speech: First Forays", *Academic Discourse: new insights into Evaluation*, Peter Lang, Amsterdam, NDL, pp. 31–53.
56. Ling, C. (2012), "Understanding the writing of thesis introductions: An exploratory study", *Social and Behavioral Sciences*, vol. 46, pp. 744–749. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2012.05.191>.
57. Swales, J. (2004), *Research Genres. Explorations and Applications*, Cambridge Univ. Press, NY, USA. DOI: 10.1017/CBO9781139524827.
58. Anthony, L. (1999), "Writing research article introductions in software engineering: how accurate is a standard model?", *IEEE Transactions on Professional Communication*, vol. 42, iss. 1, pp. 38–46. DOI: 10.1109/47.749366.
59. Posteguillo, S. (1999), "The schematic structure of Computer Science research articles", *English for Specific Purpose*, vol. 18, iss. 2, pp. 139–160. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(98\)00001-5](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(98)00001-5).
60. Flowerdew, J. (2002), *Academic discourse*, Longman, London, UK. DOI: 10.4324/9781315838069.
61. Hirano, E. (2009), "Research article introductions in English for specific purposes: A comparison between Brazilian Portuguese and English", *English for Specific Purposes*, no. 28, pp. 240–250. DOI: 10.1016/j.esp.2009.02.001.
62. Chahal, D. (2014), "Research article introduction in cultural studies: a genre analysis exploration of rhetorical structure", *The J. of Teaching English for Specific and Academic Purposes*, vol. 2, no. 1, pp. 1–20.
63. Samraj, B. (2002), "Introductions in research articles: Variations across disciplines", *English for Specific Purposes*, vol. 21, iss. 1, pp. 1–17. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(00\)00023-5](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(00)00023-5).
64. Todd, R.W. (2011), "Relevance of findings in results to discussion sections in applied linguistics research", *Proc. of the Int. Conf.: Doing research in applied linguistics*, pp. 51–60.
65. Peacock, M. (2002), "Communicative moves in the discussion section of research articles", *System*, vol. 30, iss. 4, pp. 479–497. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0346-251X\(02\)00050-7](https://doi.org/10.1016/S0346-251X(02)00050-7).
66. Bloor, M. (1998), "Variations in the method sections of research articles across disciplines: The case of fast and slow text", *Issues in EAP Writing, Research and Instruction*, Univ. of Reading, Reading, UK, pp. 84–106.
67. Fryer, D.L. (2012), "Analysis of the generic discourse features of the English-language medical research article: A systemic functional approach", *Functions in Language*, vol. 19, no. 1, pp. 5–37. DOI: 10.1075/fo1.19.1.01fry.
68. Hardjanto, T.D. (2017), "Common discourse patterns of cross-disciplinary research article abstracts in English", *Humaniora*, vol. 29, iss. 1, pp. 72–84. DOI: 10.22146/jh.22567.
69. Harwood, N. (2009), "An interview-based study of the functions of citations in academic writing across two disciplines", *J. of Pragmatics*, vol. 41, no. 3, pp. 497–518. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2008.06.001>.
70. Salager-Meyer, F. (1999), "Referential behavior in scientific writing: a diachronic study (1810–1995)", *English for Specific Purpose*, vol. 18, no. 3, pp. 279–305. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(97\)00042-2](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(97)00042-2).

71. Jacoby, S. (1987), "References to other researchers in literary research articles", *ELR J.*, vol. 1, pp. 33–78.
72. Benelhadj, F. (2019), "Discipline and genre in academic discourse: Prepositional phrases as a focus", *J. of Pragmatics*, vol. 139, pp. 190–199. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.PRAGMA.2018.07.010>.
73. Luzon Marco, M.J. (2000), "Collocational frameworks in medical research papers: A genre-based study", *English for Specific Purposes*, vol. 19, iss. 1, pp. 63–86. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0889-4906\(98\)00013-1](https://doi.org/10.1016/S0889-4906(98)00013-1).
74. Garcés-Conejos, P. and Sánchez-Macarro, A. (1998), "Scientific discourse as interaction: Scientific articles vs. popularizations", *Linguistic choice across genres*, John Benjamins, Amsterdam, NDL, pp. 173–190.
75. Tabari, M.A. and Johnson, M.D. (2023), "Exploring new insights into the role of cohesive devices in written academic genres", *Assessing Writing*, vol. 57: 100749. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.asw.2023.100749>.
76. Pérez-Llantada, C. (2021), "Genres and languages in science communication: The multiple dimensions of the science-policy interface", *Language & Communication*, vol. 78, pp. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langcom.2021.02.004>.
77. Atkinson, D. (1998), *Scientific discourse in sociohistorical context: The philosophical transactions of the Royal Society of London, 1675–1975*, Routledge, NY, USA. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781410601704>.
78. Paltridge, B. and Starfield, S. (2023), *Change and Stability in Thesis and Dissertation Writing: The Evolution of an Academic Genre*, Bloomsbury Academic, NY, USA. DOI: 10.5040/9781350146600.
79. Taavitsainen, I. and Pahta, P. (2004), *Medical and Scientific Writing in Late Medieval English*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
80. Bazerman, C. (1988), *Shaping written knowledge: The genre and activity of the experimental article in science*, Univ. of Wisconsin Press, Madison, USA.
81. Gotti, M. (2015), "Insights into medical discourse: diachronic and synchronic perspectives", *ESP today*, vol. 3, no. 1, pp. 5–24.
82. Hyland, K. and Jiang, F. (2021), "'Our striking results demonstrate ...': Persuasion and the growth of academic hype", *J. of Pragmatics*, vol. 182, pp. 189–202. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.06.018>.
83. Burgess, S. and Fagan, A. (2002), "(Kid) gloves on or off?: Academic conflict in research articles across the disciplines", *Revista Canaria de Estudios Ingleses*, no. 44, pp. 79–96.
84. Salager-Meyer, F., Ariza, M.Á. and Berbesí, M.P. (2007), "Collegiality, critique and the construction of scientific argumentation in medical book reviews: A diachronic approach", *J. of Pragmatics*, vol. 39, iss. 10, pp. 1758–1774. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2006.06.003>.
85. Gillaerts, P. (2014), "Shifting metadiscourse: Looking for diachrony in the abstract genre", *Abstracts in academic discourse: Variation and change*, Peter Lang, Berlin, GER, pp. 271–287.
86. Vinkers, C.H., Tjldink, J.K. and Otte, W.M. (2015), "Use of Positive and Negative Words in Scientific PubMed Abstracts between 1974 and 2014: Retrospective Analysis", *British Medical J.*, no. 351, pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1136/bmj.h6467>.

Information about the author.

Marina Yu. Mironova – Can. Sci. (Philology, 2019), Docent (2022), Associate Professor at the English Language Department № 2, Saint Petersburg State Economic University, 30–32 Griboyedov Canal emb., letter A, St Petersburg 191023, Russia. The author of 60 scientific publications. Area of expertise: discourse and text linguistics, corpus linguistics, scientific communication.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 06.11.2025; adopted after review 10.12.2025; published online 20.02.2026.*

Оригинальная статья
УДК 81'373=112.2; 81'271.12; 81'42
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-1-170-181>

Номинации лиц с ОВЗ в современном немецком языке

Андрей Сергеевич Власов¹, Елена Владимировна Боднарук²✉

^{1, 2}Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

¹a.vlasov@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7312-8992>

²✉e.bodnaruk@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4405-4513>

Введение. Статья посвящается анализу номинаций лиц с ограниченными возможностями здоровья в современном немецком языке. Цель исследования заключается в выявлении особенностей структуры данных номинаций, их функционирования и семантики в различных типах дискурса. Научная новизна работы состоит в комплексном подходе к изучению номинаций, объединяющем лингвистические и социально ориентированные параметры анализа. Актуальность исследования обусловлена растущим вниманием общества к вопросам инклюзии и необходимости формирования корректной языковой нормы в отношении обозначения лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Методология и источники. Методологическую основу исследования составляют когнитивный, прагматический и социолингвистический подходы, позволяющие рассматривать номинацию как результат взаимодействия языка и социальных представлений. Эмпирической базой исследования служат немецкоязычные тексты медицинского, юридического и медийного дискурсов. Материал отобран методом сплошной выборки из шести публикаций о лицах с ограниченными возможностями здоровья. Анализ включает систематизацию выявленных обозначений, определение их дискурсивных функций и интерпретацию в контексте современной языковой практики.

Результаты и обсуждение. Общее количество извлеченных номинаций составило 209 единиц. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в подвергнутых анализу текстах преобладают нейтральные и инклюзивные номинации, ориентированные на подчеркивание личности, а не нарушения в состоянии здоровья. В юридических текстах преобладают установленные законами номинации, отражающие правовой статус лиц с ОВЗ. Медицинские тексты демонстрируют высокий уровень детализации при описании нарушений лиц с ОВЗ, что отражается в их обозначениях. В текстах СМИ наблюдается сочетание нейтральных и оценочных номинаций, что связано с влиянием общественных стереотипов и эмоций.

Заключение. Полученные результаты свидетельствуют о формировании в немецком языке инклюзивной нормы, ориентированной на уважительное и нейтральное обозначение инвалидности. Номинации выступают важным инструментом репрезентации личности и отражают динамические изменения в обществе.

Ключевые слова: номинации лиц, лица с ограниченными возможностями здоровья, немецкий язык, юридический дискурс, медицинский дискурс, медийный дискурс

Для цитирования: Власов А. С., Боднарук Е. В. Номинации лиц с ОВЗ в современном немецком языке // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 1. С. 170–181. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-170-181.

© Власов А. С., Боднарук Е. В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Nominations of Persons with Disabilities in Modern German

Andrei S. Vlasov¹, Elena V. Bodnaruk²✉

^{1, 2}*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia*

¹*a.vlasov@narfu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7312-8992>*

²✉*e.bodnaruk@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4405-4513>*

Introduction. The article is devoted to the analysis of nominations referring to persons with disabilities in the modern German language. The aim of the study was to identify the main structural features of these nominations, their semantics and functioning across various discourse types. The scientific novelty of the work lies in the integrated approach to the study of nominations, combining linguistic and socially oriented parameters of analysis. The relevance of the study is due to the growing attention of society to issues of inclusion and the need to form a correct linguistic norm regarding the designation of persons with disabilities.

Methodology and sources. The methodological framework of the study is the cognitive, pragmatic and sociolinguistic approaches, allowing to consider the nomination as a result of the interaction of language and social representations. The empirical basis of the study is German-language texts of medical, legal and media discourses. The data were collected through continuous sampling from six publications about people with disabilities. The analysis includes the systematisation of the identified designations, the determination of their discursive functions and their interpretation within contemporary linguistic practice.

Results and discussion. The total number of extracted nominations was 209 units. The obtained results show that the analysed texts are dominated by neutral and inclusive nominations aimed at emphasising the individual rather than his/her health problems. Legal texts are dominated by nominations established by law, reflecting the legal status of persons with disabilities. Medical texts demonstrate a high level of detail in describing the disabilities of individuals, which is reflected in their designations. In media texts, a combination of neutral and evaluative nominations is observed, which is associated with the influence of social stereotypes and emotions.

Conclusion. The obtained results indicate the formation of an inclusive norm in the German language, focused on respectful and neutral designation of disability. Nominations serve as an important tool for representing individuals and reflect dynamic changes in society.

Keywords: nominations of persons, people with disabilities, German language, legal discourse, medical discourse, media discourse

For citation: Vlasov, A.S. and Bodnaruk, E.V. (2026), "Nominations of Persons with Disabilities in Modern German", *DISCOURSE*, vol. 12, no. 1, pp. 170–181. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-1-170-181 (Russia).

Введение. Исследования номинаций лиц в современной лингвистике занимают важное место, так как они связаны с ключевыми вопросами функционирования языка. Речь идет о том, какими способами происходит номинация лиц, какие семантические, когнитивные, прагматические и социокультурные факторы влияют на выбор конкретной номинации в речи. В центре внимания исследователей находятся как структурные особенности номинаций (словообразовательные, фразеологические, метафорические модели), так и их дискурсивные функции, в том числе репрезентация социальных стереотипов и идентичностей [1, с. 123].

Особый интерес в этом контексте представляет область номинаций лиц с ограниченными возможностями здоровья, которая является своеобразным индикатором социальных изменений, отражая переход общества от стигматизации к инклюзии. Под лицами с ОВЗ понимаются люди, чьи физические, психические, интеллектуальные или сенсорные особенности в сочетании с внешними барьерами могут препятствовать их полноценному участию в жизни общества [2].

Актуальность данной темы обусловлена общей гуманизацией публичного дискурса и активными процессами в языке, направленными на поиск нейтральных, уважительных и точных вариантов наименований лиц. Новизна работы заключается в том, что в ней впервые производится анализ номинаций лиц с ОВЗ, используемых в современных немецкоязычных текстах медицинского, юридического и медийного дискурсов. Понимание дискурса как тематической общности текстов весьма распространено в современной лингвистике [3] и позволяет эффективно изучать языковые единицы в зависимости от сферы их употребления и контекста.

В отечественной и зарубежной традиции номинация лица обычно трактуется как лексико-семантический процесс, связанный с выбором языковых средств для называния человека. А. В. Яковлева рассматривает этот процесс как более сложный феномен, чем просто создание названий для понятий или явлений. Она акцентирует внимание на семантической специфике номинации лиц, которая складывается в ходе социальной практики [4].

Анализ номинаций лиц в языке представляет собой комплексную задачу, для решения которой необходим совокупный методологический подход. Каждый из используемых подходов позволяет проанализировать отдельные аспекты языковой структуры и механизмы ее функционирования. Например, при лексико-семантическом подходе внимание акцентируется на изучении значений слов и их сочетаний, используемых для номинации лиц. Так можно понять, как разные лексические единицы формируют представления о людях в языке и как эти образы варьируются в зависимости от ситуации. Когнитивный подход рассматривает номинацию как деятельность, связанную с восприятием и категоризацией реальности. Прагматический подход изучает использование номинаций в реальных коммуникативных ситуациях, учитывая влияние контекста и целей говорящего. Данный подход позволяет проанализировать, как номинации служат для достижения различных коммуникативных задач, включая выражение уважения, демонстрацию статуса, власти или формирование определенного имиджа. Социолингвистический подход фокусируется на том, каким образом социальные факторы, такие как пол, возраст, социальное положение и этническая принадлежность, влияют на выбор номинаций. Выбор данного подхода способствует выявлению того, как язык отображает и формирует социальные различия и как номинации используют для обозначения социальных иерархий [5–8].

В данной работе исследование номинации лиц с ОВЗ опирается на комплекс подходов, соединяющий в себе когнитивный, прагматический и социолингвистический анализ, поскольку именно так можно рассмотреть не только структуру номинаций, но и их функции в современном обществе.

В немецкой лингвистической традиции номинации лиц рассматриваются в различных аспектах, один из которых – словообразовательный. Внимание уделяется, в частности, фразеологическим номинациям [9] и словосложению как продуктивному способу обозначения лиц

[10, с. 15–16]. В последние десятилетия значительное развитие получило изучение гендерных [11; 12], в том числе гендерно нейтральных форм (например, использование «Gendersternchen» («гендерной звездочки»): Lehrer*in), что отражает изменения в современном обществе, направленные на языковое равенство. Встречаются исследования, в которых представлены неофициальные, в том числе прозвищные номинации [13–15], наименования лиц по профессии [16], номинации лиц в текстах немецких СМИ [17] и некоторые другие.

Что касается номинаций лиц с ОВЗ, то в лингвистике эта тема разработана недостаточно как на материале русского, так и на материале немецкого языков. Существующие исследования часто носят фрагментарный характер и обращаются преимущественно к исторически закрепленным обозначениям. Так, в работе В. В. Стрельцовой анализируется реализация норм политической корректности в немецкоязычном медиадискурсе, где номинации лиц с ОВЗ рассматриваются в общем контексте толерантной коммуникации [18]. Исследование Р. С. Шелеховой посвящено эвфемистическим номинациям инвалидности на примере статьи из журнала Focus, написанной о человеке с тяжелой формой инвалидности [19]. Работа П. П. Банман, А. А. Леглер и Т. В. Матвейчевой исследует особенности реализации концепта «der/die Behinderte» в немецком языковом сознании, затрагивая вопросы восприятия и оценочных коннотаций данной номинации [20]. В настоящей работе производится анализ номинаций лиц с ОВЗ на материале текстов, принадлежащих трем разным дискурсам, что позволяет взглянуть на проблему номинации с нескольких ракурсов и выявить современные тенденции в рассматриваемой сфере.

Исследование номинаций лиц с ограниченными возможностями здоровья в зависимости от дискурса является одним из важных направлений изучения репрезентации инвалидности. Лексические обозначения данной социальной группы людей представляют собой не только языковые средства номинации, но и индикаторы общественных установок, ценностных ориентаций и динамики восприятия инвалидности в немецкоязычном сообществе. Поэтому обращение к конкретным примерам употребления номинаций в текстах разных дискурсов позволяет выявить то, каким образом языковые формы участвуют в создании образа человека с ОВЗ и какие идеологические и эмоциональные подтексты кроются за их использованием.

Методология и источники. Материалом исследования послужили немецкоязычные тексты медицинского и юридического характера, а также тексты СМИ, актуализирующие проблематику инвалидности в современном обществе Германии. Эмпирическому анализу было подвергнуто шесть статей общим объемом 441 300 печатных знаков, из которых методом сплошной выборки были отобраны 209 номинаций лиц с ОВЗ. Выявленные в ходе анализа номинации были систематизированы в зависимости от сферы употребления, был также произведен их количественный подсчет (см. табл.).

Результаты и обсуждение. Изучение номинаций лиц с ОВЗ показывает, что выбор языковых средств в проанализированных текстах тесно связан с социокультурными представлениями об инвалидности. Распределение номинаций по сферам употребления отражает то, каким образом общественные установки, нормы и ценности инклюзии проявляются в языковой практике.

Номинации лиц с ОВЗ в зависимости от сферы употребления
Nominations of persons with disabilities depending on the area of use

Сфера употребления	Номинации лиц с ОВЗ	Количество упоминаний, ед.
Тексты СМИ	Menschen mit Behinderung (mit Schwerbehinderung)	31
	behinderte (hörbehinderte) Menschen	37
	Menschen mit Unterstützungsbedarf	1
	an den Rollstuhl gefesselt(e)	6
	Menschen mit Beeinträchtigung	2
	Menschen mit Handicap	1
	Menschen mit besonderen Bedürfnissen	2
Тексты юридической тематики	anders begabt(e)	1
	behinderte (hörbehinderte) Menschen	14
	Menschen mit Behinderung (mit Schwerbehinderung)	38
Тексты медицинской тематики	Menschen mit einem Grad der Behinderung (GdB)	2
	Patient(en) mit (Mehrfach-)Behinderungen	3
	Menschen mit kognitiven (intellektuellen) Beeinträchtigungen	12
	Menschen mit psychischen Beeinträchtigungen	4
	Menschen mit Behinderung (mit Schwerbehinderung)	19
	Menschen mit Intelligenzminderung	36

В современном немецком языке наблюдается выраженная тенденция к смягчению значения номинаций и перенос акцента с указания на физическое или психологическое состояние на подчеркивание личности и ее участия в жизни общества. Так, конструкции с компонентом *Menschen* (люди/лица) отражают стремление поставить в центр внимания самого человека, а не его ограничение. Например, термин *Menschen mit Behinderung* (люди/лица с ограниченными возможностями здоровья) встречается преимущественно в официальных и медиатекстах, лишённых эмоциональной окраски:

«Erwerbstätige Menschen mit Behinderung sind zum einen am ersten (allgemeinen) Arbeitsmarkt zu finden, zu dem auch Inklusionsbetriebe gehören» (Трудоустроенных людей с ограниченными возможностями здоровья можно, с одной стороны, найти на первичном (общем) рынке труда, который включает в себя также инклюзивные предприятия.) [21].

Такое употребление демонстрирует попытку нейтрализовать оценочную составляющую и представить инвалидность как одну из множества возможных характеристик человеческой идентичности.

Иная тенденция наблюдается при употреблении таких эвфемизмов, как *Menschen mit Beeinträchtigung* (люди/лица с нарушениями) или *Menschen mit Handicap* (люди/лица с ограничениями). Полагаем, что эти номинации были введены в употребление как попытка найти более этичное обозначение инвалидности, однако они нередко воспринимаются как способ «замаскировать» проблему и скрыть за позитивно окрашенной лексикой сохраняющуюся стигматизацию или предвзятое отношение к лицам с ОВЗ. В результате возникает дистанция между участниками коммуникации, которая препятствует развитию инклюзивного общества:

«Bei Bezeichnungen wie “Menschen mit Beeinträchtigung” oder “Menschen mit Handicap” handelt es sich um sogenannte Euphemismen, also Worte, die dazu führen sollen, etwas vermeintlich Negatives zu beschönigen”, erklärt die behinderte Aktivistin Luisa L’Audace, die in ihrem Buch “Behindert und stolz” mit Vorurteilen aufräumt» («Такие обозначения, как “люди с

нарушениями” или “люди с ограничениями” являются так называемыми эвфемизмами, т. е. словами, призванными приукрасить что-то якобы негативное», – объясняет активистка с инвалидностью Луиза Л’Одас, которая развенчивает предрассудки в своей книге «Инвалидность и гордость»). [22].

Особое место занимают номинации, функционирующие в законодательной сфере. Так, выражения типа *behinderte Menschen* (люди/лица с ограниченными возможностями здоровья), *Menschen mit (Schwer-)Behinderung* (люди/лица с тяжелыми формами инвалидности) обладают высокой степенью точности и юридической закреплённости в сочетании с отсутствием эмоциональной окраски, что типично для официально-делового стиля. Они выполняют функцию идентификации лица в правовом контексте. Здесь преобладает подход, при котором инвалидность рассматривается как категория социального статуса, связанная с мерами поддержки и льготами:

«*Offenbar sind sie dort nicht willkommen, wie Zahlen des Bundesministeriums für Arbeit und Soziales nahelegen: 45.000 Unternehmen beschäftigen trotz gesetzlicher Vorgabe keinen einzigen Menschen mit Schwerbehinderung*» (Очевидно, что им там не рады, о чем свидетельствуют данные Федерального министерства труда и социальных дел: 45 000 предприятий, несмотря на требования законодательства, не нанимают ни одного человека с тяжелыми формами инвалидности.) [21].

«*Daneben spielen insbesondere für Personen, die in stationären Einrichtungen leben, Werkstätten für behinderte Menschen (WfbM) eine wichtige Rolle bei der Einbindung ins Erwerbssystem*» (Кроме того, мастерские для людей с ограниченными возможностями здоровья (WfbM) играют важную роль в интеграции в систему занятости, особенно для лиц, проживающих в стационарных учреждениях.) [21].

Номинация *behinderte Menschen* представлена в анализируемых материалах, в том числе с уточнением типа нарушения (например, *hörbehinderte Menschen* (люди/лица с нарушениями слуха), *sehbehinderte Menschen* (люди/лица с ослабленным зрением)). Такая структура демонстрирует прикреплённость обозначения к характеристике состояния: инвалидность выступает здесь как присущая человеку черта. В юридических и административных текстах подобные номинации обладают высокой степенью фиксированности, что облегчает их идентификацию для правоприменительных целей.

Формализованный характер юридического языка подчеркивает номинация *Menschen mit einem Grad der Behinderung* (люди/лица с определенной степенью инвалидности), где *Grad der Behinderung (GdB)* (степень инвалидности) обозначает количественно измеряемый критерий, определяющий правовой статус лица (оценку тяжести состояния человека с ОВЗ). Таким образом, инвалидность представляется здесь не как личностная особенность, а как юридически значимое состояние. При этом структура *Menschen mit...* сохраняет нейтральность и демонстрирует стремление избегать дискриминирующих терминов в официальных документах:

«*Mit dem Schwerbehindertenausweis können sich Menschen mit einem Grad der Behinderung (GdB) von mindestens 50 ausweisen*» (Удостоверение личности лица с тяжелой формой инвалидности может использоваться для идентификации лиц со степенью инвалидности (GdB) не менее 50 баллов.) [23].

В медицинском дискурсе наблюдается стремление к максимальной конкретизации и детализации группы лиц с ОВЗ: *Menschen mit psychischen/kognitiven/intellektuellen Beeinträchtigungen* (люди/лица с психическими/когнитивными/интеллектуальными нарушениями); *Patient(en) mit (Mehrfach-)Behinderungen* (пациенты с множественными нарушениями здоровья). Данные номинации подчеркивают тип и степень нарушения, что необходимо в клиническом описании, однако сохраняют дистанцию между врачом и пациентом. В сравнении с текстами СМИ номинации в медицинских текстах менее подвержены эвфемизации, что связано с требованиями точности и объективности:

«*Das traumatologische Patientinnenkollektiv ist dabei regelmäßig durch schwerste geistige und körperliche Entwicklungsstörungen und (Mehrfach-)Behinderungen, mit und ohne Verhaltensstörungen, und internistische Begleiterkrankungen charakterisiert*» (Для пациентов с травмами при этом обычно характерны тяжелые нарушения умственного и физического развития, а также (множественные) нарушения здоровья, как с поведенческими расстройствами, так и без них, и сопутствующие внутренние заболевания.) [24, p. 165].

Номинация *Menschen mit Intelligenzminderung* (люди/лица с интеллектуальными нарушениями) отражает современный подход к описанию инвалидности, при котором в центре внимания находится человек, а не его нарушение. Подобное употребление демонстрирует гуманизацию профессионального языка медицины и стремление к уважительному и нейтральному обозначению пациентов с разным видами нарушений:

«*Menschen mit Intelligenzminderung benötigen individuelle Unterstützungsangebote und personenzentrierte Betreuung*» (Люди с интеллектуальными нарушениями нуждаются в индивидуальной поддержке и уходе, ориентированном на потребности человека.) [25].

В текстах СМИ наблюдается довольно широкий диапазон оценочных и эмоциональных оттенков в номинациях лиц с ОВЗ. С одной стороны, в них встречаются обозначения, отражающие идею участия и активного присутствия людей с инвалидностью в общественной жизни, например: *Menschen mit Unterstützungsbedarf* (люди/лица, нуждающиеся в поддержке), *Menschen mit besonderen Bedürfnissen* (люди/лица с особыми потребностями), *anders begabte (Menschen)* (люди/лица с иными способностями (талантами)). С другой стороны, сохраняются и метафорические обозначения (*an den Rollstuhl gefesselt(e)* (прикованные к инвалидной коляске)), которые критикуются за создание образа жертвы. Здесь публицистика становится некой ареной борьбы между инклюзивными и стереотипными моделями номинации:

«*Denn dieses Bild ist, wenn auch unbewusst, mit dem Ausdruck gemeint, jemand sei „an den Rollstuhl gefesselt“ – eine ziemlich unglückliche Metapher, denn das macht den Rollstuhlfahrer, der in der Regel gemeint ist, zum hilflosen Opfer*» (Потому что этот образ, пусть и неосознанно, подразумевается под выражением “прикованный к инвалидной коляске” – довольно неудачная метафора, поскольку это превращает человека в инвалидной коляске, которого обычно имеют в виду, в беспомощную жертву.) [26].

Примечательно, что в подвергнутых анализу текстах не была зафиксирована номинация *Invalide* (инвалид), широко употреблявшаяся в немецком языке в XIX – первой половине XX в. Отсутствие данного обозначения объясняется тем, что в современных реалиях слово *Invalide* считается устаревшим и стигматизирующим обозначением лиц с ОВЗ. Именно по-

этому в немецком языке произошло вытеснение данной номинации нейтральными структурами типа *Menschen mit Behinderung*.

Количественный подсчет номинаций лиц с ограниченными возможностями здоровья в анализируемых нами немецкоязычных источниках показал явное доминирование в текстах номинации *Menschen mit Behinderung* (88 единиц). Данная номинация демонстрирует стремление современного общества к корректному и уважительному обозначению людей с ОВЗ, когда акцент ставится на личности, а не на ее заболевании. Высокой частотностью характеризуется и номинация *behinderte Menschen* (51 единица). Частотность данной номинации объясняется как исторической и юридической устойчивостью форм прилагательных в составе номинаций, так и тем, что в ряде ситуаций требуется оперативная, краткая идентификация субъекта.

Закключение. Таким образом, в данной работе были исследованы номинации лиц с ограниченными возможностями здоровья в текстах трех дискурсов. Анализ показал, что в современном немецком языке наблюдается устойчивая тенденция к нейтральному и корректному употреблению лексики, служащей вербализации темы инвалидности.

Смена номинаций от *Invalide* к *Menschen mit Behinderung*, *behinderte Menschen* и подобным показывает постепенный сдвиг от акцента на физическом или психическом ограничении к акценту на социальном контексте и необходимости поддержки лиц с ОВЗ. Этот процесс сопровождается изменением прагматики высказывания: обозначение становится инструментом не исключения, а включения в общество.

Эвфемистические формы, несмотря на свою корректность, нередко демонстрируют внутреннее противоречие между стремлением к уважительности и риском излишней снисходительности. Наряду с этим в немецком языке сохраняется напряжение, обусловленное необходимостью совместить юридическую точность с этикой, а формализацию – с эмоциональной нейтральностью. Данные противоречия являются отражением конфликта между официальными и личностными взглядами на инвалидность и людей с ОВЗ, что делает лингвистический анализ номинаций данной группы лиц особенно значимым для понимания динамики немецкоязычного дискурса инвалидности.

В целом результаты исследования подтверждают, что в немецком языке происходит формирование новой языковой нормы, ориентированной на инклюзивность, уважение к личности и признание равного статуса людей с ограниченными возможностями здоровья. Проявление данной тенденции способствует возникновению в языке и новых номинаций лиц с ОВЗ, в результате чего складывается ситуация полиноминативности и конкуренции.

Следует отметить, что список номинаций, представленный в данном исследовании, не является исчерпывающим и может (должен) увеличиться при привлечении новых источников иллюстративного материала. Подвергнутая исследованию тема представляет несомненный интерес для дальнейшего исследования. Так, перспективным видится привлечение для эмпирического анализа текстов, принадлежащих другим дискурсам, чувствительным к проблеме инклюзии (например, спортивному, политическому или экономическому), а также проведение сравнительно-сопоставительных исследований номинаций лиц с ОВЗ на материале двух и более языков, в том числе с точки зрения структуры данных номинаций, а также сходства/различия их внутренней формы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головань Н. В. Номинация и характеристика лица в аспекте творческого отношения к деятельности // Вестн. Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 122–130. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-122-130>.
2. Sozialgesetzbuch Neuntes Buch – Rehabilitation und Teilhabe von Menschen mit Behinderungen – (Artikel 1 des Gesetzes v. 23. Dezember 2016, BGBl. I S. 3234) (Neuntes Buch Sozialgesetzbuch - SGB IX) // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_9_2018/BJNR323410016.html (дата обращения: 11.11.2025).
3. Боднарук Е. В. О соотношении понятий «текст» и «дискурс» // Вузовская наука – региону: материалы XIV Всерос. науч. конф. / Вологодский гос. ун-т. Вологда, 2016. С. 288–290.
4. Яковлева А. В. Номинации лиц по профессиональной принадлежности в современном русском языке: семантические особенности и пути формирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2009.
5. Айвазова Э. Р. Метод семантического анализа лексических единиц // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 12–2. С. 116–119.
6. Медведева А. В. Когнитивные основы номинации // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. Т. 8, № 1. С. 92–100.
7. Путина О. Н., Балакин С. В. Речевая коммуникация: прагматический аспект // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 4–9.
8. Хорошилова С. П. Социолингвистический подход к вопросу о региональных диалектах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 11. С. 17–19.
9. Усачева А. В. Фразеологические номинации лица в немецком языке: виды языкового влияния и вопросы гендерной репрезентации // Язык и текст. 2025. Т. 12, № 2. С. 86–94. DOI: [10.17759/langt.2025120208](https://doi.org/10.17759/langt.2025120208).
10. Иванова Т. К. Словоупотребление как способ номинации в русском и немецком языках (на материале наименований лица): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / КФУ. Казань, 2012.
11. Яценко Н. В. Наименования лиц женского пола в немецком языке (диахронический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / СГПУ. Самара, 2008.
12. Крылова О. Н. Пейоративные номинации лица в гендерном аспекте: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2009.
13. Шпар Т. В. Прозвищные антропонимические номинации в социолингвистическом аспекте: на материале немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / БашГУ. Уфа, 2012.
14. Потапова С. Ю. Неофициальные именованные лица в современном немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / МПГУ. М., 2004.
15. Сибирякова М. А. Косвенные номинации лица в молодежном языке современной Германии: автореф. дис. ... канд. филол. наук / НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. Новгород, 2014.
16. Кожанова Н. В. Наименования лиц по профессии в немецкоязычной картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул, 2007.
17. Мещерякова-Клабахер В. А. Номинация лица в текстах немецких СМИ: на примере номинаций писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2016.
18. Стрельцова В. В. Реализация норм политической корректности в немецкоязычном медиадискурсе // Вестн. МГЛУ. Гуманитарные науки. 2023. № 10 (878). С. 107–112. DOI: [10.52070/2542-2197_2023_10_878_107](https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_10_878_107).
19. Шелехова Р. С. Эвфемистическая номинация инвалидности в немецких газетных текстах // Филологические науки в МГИМО. 2025. Т. 11, № 1. С. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-76-88>.
20. Banman P. P., Legler A. A., Matveicheva T. V. Specifics of implementation of the “der/die Behinderte” concept in German language consciousness // The European Proc. of Social and Behavioural Sciences. 2020. P. 1399–1405. DOI: [10.15405/epsbs.2020.10.05.184](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.05.184).

21. Zapfel S. Menschen mit Behinderung am Arbeitsmarkt // Bundeszentrale für politische Bildung. 19.05.2023. URL: <https://www.bpb.de/themen/inklusion-teilhabe/behinderungen/521209/menschen-mit-behinderung-am-arbeitsmarkt/> (дата обращения: 11.11.2025).

22. Wellinger R. Menschen mit Behinderung: Alles, was du über Ableismus und ein inklusives Miteinander wissen musst – und wie du ein Ally wirst // Glamour. 01.03.2023. URL: <https://www.glamour.de/artikel/menschen-mit-behinderung-ableismus> (дата обращения: 12.11.2025).

23. Schwerbehindertenausweisverordnung (SchwbAwV) – (neugefasst durch B. vom 25.07.1991 BGBl. I S. 1739; zuletzt geändert durch Artikel 52 G. v. 20.08.2021 BGBl. I S. 3932 Geltung ab 01.11.1981) // Buzer.de. URL: <https://www.buzer.de/gesetz/3998/index.htm> (дата обращения: 12.11.2025).

24. Medizin für Menschen mit Behinderungen / N. Grüneweller, D. Wähnert, N. Schillians et al. // Der Unfallchirurg. 2022. Vol. 125. P. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00113-021-01105-4>.

25. S2k Praxisleitlinie Intelligenzminderung / F. Caby, K. Hoffmann, D. Irblich et al. // AWMF Leitlinien-Register. 2014. URL: https://register.awmf.org/assets/guidelines/028-042l_S2k_Intelligenzminderung_2021-09.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

26. Felber F. Menschen mit Behinderung: Auf Augenhöhe // Tagesspiegel. 2014. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/medien/auf-augenhohe-8278531.html> (дата обращения: 11.11.2025).

Информация об авторах.

Власов Андрей Сергеевич – аспирант кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, Архангельск, 163000, Россия. Автор трех научных публикаций. Сфера научных интересов: дискурс инвалидности, номинации лиц с ограниченными возможностями здоровья, репрезентация эмоций в языке.

Боднарук Елена Владимировна – доктор филологических наук (2017), доцент (2007), профессор кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, наб. Северной Двины, д. 17, Архангельск, 163000, Россия. Автор 110 научных публикаций. Сфера научных интересов: теория языка, дискурсивный анализ, лингвопрагматика, сравнительно-сопоставительные исследования.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 18.12.2025; принята после рецензирования 30.12.2025; опубликована онлайн 20.02.2026.*

REFERENCES

1. Golovan, N.V. (2021), "Nomination and characterization of a person in terms of creative attitude to activity", *Vestnik of Samara Univ. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 122–130. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-122-130>.

2. "Sozialgesetzbuch Neuntes Buch – Rehabilitation und Teilhabe von Menschen mit Behinderungen – (Artikel 1 des Gesetzes v. 23. Dezember 2016, BGBl. I S. 3234) (Neuntes Buch Sozialgesetzbuch - SGB IX)", *Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz*, available at: https://www.gesetze-im-internet.de/sgb_9_2018/BJNR323410016.html (accessed 11.11.2025).

3. Bodnaruk, E.V. (2016) "On the relationship between the concepts of "text" and "discourse"", *Vuzovskaya nauka - regionu: materialy XIV Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [University Science for the Region: Proc. of the XIV All-Russian Scientific Conference], Vologda, RUS, pp. 288–290.

4. Yakovleva, A.V. (2009), "Nominations of persons by professional affiliation in the modern Russian language: semantic features and ways of formation", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Yaroslavl State Pedagogical Univ. named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, RUS.

5. Aivazova, E.R. (2016), "Method of semantic analysis of lexical units", *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 2, no. 12, pp. 116–119.

6. Medvedeva, A.V. (2010), "Cognitive basis of nomination", *NSU Vestnik. Ser. Linguistics and Intercultural Communication*, vol. 8, no. 1, pp. 92–100.
7. Putina, O.N. and Balakin, S.V. (2022), "Verbal communication: pragmatic aspect", *Eurasian Humanitarian J.*, no. 1, pp. 4–9.
8. Khoroshilova, S.P. (2010), "A sociolinguistic approach to the issue of regional dialects", *Int. J. of Applied and Fundamental Research*, no. 11, pp. 17–19.
9. Usacheva, A.V. (2025), "Phraseological nominations of a person in the German language: types of linguistic influence and issues of gender representation", *Language and Text*, vol. 12, no. 2, pp. 86–94. DOI: 10.17759/langt.2025120208.
10. Ivanova, T.K. (2012), "Compounding as a method of nomination in Russian and German (based on the names of persons)", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, KFU, Kazan, RUS.
11. Yashchenko, N.V. (2008), "Names of female persons in German: (diachronic aspect)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SSPU, Samara, RUS.
12. Krylova, O.N. (2009), "Pejorative nominations of a person in a gender aspect: based on the German language", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, MSPU, Moscow, RUS.
13. Shpar, T.V. (2012), "Nicknames and anthroponymic nominations in a sociolinguistic aspect: based on the German language", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, BashSU, Ufa, RUS.
14. Potapova, S.Yu. (2004), "Informal designations of persons in modern German", Abstract of Dr. Sci. (Philology) dissertation, MSPU, Moscow, RUS.
15. Sibiryakova, M.A. (2014), "Indirect nominations of person in the youth language of modern Germany", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Linguistics Univ. of N. Novgorod, N. Novgorod, RUS.
16. Kozhanova, N.V. (2007), "Occupational designations in the German-language worldview", Can. Sci. (Philology) Thesis, Barnaul State Pedagogical Univ., Barnaul, RUS.
17. Meshcheryakova-Klabakher, V.A. (2016), "Nomination of a person in German media texts: the example of writer nominations", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, SPbSU, SPb., RUS.
18. Streltsova, V.V. (2023), "Implementation of the Norms of Political Correctness in the German-Language Media Discourse", *Vestnik of Moscow State Linguistic Univ. Humanities*, no. 10 (878), pp. 107–112. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_10_878_107.
19. Shelekhova, R.S. (2025), "Euphemistic Disability Nomination in German Newspaper Texts", *Linguistics & Polyglot Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 76–88. DOI: <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2025-1-41-76-88>.
20. Banman, P.P., Legler, A.A. and Matveicheva, T.V. (2020), "Specifics of implementation of the "der/die Behinderte" concept in German language consciousness", *The European Proc. of Social and Behavioural Sciences*, pp. 1399–1405. DOI: 10.15405/epsbs.2020.10.05.184.
21. Zapfel, S. (2023), "Menschen mit Behinderung am Arbeitsmarkt", *Bundeszentrale für politische Bildung*, 19.05.2023, available at: <https://www.bpb.de/themen/inklusion-teilhabe/behinderungen/521209/menschen-mit-behinderung-am-arbeitsmarkt/> (accessed 11.11.2025).
22. Wellinger, R. (2023), "Menschen mit Behinderung: Alles, was du über Ableismus und ein inklusives Miteinander wissen musst – und wie du ein Ally wirst", *Glamour*, 01.03.2023, available at: <https://www.glamour.de/artikel/menschen-mit-behinderung-ableismus> (accessed 12.11.2025).
23. "Schwerbehindertenausweisverordnung (SchwbAwV) – (neugefasst durch B. vom 25.07.1991 BGBl. I S. 1739; zuletzt geändert durch Artikel 52 G. v. 20.08.2021 BGBl. I S. 3932 Geltung ab 01.11.1981)", *Buzer.de*, available at: <https://www.buzer.de/gesetz/3998/index.htm> (accessed 12.11.2025).
24. Grüneweller, N., Wähnert, D., Schillians, N. et al. (2022), "Medizin für Menschen mit Behinderungen", *Der Unfallchirurg*, vol. 125, pp. 165–172. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00113-021-01105-4>.
25. Caby, F., Hoffmann, K., Irblich, D. et al. (2014), "S2k Praxisleitlinie Intelligenzminderung", *AWMF Leitlinien-Register*, available at: https://register.awmf.org/assets/guidelines/028-042l_S2k_Intelligenz_minderung_2021-09.pdf (accessed 11.11.2025).

26. Felber, F. (2014), "Menschen mit Behinderung: Auf Augenhöhe", *Tagesspiegel*, available at <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/medien/auf-augenhohe-8278531.html> (accessed 11.11.2025).

Information about the authors.

Andrei S. Vlasov – Postgraduate at the Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 17 Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk 163000, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: disability discourse, nominations of persons with disability, representation of emotions in language.

Elena V. Bodnaruk – Dr. Sci. (Philology, 2017), Docent (2007), Professor at the Department of German and French Philology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 17 Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk 163000, Russia. The author of 110 scientific publications. Area of expertise: theoretical linguistics, the theory of discourse, linguistic pragmatics, comparative linguistics.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 18.12.2025; adopted after review 30.12.2025; published online 20.02.2026.*

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи». К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000 – 40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, *a*).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:
 - УДК (выравнивание по левому краю);
 - авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько, ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;
– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, разделенных запятыми и отражающих содержание статьи;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);
– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в

ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи подряд, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI

(см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора, сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний), e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 5.7.1. Онтология и теория познания;
- 5.7.2. История философии;
- 5.7.3. Эстетика;
- 5.7.4. Этика;
- 5.7.5. Логика;
- 5.7.6. Философия науки и техники;
- 5.7.7. Социальная и политическая философия;
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры;
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Социология (по научным специальностям):

- 5.4.1. Теория, методология и история социологии;
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.5. Политическая социология;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7. Социология управления.

Филология (по научным специальностям):

- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *О. Н. Артунян, О. Р. Крумина,
Е. А. Ушакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Рыбец*

Editors: *O. N. Artunian, O. R. Krumina,
E. A. Ushakova*
DTP Professional *E. S. Rybets*

Подписано в печать 18.02.26. Дата выхода в свет 25.02.26.
Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 24,18. Печ. л. 23,25. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 19.
Цена свободная.

Signed to print 18.02.26. Publication date 25.02.26.
Sheet size 60 × 84 1/8. Educational-ed. liter. 24,18. Conventional printed sheets 23,25.
Number of copies 300. Printing plant 1–150 copies. Order no. 19.
Free price.

Отпечатано в издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

Published by ETU Publishing house
5F Professor Popov Str., St Petersburg 197022, Russia. Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56

Журнал «Дискурс» издается по тематическим направлениям в соответствии с тремя группами специальностей научных работников:

- **Философия**
- **Социология**
- **Языкознание**